

МОЛОДОЙ

УЧЁНЫЙ

научный журнал

ISSN 2072-0297

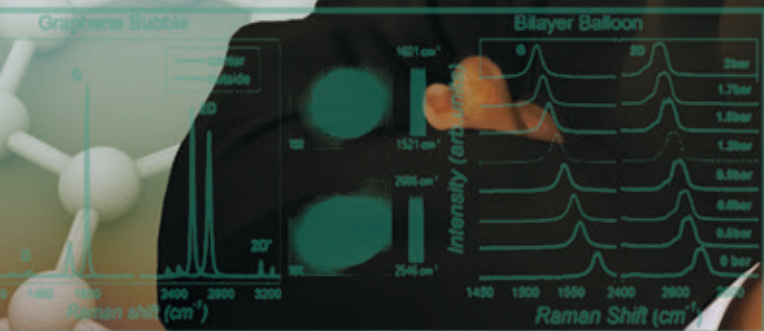
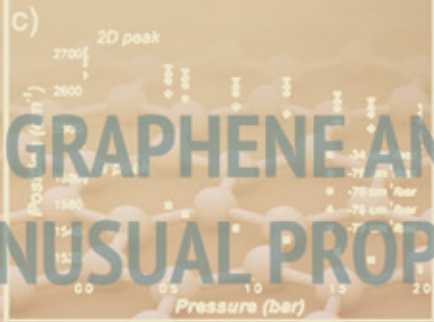
Field-Effect
Tunneling

Transistor Based
on Vertical

Graphene Heterostr

GRAPHENE AND ITS
UNUSUAL PROPERTIES

Direct Experimental Evid
of Metal-Mediat
Suspende

21
2015
Часть VI

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 21 (101) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

На обложке изображен Константин Сергеевич Новосёлов (род. 1974) — российский и британский физик, лауреат Нобелевской премии по физике 2010 года.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Альханов Н. М.**
Криминологическая характеристика женской преступности..... 547
- Альханов Н. М.**
Особенности личностных характеристик женщин, совершающих преступления 549
- Андреева Е. В.**
Заключение мирового соглашения 552
- Андреева Е. В.**
Правовая природа мирового соглашения в гражданском судопроизводстве 556
- Ахьядов Э. С.**
Анализ структуры женской преступности 561
- Ахьядов Э. С.**
Психологические детерминанты женской преступности..... 564
- Басаев В. А.**
Социально-психологические детерминанты женской преступности..... 567
- Басаев В. А.**
Общесоциальные детерминанты женской преступности..... 570
- Бидова Б. Б.**
Антикоррупционный мониторинг в государственной политике противодействия коррупции в России 573
- Бидова Б. Б.**
Институциональное обеспечение национальной системы антикоррупционного мониторинга ... 575
- Галкин А. Ю.**
Существенные условия договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ..... 577
- Ганаева Е. Э.**
Классификация уголовно-правового бездействия 580
- Ганаева Е. Э.**
Уголовно-правовая категория «бездействие»: историко-правовой анализ..... 582
- Гасанова В. С.**
Деятельность Организации Объединенных Наций в сфере экологической защиты и ее развития.. 585
- Гринь Е. А., Горбань П. А.**
Публичные слушания по вопросу изменения вида разрешенного использования земельного участка 587
- Гюлджян Г. Г., Тюренкова К. А.**
К вопросу о реформировании Организации Объединенных Наций 590
- Долгополов Р. Г., Мельников И. С.**
Полномочия суда по переквалификации в уголовном процессе..... 592
- Дунаева Н. С.**
Современное состояние институтов местного самоуправления: свежий взгляд на проблемы ... 595
- Ермакова М. С.**
Уголовная ответственность за служебный подлог в истории российского законодательства 597
- Завтур М. В.**
Исчерпывающий перечень посягательств как путь решения проблем, связанных с определением пределов необходимой обороны..... 599
- Каплунов А. С.**
Структура и порядок организации Парламента Франции 601
- Киракосян А. Г., Наумкина В. В.**
Реализация решений Конституционного Суда Российской Федерации: проблемный аспект ... 604
- Колмогорова Е. В.**
Отдельные случаи добровольного прекращения права собственности и утраты права собственности 607

Колмогорова Е. В.	
Проблемы приватизации земельных участков собственниками недвижимого имущества вспомогательного назначения	611
Колокольцева К. А.	
Уголовно-правовая характеристика простого убийства	614
Ли Дзье	
The Exertion and Legislative Improvement to the Co-owned Patent Right in China.....	617
Мелихова Т. А.	
Соотношение злоупотребления правом с другими видами правового поведения	623
Руденко В. Н.	
Понятие и соотношение юридической и социальной справедливости	625
Степанова И. А.	
Реформирование системы образования в России: предпосылки и перспективы.....	627
Терёшкина А. А., Новикова Т. Ю.	
Доступность правосудия для малообеспеченных категорий населения в Российской Федерации...	630
Тюренкова К. А., Демидов А. С.	
Конституционно-правовой статус прокуратуры в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ	633
Фёдорова Н. А.	
Международно-правовое закрепление статуса ребенка как участника семейных отношений ...	636
Ходжалиев С. А.	
Уголовно-правовая категория «бездействие»: основные теоретические концепции и специфические правовые признаки	638
Ходжалиев С. А.	
Особенности формирования признаков общественной опасности и противоправности уголовно-правового бездействия	640
Яхьяева М. У.	
Взаимодействие категории «уголовно-правовое бездействие» с отдельными институтами и категориями общей части уголовного права ...	642
Яхьяева М. У.	
Проблемы ответственности за отдельные виды уголовно-правового бездействия и пути совершенствования уголовного законодательства.....	645

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Криминологическая характеристика женской преступности

Альханов Насруди Магомедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Женская преступность как самостоятельное явление стала объектом исследования достаточно давно. Однако интерес к данной проблеме долгое время проявляли преимущественно историки, философы, писатели, чьи размышления в основном касались определения особой роли и положения женщины в обществе, сравнения и противопоставления ее с мужчиной [1].

Научно и практически обоснованные исследования женской преступности именно как составной части общего явления преступности впервые получили свое развитие в рамках криминологической науки [2]. Объект изучения при этом значительно расширился: сформировались подходы к рассмотрению причин и условий женской преступности, объяснению криминального поведения, особенностей личности женщины-преступницы, а также выработке мер по предупреждению противоправного поведения женщин [3].

Исследование феномена женской преступности притягивало внимание представителей как социологического, так и антропологического направления криминологии.

Значительный вклад в изучение причин совершения женщинами преступлений внесли Ч. Ломброзо и его последователи, которые полагали, что истоки существования рассматриваемого феномена следует искать в биологической «неполноценности», «недоразвитости» женщин по сравнению с мужчинами. Главенствующую роль в определении причин преступности сторонники антропологической школы отводили анатомическим и физиологическим свойствам человеческого организма. Социальные условия при этом признавались лишь второстепенным фактором, создающим некий фон для реализации преступных женских склонностей [4].

В дореволюционной России исследованием женской преступности занимались такие ученые, как И. Я. Фойницкий, С. В. Познышев, П. Н. Тарновская и др., которые, преимущественно поддерживая гипотезу о биологической предрасположенности человека к преступному поведению, вместе с тем, признавали необходимость учета и социальных условий жизни индивида [5].

В работах М. Н. Гернета на основе анализа статистических данных о преступности женщин конца XIX — начала XX веков предпринимались попытки дать и некоторые объяснения ее причин. Отмечая рост женской преступности в промышленно-развитых странах, ученый констатировал зависимость данного явления от возрастающей социальной активности женщин, их роли и положения в обществе [6].

Криминологические исследования преступности, в том числе женской, активизировались в нашей стране в 20-х годах XX века, но, даже не сформировав четко выработанной позиции относительно объяснения ее существования, в середине 30-х годов были фактически приостановлены почти на три десятилетия. Такое положение объясняется как специфическими условиями и событиями того времени (период Великой Отечественной войны и послевоенные годы), так и позицией государства по отношению к криминологическим изысканиям.

Возобновление интереса к криминологическому исследованию преступности пришлось на 60-е годы прошлого века. С указанного времени также интенсивно начало осуществляться и изучение феномена женской преступности, значительный вклад в которое внесли такие ученые как Ю. М. Антонян, Е. В. Серeda, М. Н. Голоднюк, В. А. Серебрякова, А. А. Габиани, Т. М. Явчуновская и другие.

Проблема женской преступности не теряет своей актуальности и в настоящее время. Современные исследования фокусируются не только на выявлении общих черт и тенденций развития изучаемого явления, но и на выделении специфических характеристик, проявляющихся в конкретных аспектах его рассмотрения. Большое внимание уделяется как изучению отдельных видов женской преступности (насильственной, корыстной, связанной с незаконным оборотом наркотических средств и др.), так и возможностей применения полученной информации при расследовании преступлений. Иными словами, осуществляется поиск путей применения знаний о женской преступности, полученных в рамках криминологического ее изучения, в других областях научно-практической деятельности.

Женская преступность — это составная часть комплексного явления преступности. Между тем, наряду с чертами, присущими всей преступности, для нее характерна определенная специфика, которая и обуславливает выделение данной категории деяний в относительно самостоятельную структурную составляющую общего явления. Женская преступность взаимосвязана и взаимодействует с другими составными частями преступности (преступность несовершеннолетних, мужчин и т.д.). Она зависит от состояния последних и, в то же время, сама оказывает на них значительное влияние. Так, например, женская преступность влияет на преступность несовершеннолетних, поскольку именно женщина выполняет обычно основные функции по воспитанию детей [7].

Отметим, что в рамках настоящего исследования рассматривается только женская преступность, то есть преступность лиц женского пола, достигших возраста 18 лет, и старше. Это обусловлено тем, что преступность несовершеннолетних выделяется и рассматривается как самостоятельный вид преступности. Соответственно, преступность несовершеннолетних девушек изучается в рамках исследования преступности несовершеннолетних. Являясь, одновременно, разновидностью женской преступности и преступности несовершеннолетних, преступность женщин несовершеннолетнего возраста имеет свои особенности и выступает самостоятельным объектом криминологического исследования [8].

Ввиду того, что женская преступность является частью общего явления преступности, по нашему мнению, представляется логичным и справедливым определить понятие женской преступности именно исходя из родового по отношению к нему понятия — преступности.

Женская преступность, как социальное явление, обусловлена разнообразными процессами (экономическими, историческими, геополитическими, демографическими и др.), протекающими в обществе на определенных этапах его развития. По мнению В.А. Серебряковой, каждый новый такой период неизбежно приводит к изменению положения женщины как личности. Аналогичная связь проявляется и в криминальной сфере. Следовательно, изучение и анализ женской преступности должны происходить только с учетом конкретных исторических условий. Например, в Российской Федерации при переходе к рыночным отношениям произошли серьезные социально-экономические преобразования, которые существенно изменили социально-правовой статус женщин, явились криминогенным фактором роста совершаемых ими преступлений. То есть, изменение условий среды отразилось на положении в ней субъекта, что, в свою очередь, повлекло корректировку его поведения в разных сферах жизнедеятельности, в том числе и криминальной [9].

Уголовно-правовой характер женской преступности обусловлен тем, что перечень составляющих ее деяний

устанавливается уголовным законодательством, следовательно, является объективным и строго определенным в каждый конкретный момент времени. Изменения в уголовном законе влекут и изменения в преступности. Уголовно-правовой характер женской преступности позволяет отграничить ее, с одной стороны, от иных правонарушений, совершаемых женщинами, а с другой — от разновидностей антисоциального поведения женщин, вовсе не являющихся правонарушениями.

Женская преступность — относительно массовое явление. То есть, она представлена значительным числом деяний, совершенных определенным количеством лиц женского пола на конкретной территории в течение относительно длительного периода времени. Относительная массовость рассматриваемого явления проявляется в том, что не все лица женского пола, достигшие возраста 18 лет и старше, за определенный период и на определенной территории преступают нормы уголовного закона, а только некоторая их часть.

Преступность представляет собой единую систему. В литературе высказывается справедливая точка зрения, что женская преступность является относительно самостоятельной подсистемой преступности. Следовательно, женская преступность обладает теми же признаками системности, что и преступность в целом.

В рамках названной подсистемы Л. З. Аджиева предлагает выделять отдельные подвиды (формы проявления) женской преступности:

- преступность женщин несовершеннолетнего возраста;
- рецидивную и профессиональную преступность женщин;
- групповую преступность женщин;
- пенитенциарную преступность женщин;
- семейно-бытовую женскую преступность;
- корыстную, корыстно-насильственную и насильственную преступность женщин;
- преступность женщин против несовершеннолетних [10].

По нашему мнению, данное деление достаточно условно. Автором не приводится критерий, на основе которого оно осуществляется. Каждая из приведенных групп одновременно может являться составной частью других. Например, преступность женщин несовершеннолетнего возраста одновременно может быть корыстной, корыстно-насильственной, насильственной, групповой, рецидивной и т.д. Наряду с преступностью женщин против несовершеннолетних можно выделить преступность женщин против мужчин, а также сельскую и городскую женскую преступность. Каждое такое членение или обобщение имеет свое обоснование, поскольку предопределено некоторой спецификой отдельно взятого множества.

Кроме того, использование при характеристике указанных групп термина «подвиды» представляется недостаточно обоснованным. Выделение видов требует определения признаков, на основе которых оно будет осу-

ществляться. Использование термина «формы проявления» представляется более удачным. Однако, в любом случае, приведенный перечень продолжает оставаться условным и открытым.

Таким образом, изучение тендерных различий в преступности и, в частности, изучение женской преступности образует относительно самостоятельную область исследования в рамках криминологии. Женская преступность обладает значительной спецификой, что связано с социально-биологическими и психологическими особенностями женщины, с ее местом в системе общественных отношений, с выполняемыми ею социальными ролями и функциями.

Завершая рассмотрение понятия женской преступности и анализ системы учета женской преступности,

можно отметить, что женская преступность, то есть, преступность совершеннолетних лиц женского пола, является частью общего явления — преступности. Выделение женской преступности в качестве самостоятельного вида преступности обусловлено его спецификой, которая предопределена социально-психологическими и психологическими особенностями женщин, достигших совершеннолетия, их положением и ролью в системе общественных отношений.

Формирование эмпирической базы исследования женской преступности осложняется искажением данных о женской преступности как в аспекте основных ее показателей: состояние, структура, динамика и вред, так и в аспекте изучения личности самой женщины-преступницы.

Литература:

1. Иванов, А.И. Энциклопедия преступлений и катастроф. Женская преступность. — Минск: Литература, 1998. — с. 102.
2. Ломброзо, Ч., Ферреро Г. Женщина преступница и проститутка. — Минск: АВАН, 2000. — с. 31.
3. Елютина, И. А., Кольцов М. И. Преступность среди женщин в России. — Тамбов: Издат. дом ТГУ, 2009. — с. 116.
4. Викторов, К.Б. Ретроспективный анализ преступлений, совершаемых женщинами //Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 9. — С.90.
5. Багдасарова, А.Э. Криминологическая характеристика женской преступности в сфере экономики. — М.: Наука, 2012. — с. 44.
6. Кирюшина, Л. Ю. Личность женщины в механизме преступления и ее значение для криминалистической методики расследования преступлений отдельного вида. — Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2014. — с. 32.
7. Серебрякова, С. А. Преступность среди женщин как объект криминологического изучения //Вопросы борьбы с преступностью. 2011. № 22. — с. 20.
8. Аджиева, Л. З. К вопросу о формировании криминологии женской преступности //Следователь. 2013. № 10. — с. 30.
9. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196с.
10. Мусаев, С.Г. Женская преступность. — Махачкала: Изд-во ДГУ, 2014. — с. 61.

Особенности личностных характеристик женщин, совершающих преступления

Альханов Насруди Магомедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Криминологическая характеристика личности преступницы специфична. Многочисленные исследования свидетельствуют, женщины чаще начинают свою преступную деятельность в более зрелом возрасте под воздействием семейно-бытовых конфликтов, неблагоприятной ситуации в семье. Данное положение подтверждается показателями статистики. [1]

Из числа выявленных женщин, совершивших преступления, более половины составляют лица старше 30 лет. Учитывая тот факт, что жизненная активность в целом возрастной группы 30–49 лет наиболее вы-

сока, становится очевидным, что, с одной стороны, криминальное поведение объясняется возможностями, полученными женщинами в условиях профессиональной, должностной деятельности, а с другой, неспособностью противостоять неудачам в различных сферах жизнедеятельности.

Кроме того, среди женщин старше 30 лет и особенно 40 лет много одиноких, что обусловлено распадом их супружеских связей и потерей родителей. Но именно в эти периоды проявляется наибольшая активность в общественном производстве, растут их социальные контакты,

они играют заметную роль на производстве и в быту, некоторые нередко назначаются на руководящие должности.

К моменту совершения преступления немногим более половины женщин были замужем. У тех из них, которые затем не были лишены свободы, семья, как правило, сохранилась. Гораздо хуже обстоят дела у тех, кто отбывает наказание в местах лишения свободы. По многим наблюдениям, мужчина фактически или юридически заводит себе иную семью довольно быстро, иногда, даже сразу же после осуждения супруги, когда она еще не успела должным образом приспособиться к новым и весьма экстремальным, очень жестким условиям жизни в местах лишения свободы.

Среди женщин, конфликтующих с уголовным законом довольно высока доля лиц с высшим и средним профессиональным образованием, а также тех, кто имеет специальность. Данный вывод отражает, видимо, реальность и остроту социального противоречия между объективными условиями занятости женщин в производственной сфере и субъективно ощущаемой невозможностью реализовать интеллектуальный, творческий потенциал, индивидуальные запросы и притязания.

Для женской рецидивной преступности не характерна высокая общественная опасность, поскольку по мере возрастания количества судимостей, женщины, как правило, не переходят к посягательствам более высокой степени тяжести. Однако весьма типичными чертами женского рецидива являются многократность и интенсивность. Для женщин также характерен специальный рецидив. Они, как правило, совершают однородные и тождественные преступления (систематически занимаются хищениями, обманом потребителей, взяточничеством и т.п.). При сопоставлении сведений о числе судимостей мужчин и женщин обнаруживается любопытная тенденция: при небольшом числе судимостей доля мужчин значительно превышает долю женщин, но в группах с большим числом судимостей их удельный вес выравнивается.

Личные качества женщин, совершивших преступление неоднократно, выражены негативнее, чем у мужчин-рецидивистов. [2] У них глубже нравственная деградация, они нередко страдают хроническим алкоголизмом, не имеют определенного места жительства, утратили социально-полезные связи.

Личность преступника является составным элементом предмета криминологии. Значимость этой проблемы выражается, прежде всего, в том, что преступление как акт человеческого поступка и волеизъявления конкретного лица в значительной степени производно от его сущностной характеристики и особенностей. Преступление и преступник являются теми клеточками своеобразного организма преступности, изучение и познание которых способны дать криминологический материал для последующей работы по предупреждению преступлений.

Личность преступника, с одной стороны, понятие общесоциологическое, с другой — юридическое. Это означает, что личность преступника нельзя рассматривать в отрыве от его социальной сущности, вне связи со всей системой общественных отношений, в которую он включен. Под их воздействием формируется социальный облик преступника как целостное единство конкретного лица с образующими его нравственно-психологическими чертами и свойствами (взгляды, убеждения, ценностные ориентации, жизненные ожидания, интеллектуальные и волевые свойства) [3].

С учетом сказанного личность преступника может быть определена «как лицо, совершившее преступление, в антиобщественной направленности которого выразилась совокупность негативных социально значимых свойств, влияющих в сочетании с внешними условиями и обстоятельствами на характер преступного поведения в целом» [4].

Личность преступника в криминологии — системная научная проблема в том смысле, что она предполагает исследование собственно личности преступника, преступного поведения, образа жизни преступника, особенностей его социальной среды, связей и отношений». [5] Исследование личности преступника всегда связано с исследованием преступления, всех его обстоятельств и имеющих значение последствий его действий.

Из выше сказанного можно сделать вывод, что для криминологии главное в личности — источники, пути, формы и механизмы формирования ее антиобщественных черт, те особенности которые во взаимодействии со средой или преступной ситуации порождают преступное поведение, иными словами», все то в преступнике, что входит в причинный комплекс преступления». [6]

При должном знании личности преступника можно объяснить причины совершения преступления. Знание личностных особенностей преступников (в данном случае преступниц) будет содействовать эффективной профилактике преступлений.

Общезвестно закономерность, что среди взяточниц и крупных расхитительниц преобладают лица средних и старших возрастов, из больше и среди женщин-рецидивисток. В возрасте 30–40 лет наблюдается наиболее широкое участие женщин в общественном производстве, растут их социальные контакты. В эти годы женщины нередко назначаются на руководящие должности, и иногда это приводит к преступлениям корыстного характера (хищений, взяточничества). Женщины совершившие преступления как правило старше 40 лет, одиночки, что обусловлено распадом их супружеских связей и потерей родителей.

Крупную по численности группу среди женщин совершивших насильственные преступления занимают лица в возрасте 18–24 лет, порядка шести пунктов меньше занимают лица в возрасте 30–40 лет. [7]

В связи с тем, что к женщинам, совершившим преступления проявляется гуманность (если совершены не очень серьезные правонарушения) и становятся они

на преступный путь, как правило, намного позже, чем мужчины, то женщины, осужденные к лишению свободы, в сравнительном отношении старше, чем мужчины.

Следует сказать, что заметное большинство осужденных к лишению свободы женщин (67.7%) имеют детей, причем каждая четвертая — двух и более. Среди них немало матерей-одиночек.

Что касается состояния здоровья преступниц, то 25–30% осужденных к лишению свободы женщин имели различные психические аномалии. Аномальных преступниц несколько больше среди несовершеннолетних. Среди них немало и тех, у кого были обнаружены венерические заболевания. Так, из каждых ста осужденных девушек примерно у двух был диагностирован сифилис и еще у двух-трех гонорея.

Несмотря на то, что около 30% осужденных женщин страдают психическими аномалиями, на общем фоне по сравнению с мужчинами-преступниками, преступницам в меньшей степени присущи антисоциальные установки, убеждения, социально-психологическая адаптация мало нарушена (за исключением рецидивисток). Для наиболее эффективной профилактики необходимо выделение внутренних личностных предпосылок, выявить почему негативно отклоняющиеся от социальных норм поведение приняло негативный характер. [8]

Психологическая зависимость женщин-преступниц выражается в зависимости от общественного мнения, от взгляда со стороны так как данная категория лиц не составляет исключения из всех женщин. Общеизвестен факт, что для женщин очень важна оценка со стороны других людей и то, какое впечатление они производят, для свойственна такая черта, как демонстративность. Демонстративность поведения у женщин-преступниц служит (в психологическом плане) целям самоутверждения. Но повышение демонстративности поведения у таких лиц одновременно снижает и контроль за ним.

Для преступниц характерна застреваемость эффективных, психотравмирующих переживаний в сочетании с высокой импульсивностью это приводит к игнорированию или недостаточному учету всех необходимых обстоятельств, неадекватному восприятию и оценке возникающих жизненных ситуаций, плохому прогнозированию последствий своих поступков, не обдуманности поведения. [9]

В связи с совершенном преступлением женщина как правило испытывают чувство вины, обеспокоены своим дальнейшим существованием. В период отбывания наказания в исправительно-трудовом учреждении им присуще стремление изменить существующее положение (которым они, естественно, недовольны) в гораздо лучшую сторону. Такое же поведение чаще всего наблюдается у несовершеннолетних преступниц [10].

У женщин-преступниц сильно повышена тревожность, отмечается эмоциональная ранимость. При изучении насильственных преступниц следует отметить, что у них вы-

сокая активность и возбудимость по сравнению с женщинами совершившими корыстные преступления.

Среди женщин, впервые осужденных за убийство и нанесение тяжких телесных повреждений, отмечаются волевые качества, настойчивость в достижении цели. Этой категории преступников свойственны асоциальные взгляды и установки, то есть такие, которые не носят характера активного неприятия, целенаправленного и осознанного отрицания общепринятых норм и ценностей.

Факт преступления показывает, что выход из контакта с жертвой для них — практически невозможный способ поведения. Надо иметь в виду, что эта зависимость может реализоваться не только в контакте с жертвой, но и с кем-либо иным, тогда преступление оказывается опосредованным в зависимости от третьего лица.

Указанная особенность формируется в очень раннем возрасте как результат позиции, которую занимает ребенок (будущий преступник) в семье. Суть позиции — отвержение, неприятие ребенка родителями, прежде всего матерью. Это означает определенное отношение матери к ребенку, когда она либо не может, либо не хочет, либо не умеет своевременно удовлетворить его потребности, в первую очередь естественных (в пище, тепле, чистоте). В результате ребенок оказывается в ситуации, если можно так сказать, постоянного дефицита, постоянного неудовлетворения потребностей и постоянно зависит от матери потому, что только она могла бы их удовлетворить.

Убийства, возникают как действие, направленное на сохранение автономной жизнеспособности преступника, как бы разрывающая связь жизнеобеспечивающим фактором, который перестал выполнять эту приписанную ему функцию. Приводимая схема включает в себя основные компоненты процесса зарождения этого вида преступлений, а также отражает в какой-то мере логику их взаимосвязи и взаимодействия.

Большая часть убийств была совершена в состоянии опьянения, из них более половины — в сильной степени. Алкогольное опьянение значительно облегчало возникновение умысла в экстазе исполнения — нетрезвыми такие убийства совершались чаще. Алкоголь в несколько раз усиливает проявление агрессии и утяжеляет ее. Агрессивные действия проявляются в основном в угрозах, оскорблениях, избиениях и драках, то есть были направлены против личности и общественного порядка [11].

И так, личность преступниц обладает целым рядом отличительных признаков — демографических, нравственных, уголовно-правовых, психологических. Эти отличительные признаки и особенности личности преступниц определяют специфику их преступного поведения, которое во многом отличается от такого же поведения мужчин и, конечно же, зависит от того, какого рода преступные действия совершаются. В связи с изменениями, происходящими в общественном положении женщин, их возросшей социальной активностью, женщины-преступницы получили больше возможностей тщательно гото-

виться к совершению преступлений, например, таких, как хищения государственного имущества, скрывать следы преступных действий, сбывать похищенное, укрываться от следствия и суда и т.д.

Литература:

1. Антонян, Ю. М., Еникеев М. И., Эминов В. Е. Психология преступника и расследования преступления. — М.: Юристь, 2012. — С. 126.
2. Матышкина, А. М. Психология мышления. — М.: Юристь, 2011. — с. 254.
3. Майерс, Д. Социальная психология. — М.: Спарк, 2013. — с. 261.
4. Малков, В. Д. Криминологическое исследование личности преступника. — М.: ЗАО «Юстицинформ», 2006. — с. 115.
5. Практическая психология: Учебник /Под ред. М. К. Тутушкиной — М.: Спарк, 2007. — с. 367.
6. Петин, И. А. Основное условие формирования преступной направленности поведения человека //Юридическая психология. 2007. № 3 — с. 10.
7. Кудрявцев, В. Н. Генезис преступления: опыт криминологического моделирования. — М.: Юристь, 2008. — с. 42.
8. Айверичев, И. А. К вопросу о типологии женщин — преступников//Российский следователь. 2007. № 20. — с. 17.
9. Сотони, С. К. Очерки криминальной психологии. — Казань: Тезар, 2005. — с. 213.
10. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196с..
11. Кунц, Е. В. Преступность среди женщин в современной России. — М.: Юрлитинформ, 2009. — с. 64.

Заключение мирового соглашения

Андреева Елена Викторовна, студент

Тюменский юридический международный государственный университет

Проблема поиска эффективного предупреждения и урегулирования споров, возникающих между участниками гражданско-правового оборота, становится все более актуальной. Это связано с тем, что по мере развития и усложнения гражданско-правового оборота вновь возникшие и видоизмененные общественные отношения обуславливают детализацию правового регулирования и расширения его сферы. В результате этого число, сложность и масштабность споров увеличилась настолько, что судебная система не всегда способна обеспечить их надлежащее разрешение. Споры разрешаются судами недопустимо медленно, а судопроизводство зачастую является малодоступным и недостаточно эффективным.

На фоне этого мировые соглашения представляют собой один из быстрых и эффективных способов разрешения возникших споров. Это обусловлено тем, что условия урегулирования спора в мировом соглашении устанавливаются сами стороны исходя из своих интересов и возможностей в ходе переговоров, что способствует сохранению устойчивых благоприятных отношений между ними. Наиболее ярко это просматривается в отношениях между участниками коммерческого оборота. Они заинтересованы в том, чтобы споры с поставщиками, клиентами, деловыми партнерами, работниками разрешались с наименьшими временными и денежными затратами и не все приводили к разрыву деловых отношений. Поскольку

судебные и третейские процедуры зачастую влекут указанные неблагоприятные последствия, в доктрине и практике практически всех государств складывается представление о том, что они должны применяться лишь тогда, когда с учетом специфики конфликта это действительно необходимо или когда иные, альтернативные методы оказались безуспешными.

Однако вопреки указанным преимуществам данный способ урегулирования споров на практике применяется редко. Стороны по-прежнему, в основном, предпочитают властное разрешение спора даже в тех случаях, когда существуют предпосылки заключения мирового соглашения [7, с. 23].

Надо отметить, что при определении границ допустимости заключения мирового соглашения законодатель по сути ушел от решения этого вопроса, указав, что мировое соглашение может быть заключено:

1) на любой стадии арбитражного процесса и при исполнении судебного акта (ч. 1 ст. 139 АПК РФ) [2];

2) по любому делу, если иное не предусмотрено АПК РФ или иным федеральным законом (ч. 2 ст. 139 АПК РФ) (при этом в ст. 225 АПК РФ дополнительно прямо закреплена возможность заключения мирового соглашения по делам о несостоятельности (банкротстве)).

Безусловно, первое из названных положений является совершенно правильным и не вызывает возражений. Сегодня мировые соглашения заключаются

в судах всех инстанций, т.е. действительно на любой стадии судебного процесса. Даже надзорная инстанция, которая вызывала наибольшее число споров специалистов [19, с. 60], допускает утверждение мировых соглашений [11]. Несколько труднее решается на практике вопрос заключения мировых соглашений на стадии исполнения судебного акта, однако верность законодательного закрепления данной возможности также не вызывает сомнений [20, с. 392].

Гораздо большие сложности на практике порождает второе названное положение, фиксирующее возможность заключения мирового соглашения по любому делу. Данное положение является по меньшей мере спорным, вызывая возражения правоведов.

Прежде всего необходимо отметить, что мировое соглашение допустимо только по тем делам, по которым стороны могли заключить внесудебную мировую сделку. Предъявление в суд требования, которое предусматривает обязательность судебного разрешения, т.е. вынесение судебного акта по делу, и исключает возможность заключения внесудебной мировой сделки, делает невозможным заключение мирового соглашения по этому делу. Таким образом, действует общее правило: то, что стороны не могли осуществить до судебного процесса, они не могут осуществить и в процессе.

Сторонами мирового соглашения (его субъектами) являются стороны судебного процесса.

Поскольку сторонами в судебном процессе являются истец и ответчик (ч. 1 ст. 44 АПК РФ; ч. 1 ст. 38 ГПК РФ) [5], именно они вправе заключать мировое соглашение.

В ситуации, когда на стороне истца или ответчика участвуют несколько лиц (процессуальное соучастие), возникает вопрос о допустимости заключения мирового соглашения не между всеми, а между некоторыми из соучастников. Действующее процессуальное законодательство ответа на этот вопрос не дает.

Современная литература содержит предложение решать означенный вопрос в зависимости от того, обязательным или факультативным является такое соучастие [10, с. 66].

В случае если соучастие является факультативным, вопрос о правах и обязанностях одного соучастника предлагается решать без согласия (и, следовательно, без участия в мировом соглашении) другого соучастника. В таком случае в отношении соучастника, заключившего соглашение, арбитражный суд должен прекратить производство по делу, а в отношении другого (других) — разрешить спор по существу.

Если соучастие является обязательным (характер спорного материального правоотношения таков, что не позволяет решить вопрос о правах и обязанностях одного из участников без привлечения остальных субъектов материального правоотношения в процесс по делу), то мировое соглашение может быть заключено только при наличии согласия на это всех соучастников.

Так, например, Судебная коллегия по гражданским делам Курганского областного суда определила производство по делу по иску К. И. Б. к В. О. Ю. о признании права собственности на жилой дом, встречному иску В. О. Ю. к К. И. Б., с. В. Б. о признании права собственности на имущество в порядке наследования прекратить в связи с утверждением условий мирового соглашения [3].

Такая позиция не лишена привлекательности и заслуживает серьезного обсуждения. Однако на сегодняшний день судебно-арбитражная практика придерживается позиции, которая с практической точки зрения является более приемлемой для суда, нежели для сторон: суды исходят из посылки, что мировое соглашение должно быть подписано всеми соучастниками, в противном случае оно не может быть признано соответствующим закону. Попытки судов утверждать мировые соглашения в отношении отдельных соучастников демонстрируют совершаемые при этом ошибки. Так, Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ отменил определение об утверждении мирового соглашения, отметив при этом, что суд оставил без внимания участие в деле еще одного ответчика, не подписавшего мировое соглашение [13].

В развитие данного вопроса нельзя не подчеркнуть специально, что мировое соглашение возможно только между противоборствующими сторонами (противниками). Не может быть заключено мировое соглашение между несколькими соистцами или несколькими ответчиками, т.е. между несколькими участниками на стороне истца или ответчика [15].

С учетом сказанного по общему правилу субъектами мирового соглашения могут выступать только лица, связанные спорным гражданским правоотношением: истец, ответчик и третье лицо, заявляющее самостоятельные требования относительно предмета спора. Эта точка зрения нашла свое подтверждение в литературе и судебной практике [9, с. 27].

Поскольку мировое соглашение является разновидностью мировой сделки, тот же вывод распространяется и на него: общо обозначить предмет мирового соглашения нельзя. Вместе с тем предмет мирового соглашения, бесспорно, является существенным его условием и в силу ст. 432 ГК РФ [4] требует согласования сторон в каждом конкретном случае.

Предмет мирового соглашения должен соответствовать как требованиям закона, так и требованиям разумности и добросовестности. Последствием несоответствия предмета мирового соглашения требованиям закона, разумности и добросовестности будет нарушение прав и законных интересов других лиц.

Вместе с тем недопустимы мировые соглашения, по условиям которых сторона (стороны) отказывается от права предъявлять в будущем друг к другу иски, требования либо от всех предъявленных другой стороне требований (или, напротив, признает все предъ-

явленные исковые требования). Соглашение возможно лишь в отношении конкретного спора или конкретной правовой неопределенности. Будущие споры не могут быть предопределяемы мировой сделкой; наличие такого рода условий должно рассматриваться как общий отказ от защиты субъективных прав, что недопустимо [17].

Допустимо сформулировать общие правила, действующие в отношении объекта мирового соглашения.

Во-первых, не может быть объектом мирового соглашения имущество, изъятое из оборота, равно как и имущество, в отношении которого существуют установленные законом ограничения. На это обстоятельство обращает внимание К. Анохин [1, с. 52]. Обозначая объект мировой сделки термином «предмет», он пишет, что не может быть объектом мировой сделки имущество, изъятое из оборота, и имущество, в отношении которого законом установлены ограничения или специальный порядок и пределы его отчуждения.

Во-вторых, объектом мирового соглашения может выступать то имущество, правом распоряжения которым обладает участник (участники) этого соглашения.

В случае отсутствия у участника мировой сделки права распоряжения имуществом мировая сделка отсутствует как юридический факт и не может порождать правовых последствий. С учетом сказанного суд не вправе утверждать мировое соглашение, если, распоряжаясь конкретными объектами гражданских прав, стороны не представили суду надлежащие доказательства наличия у них полномочий на осуществление такого распоряжения [18].

В-третьих, объектом мировой сделки может быть имущество, которое не состоит под арестом и в отношении которого отсутствует спор с иными лицами [14].

Изложенные требования обусловлены тем, что мировое соглашение, утвержденное судом, не может нарушать прав других лиц и вызывать споров при исполнении, вследствие чего объекты мирового соглашения должны отвечать всем названным требованиям в обязательном порядке. В противном случае будет неизбежен вывод суда о том, что мировое соглашение нарушает права других лиц [16].

Состояние правовой неопределенности, являясь мотивом всякого мирового соглашения, может побуждать стороны к его заключению. Таким образом, костяком мирового соглашения должны стать условия, с помощью которых эта правовая неопределенность устраняется.

Обычно мировое соглашение полностью ликвидирует существующую правовую неопределенность. Однако возможна ситуация, когда стороны не смогли договориться в отношении всех спорных (сомнительных, неопределенных) моментов и правовая неопределенность ликвидируется лишь в части, оставляя спорными (сомнительными) отдельные права и обязанности сторон. Например, если истцом заявлен составной иск, т.е. иск, объединяющий несколько предметов, то допустима ситуация, когда стороны урегулировали спор в отношении одного пред-

мета иска, но он сохранился в отношении другого предмета иска. В этом случае суд продолжит рассмотрение дела по существу только в части тех исковых требований, в отношении которых стороны не достигли договоренности. Такая ситуация, в частности, имела место по одному из дел, рассмотренных Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ: решением по делу в удовлетворении иска в части истребования имущества было отказано, в остальной части дело прекращено по причине утверждения арбитражным судом мирового соглашения [12].

Иными словами, в случае утверждения мирового соглашения в отношении части иска исковые требования в оставшейся части должны быть рассмотрены в общем порядке. Подтверждение этому можно найти в ч. 4 ст. 160 АПК РФ, которая, в частности, предусматривает, что в том случае, если в судебном заседании объявлялся перерыв, во время которого стороны урегулировали спор в части требований о применении мер ответственности, арбитражный суд не рассматривает эти требования и прекращает производство по делу в части требований о применении мер ответственности при условии, что стороны заключили мировое соглашение в этой части требований и мировое соглашение утверждено судом, на что указывается в судебном акте арбитражного суда.

Первым обязательным условием заключения мирового соглашения признается собственно достижение сторонами соглашения, вторым — придание ему формы, предусмотренной законом, третьим — утверждение его судом.

Прежде всего, надо отметить, что закон предъявляет различные требования к форме мирового соглашения, заключаемого в арбитражном суде, и мирового соглашения, заключаемого в суде общей юрисдикции.

Так, мировое соглашение, заключаемое в арбитражном суде, согласно ч. 1 ст. 140 АПК РФ, должно быть облечено в письменную форму. И, как обоснованно подчеркивает Н. С. Масютина, не допускает его оформления путем внесения его условий в протокол судебного заседания [8, с. 56].

Напротив, согласно ч. 1 ст. 173 ГПК РФ условия мирового соглашения заносятся в протокол судебного заседания и подписываются обеими сторонами, а если заявления сторон выражены в письменном виде, то они приобщаются к делу, что отражается в протоколе судебного заседания. Таким образом, письменная форма для мировых соглашений в суде общей юрисдикции вовсе не является обязательной [21, с. 17].

Итак, стороны, урегулировав возникший между ними спор, пришли к соглашению. Следующим шагом стало подписание текста мирового соглашения (текста договора документа). Далее это мировое соглашение должно быть представлено в суд.

К сожалению, ни АПК РФ, ни ГПК РФ не регламентируют порядок представления в арбитражный суд мирового соглашения, что вызывает определенные проблемы.

Проверяя мировое соглашение, суд должен дать ему правовую оценку. И все же при осуществлении этой деятельности суды нередко выходят за пределы оценки непосредственно мировых соглашений: при утверждении мировых соглашений они анализируют не только (и не столько) само мировое соглашение, но и основание возникновения спора и причины обращения за судебной защитой и т.д. Такие действия суда не имеют под собой законных оснований: установление и оценка фактических обстоятельств дела допустимы лишь при рассмотрении дела по существу, при утверждении мирового соглашения суд не вправе осуществлять такие действия, поскольку спор полагается урегулированным, а рассмотрение дела становится беспредметным.

В силу ч.ч. 2, 3 ст. 184 АПК РФ определение об отказе в утверждении мирового соглашения выносится в виде отдельного судебного акта, который в силу ч. 9 ст. 141 АПК РФ допускает его обжалование лицами, участвующими в деле. Последствием отказа в утверждении мирового соглашения является рассмотрение спора по существу (либо при наличии к тому оснований — оставление иска без рассмотрения или прекращение производства).

При проверке мирового соглашения суду надлежит осуществить проверку на соответствие его ряду требований. Вследствие этого представляется целесообразным обозначить основные требования, которым должно соответствовать мировое соглашение.

1. Законность. Обязательным для мирового соглашения является соответствие его требованиям закона и отсутствие нарушений прав и законных интересов других лиц. При этом речь идет не только о требованиях, предусмотренных процессуальным законодательством, но и о требованиях, вытекающих из гражданского (материального) законодательства.

2. Ясность. Проверяя мировое соглашение, суд должен проверить его и на предмет понимания сторонами его условий и последствий заключения: условия мирового соглашения должны носить четкий и определенный характер и не вызывать сомнения при толковании его содержания и возможности его исполнения. Неясность (не-

понятность) для сторон условий мирового соглашения, возможно, породит новые споры и исключит возможность добровольного его исполнения. Поэтому анализ мирового соглашения на предмет ясности его условий для сторон есть одно из проявлений содействия суда в урегулировании спора (примирении сторон).

3. Полнота. Соответствие этому требованию означает, что в мировом соглашении решена судьба всех требований, которые были заявлены. Требование полноты не носит характера обязательного требования, предъявляемого ко всем без исключения мировым соглашениям.

4. Безусловность. Это требование, которому в обязательном порядке должно отвечать мировое соглашение, означает, что мировое соглашение обязано быть свободным от каких-либо условий, от которых зависит исполнение мирового соглашения. Включение в мировое соглашение подобных условий при обращении к исполнению вызвало бы необходимость устанавливать, наступило ли это условие или не наступило; для этого требовалось бы новое судебное исследование и, следовательно, новое судебное разбирательство, что недопустимо. Соблюдение требования безусловности позволит принудительно исполнить заключенное мировое соглашение в случае отказа одной из сторон от добровольного его исполнения.

5. Определенность (или категоричность). Это требование прямо связано с предыдущим и предполагает, что мировое соглашение должно содержать в себе такие условия, которые позволят сделать однозначный вывод о его содержании. Требование определенности означает невозможность формулировки условий мирового соглашения альтернативным способом (не может быть установлено альтернативное право стороны или альтернативное право выбора порядка исполнения мирового соглашения).

С учетом всего сказанного следует сделать вывод о том, что мировое соглашение должно отвечать требованиям ясности, безусловности и определенности, которые в целом составляют критерий исполнимости мирового соглашения.

После утверждения судом мирового соглашения ни одна из сторон не вправе отозвать мировое соглашение [6, с. 108].

Литература:

1. Анохин, К. Судебные мировые сделки // Советская юстиция. 1959. N 9.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 29.06.2015) // СПС КонсультантПлюс.
3. Архив Курганского городского суда, дело № 33–3128/2013.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.09.2015) // СПС КонсультантПлюс.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 15.09.2015) // СПС КонсультантПлюс.
6. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Под общ. ред. М. А. Рожковой. М.: Статут, 2008.
7. Кишук, Я. А. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. N 5.
8. Масютина, Н. С. Мировое соглашение // Арбитражная практика. 2010. N 9.

9. Пилехина, Е. В. Мировое соглашение в арбитражном суде: проблемы практики // Арбитражные споры. 2011. N 1 (13).
10. Пилехина, Е. В. Мировое соглашение в практике арбитражного суда и суда общей юрисдикции: Дис... канд. юрид. наук. СПб., 2001.
11. Постановление Президиума ВАС РФ от 13 марта 2007 г. N 8392/05 // СПС КонсультантПлюс.
12. Постановление Президиума ВАС РФ от 29 февраля 2010 г. N 2192/09 // СПС КонсультантПлюс.
13. Постановление Президиума ВАС РФ от 19 апреля 2012 г. N 6503/11 // СПС КонсультантПлюс.
14. Постановление ФАС Волго-Вятского округа от 1 декабря 2010 г. по делу N А43–9470/2009–27–287 // СПС КонсультантПлюс.
15. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 26 октября 2010 г. по делу N А74–3875/02-К1-Ф02–4406/10-С2 // СПС КонсультантПлюс.
16. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 3 марта 2010 г. по делу N Ф04–614/2010 (8714-А46–10) // СПС КонсультантПлюс.
17. Постановление ФАС Московского округа от 22 сентября 2012 г. по делу N КГ-А41/8142–12-П // СПС КонсультантПлюс.
18. Постановление ФАС Поволжского округа от 8 февраля 2011 г. по делу N А57–6566/10–21 // СПС КонсультантПлюс.
19. Пятилетов, И. М. Мировое соглашение как способ разрешения спора о праве без вынесения судебного решения // Актуальные проблемы защиты субъективных прав граждан и организаций: Сб. науч. тр. М., 1985.
20. Рожкова, М. А. Мировая сделка: использование в коммерческом обороте. М., 2005.
21. Русинова, Е. Контроль суда за мировым соглашением // ЭЖ-Юрист. 2011. N 6.

Правовая природа мирового соглашения в гражданском судопроизводстве

Андреева Елена Викторовна, студент

Тюменский юридический международный государственный университет

Под правовой природой мирового соглашения понимаются сущность, его основные качества и свойства [13, с. 27].

В процессуально-правовом смысле под мировым соглашением понимается заключенное сторонами в гражданском судопроизводстве и утвержденное судом соглашение, в силу которого истец и ответчик путем взаимных уступок заново определяют свои гражданские права и обязанности и на этой основе устраняют между собой гражданско-правовой спор. Есть несколько подходов к судебному мировому соглашению как процессуальному договору, но наиболее подробно этот вопрос освещен Р. Е. Лукасяном [7, с. 111].

Гражданский процессуальный кодекс РФ (далее — ГПК РФ) содержит нормы (ст. ст. 39, 43, 173) [2], регулирующие правовой институт мирового соглашения в рамках гражданского процесса. При этом ГПК РФ фактически не содержит четкой юридико-технической нормы о порядке заключения мирового соглашения по спорам, рассматриваемым в гражданском судопроизводстве. Так, не прописан порядок «овеществления» условий мирового соглашения: ни по форме, в которую стороны облекают свое решение, ни по содержанию, основываясь на котором стороны согласились урегулировать спорные вопросы путем определения для себя «по-новому» прав и обязанностей.

В теории гражданского процессуального права устоялось мнение о том, что институт мирового соглашения представляет собой способ прекращения гражданско-правового спора [5, с. 142]. Конечно, с этим нельзя не согласиться. В то же время следует признать правильным тезис о том, что «институт мирового соглашения представляет собой несколько более масштабный и универсальный механизм правового регулирования гражданско-правовых отношений, чем просто способ прекращения гражданско-правового спора» [19, с. 269], поскольку стороны, прекращая одни (спорные) обязательства, договариваются об установлении новых обязательств (новация) или изменении существующих (отступное).

Приняв решение о заключении мирового соглашения, стороны под контролем суда формируют условия мирового соглашения. При этом они стремятся найти наиболее приемлемый способ урегулирования спора для достижения своих интересов. Что же касается действий суда, то при осуществлении контрольных функций суд должен дать правовую оценку законности содержащихся в мировом соглашении субъективных правил поведения сторон в виде устанавливаемых ими субъективных прав и обязанностей [4, с. 271].

Нормы гражданского процессуального права (ст. ст. 173 и 39 ГПК РФ) определяют, что мировое соглашение может быть заключено на любой стадии судопроизвод-

ства только между сторонами (между которыми есть гражданско-правовой спор) и, следовательно, не может быть совершено иными участвующими в деле лицами (третьими лицами без самостоятельных требований, прокурором). Мирное соглашение имеет силу только при утверждении его судом. Мирное соглашение — это двусторонний договор, в котором стороны идут на взаимные уступки, заново определяя свои права и обязанности по спорному правоотношению. Суды должны иметь в виду, что не по всем правоотношениям возможно заключение мирного соглашения (например, по делам о лишении родительских прав, изменении размера алиментов ниже установленного законом предела это невозможно) [15, с. 55]. Таким образом, суд фактически придает мирному соглашению (по юридической сути гражданско-правовой сделке) квалифицированную форму. Можно ли назвать иначе юридические действия суда по проверке условий мирного соглашения и его утверждению? Полагаю, вряд ли есть веские основания считать такое суждение ошибочным.

Мировые соглашения могут заключаться как на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, так и в ходе судебного разрешения дела по существу.

В процессуально-правовом смысле заключение мирного соглашения возможно только в исковом производстве на любой стадии гражданского процесса. Безусловно, стороны могут заключить мирное соглашение и вне гражданского судопроизводства, но его юридические цели — урегулирование возникшего гражданско-правового спора (переданного на разрешение суда), прекращение возбужденного искового производства и приобретение соглашением исполнительной силы (возможность принудительного исполнения его условий службой судебных приставов) — в полном объеме будут достигнуты только в процессе проверки судом условий мирного соглашения, его утверждения (путем вынесения соответствующего определения). Если соглашение заключается во внесудебном порядке, оно при возникновении спора является одним из обстоятельств спорного дела, подлежащего исследованию и оценке судом, и не имеет юридической силы мирного соглашения, утвержденного судом.

Следует признать справедливым следующее мнение: «При утверждении мирного соглашения необходимо специально обращать внимание участников на способы и порядок выполнения принимаемых ими на себя обязательств. До того, как суд вынесет определение, он должен быть уверен, что принимаемое соглашение исполнимо. В противном случае вряд ли целесообразно прекращать судопроизводство и утверждать мирное соглашение» [11, с. 7].

Процессуально-правовые нормы, регулирующие институт мирного соглашения, обязывают суд проявлять инициативу в примирении сторон. Соблюдая процессуальные нормы института мирного соглашения, суд должен выяснить у стороны, изъявившей желание за-

ключить мирное соглашение, добровольно ли совершается это действие, понимает ли сторона его содержание, значение и последствия (что при отказе истца от иска производство по делу будет прекращено, повторное обращение в суд с таким же иском станет невозможным; мирное соглашение, утвержденное судом, будет иметь силу судебного решения и может быть исполнено в принудительном порядке). Все эти вопросы суд должен задать сторонам, при необходимости разъяснить им значение и последствия совершаемого действия, отразить это в протоколе судебного заседания. Исходя из ст. 173 ГПК РФ можно говорить о том, что реализация сторонами норм института мирного соглашения осуществляется следующими образом: устные заявления, условия мирного соглашения заносятся в протокол судебного заседания и подписываются обеими сторонами. Если мирное соглашение выражено в адресованных суду письменных заявлениях, эти заявления приобщаются к делу, что указывается в протоколе судебного заседания.

«Стороны, желая окончить дело миром, договариваются об условиях мирного соглашения. Причем это соглашение может быть выработано сторонами и вне судебного заседания. Затем стороны обращаются к суду за утверждением выработанных ими условий. Следовательно, мирное соглашение — это волеизъявление самих сторон, направленное на достижение определенности в отношениях между ними, т.е. стороны договариваются об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей в отношениях друг с другом в целях окончания процесса без вынесения судебного решения. Утвержденное судом мирное соглашение представляет собой один из способов судебной защиты нарушенного или оспоренного права. Характерной особенностью данного способа является то, что суд не разрешает своим волеизъявлением спор, находящийся на его рассмотрении, а проверяет законность разрешения спора (путем заключения мирного соглашения) самими спорящими сторонами» [12, с. 5].

Еще в п. 4 руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР от 11 октября 1965 г. говорилось, что в необходимых случаях в зависимости от характера спора суды должны содействовать окончанию дела путем заключения мирных соглашений. Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 Постановления от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» дает следующие указания: «Согласно принципу диспозитивности стороны вправе уже в стадии подготовки дела к судебному разбирательству окончить дело мирным соглашением».

Судебное мирное соглашение должно отвечать определенным требованиям. Во-первых, как гражданско-правовой договор, оно подчинено правилам гражданского права. Мирное соглашение, имеющее хотя бы один из пороков, с которыми закон связывает недействительность сделки (ст. ст. 166–179 ГК РФ) [1], не может быть

утверждено судом. Во-вторых, целью судебного мирового соглашения является окончательная ликвидация спора между сторонами, с чем связаны требования ясности содержания мирового соглашения, полной определенности и безусловности установленных им прав и обязанностей [3, с. 142].

Поскольку мировое соглашение выступает основанием для принудительного исполнения, недопустимо включать в него неясные условия, способные служить поводом для возбуждения новых споров. Суд может не утвердить мировое соглашение сторон, если оно противоречит закону или нарушает права и охраняемые законом интересы других лиц, например закон точно определяет размер требований, а стороны хотят его изменить (в частности, при взыскании алиментов на содержание несовершеннолетних детей нельзя установить сумму алиментов ниже предела, указанного законом). Не может заключаться мировое соглашение по вопросам, которые прямо регулируются отраслевыми нормами права и потому не могут решаться соглашением сторон.

Значение правового института мирового соглашения обусловлено в настоящее время тем, что это одна из форм проявления принципа диспозитивности сторон, один из путей добровольного урегулирования спора сторонами без применения государственного принуждения. Вместе с тем очевидно, что присуждение — это еще не фактическое взыскание, поэтому истцу иногда выгоднее получить реально хотя бы некоторую сумму, чем иметь исполнительный лист на полную сумму, но с неясной перспективой взыскания по нему, что часто встречается в современном гражданском обороте.

Итак, можно сделать следующий вывод о процессуально-правовой природе мирового соглашения как института гражданского судопроизводства: в гражданском процессе инструментарий мирового соглашения предоставляет сторонам правовую возможность урегулирования возникшего гражданско-правового спора и прекращения спорных отношений по конкретному предмету иска.

Что представляет собой правовой институт мирового соглашения с позиции гражданско-правовых норм? Здесь можно говорить о том, что в материально-правовом аспекте мировое соглашение — это сделка, направленная на прекращение одних (спорных) обязательств между сторонами и установление других (разрешающих этот спор). В соответствии с принципом свободы договора, закрепленным в ст. 450 ГК РФ, стороны могут устанавливать для себя гражданские обязанности и прекращать их. Конечно, указанное положение не исключает возможности установления в законе запрета прекращать обязательства по соглашению сторон, например законом «установлен запрет на изменение договора государственного займа» [16, с. 215].

В теории гражданского права обязательство называют относительным правоотношением, в котором одно лицо (должник) по требованию другого лица (кредитора) обя-

зано совершить действие [6, с. 417] (либо воздержаться от совершения действия) по предоставлению ему определенных материальных благ. Объектом обязательства, вытекающего из мирового соглашения, будет действие должника (действия продавца по передаче предмета купли-продажи покупателю; надлежащие действия исполнителя по предоставлению потребителю коммунальных услуг по отоплению, горячему водоснабжению и т.п.).

Согласно норме ст. 307 ГК РФ в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие (передать имущество, выполнить работу, уплатить деньги и т.д.) либо воздержаться от действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности. Обязательства возникают из договора и из иных оснований, указанных в ГК РФ. Из теории гражданского права известно, что гражданские правоотношения (в том числе по поводу обязательств) возникают из определенных юридических фактов. Так, в соответствии со ст. 8 ГК РФ гражданские права и обязанности возникают из договоров, предусмотренных законом, а также из договоров и иных сделок, хотя и не предусмотренных законом, но не противоречащих ему.

Договор представляет собой уникальное правовое средство, в рамках которого интерес каждой стороны может быть удовлетворен лишь посредством удовлетворения интереса другой стороны. Стороны спорного правоотношения заинтересованы в заключении и надлежащем исполнении мирового соглашения.

Поскольку между сторонами имеет место гражданско-правовой спор по тому или иному обязательственному правоотношению и стороны намерены заключить сделку — мировое соглашение, направленное на прекращение одного обязательства (либо его части) и установление другого обязательства на иных условиях, то прекращение обязательства не исключает возникновения между сторонами нового обязательства, цель которого — устранить возникший дисбаланс во взаимоотношениях сторон.

Основанием прекращения обязательств служат правоустанавливающие факты. Наиболее естественный способ завершения взаимоотношений по обязательству — их исполнение. Однако он не единственный в условиях гражданского оборота. Его участники могут столкнуться с обстоятельствами, в силу которых обязательственные отношения прекратятся не по причине исполнения. Возникает спорная ситуация. Тогда для минимизации и без того неизбежных дополнительных расходов стороны, выработав взаимоприемлемые условия, сами договариваются о прекращении обязательства путем заключения мирового соглашения, по-новому определяя для себя права и обязанности, т.е. фактически заключая гражданско-правовой договор. Прекращение обязательств должно быть надлежащим образом оформлено. По общему правилу прекращение обязательств оформляется теми же способами, что и их установление.

Однако не каждое обязательство может быть прекращено. В соответствии с п. 2 ст. 414 ГК РФ новация не допускается в отношении обязательств по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью, по уплате алиментов. Целевое назначение этих обязательств, как правило, исключает какое-либо их изменение, так как они призваны обеспечить систематическое доставление содержания нетрудоспособным и иждивенцам.

Нормы ГК РФ, регулирующие обязательства вследствие причинения вреда жизни или здоровью (§ 1 и 2 гл. 59), не предусматривают их прекращения по соглашению сторон.

Что же касается алиментных обязательств, урегулированных в разд. V Семейного кодекса РФ (далее — СК РФ), то норма п. 2 ст. 414 ГК РФ, являющаяся общей по сравнению со специальными положениями СК РФ об алиментных обязательствах, требует корректировки. В п. 2 ст. 101 Семейного кодекса РФ [18] прямо указана возможность расторжения сторонами соглашения об уплате алиментов. При расторжении соглашения прекращается и соответствующее алиментное обязательство. Так, согласно ст. 104 СК РФ способы и порядок уплаты алиментов по соглашению об уплате алиментов определяются этим соглашением. Соглашением об уплате алиментов может устанавливаться передача плательщиком алиментов имущества в собственность получателя алиментов. Причем может быть предусмотрен как разовый акт, так и периодическое наделение получателя алиментов правом собственности на какое-либо имущество. Соглашением может предусматриваться предоставление какой-либо вещи в пользование получателя алиментов (безвозмездное или возмездное). Денежные выплаты могут быть заменены выполнением работ, оказанием услуг. Сочетание способов уплаты алиментов может быть самым разнообразным. Например, плательщик обязуется передать в собственность получателя алиментов какое-либо имущество и, кроме того, ежемесячно выплачивать определенную сумму (осуществлять уход, выполнять работы и т.д.) [20, с. 9].

Таким образом, нет оснований сомневаться в юридической возможности заключения новации в алиментных обязательствах, в том числе устанавливаемых путем выплаты мирового соглашения сторон (в случае возникновения спора).

Необходимо отметить, что при заключении мирового соглашения, имея в виду положения о новации, стороны должны явно выразить намерение прекратить первоначальное обязательство. В противном случае новое обязательство будет существовать наряду с первоначальным.

Безусловно, мировое соглашение, как и отождествляемое с ним новационное соглашение, не должно содержать условий, влекущих признание его недействительным, поскольку мировое соглашение может совершаться как в судебном, так и во внесудебном порядке. Таким образом, в первом случае соглашение о новации должно отвечать требованиям процессуального

законодательства: быть направленным на окончание судебного дела (спора), соответствующим образом удостоверенным и утвержденным судом [17, с. 164]. Гражданско-правовой смысл мирового соглашения с позиции норм о новации заключается в том, что происходит прекращение первоначального обязательства (являющегося предметом спора). С момента вступления в силу (после утверждения мирового соглашения судом) обновленного обязательства стороны освобождаются от действия первоначального обязательства; их взаимоотношения с этого момента определяются условиями нового обязательства.

В гражданском праве существует еще одна норма права, призванная регулировать гражданско-правовые отношения по прекращению обязательства, — отступное (ст. 409 ГК РФ). Юридический смысл отступного состоит в наделении должника с согласия кредитора возможностью заменить первоначальный предмет исполнения другим при частичном сохранении остального обязательства. Можно сказать, что ответчик посредством предоставления отступного «освобождается» от долга, т.е. от обязательств совершить какое-то действие в пользу истца (либо воздержаться от действия), которое возникло из договора, причинения вреда или иных оснований. Ответчик (должник) обязан был исполнить эти обязательства, но по соглашению с ответчиком истец отступает от своего права и освобождает ответчика от исполнения возложенных на него обязанностей. Вместо прежнего исполнения истец получает от ответчика определенную сумму денег, имущество или имущественное право, услугу и т.п. В гражданском обороте соглашение об отступном, как правило, заключается уже в ходе исполнения обязательства, в том числе при ненадлежащем исполнении обязательств должником. «Следует иметь в виду, что соглашение об отступном не только определяет условия и порядок прекращения основного обязательства, но и является основанием для возникновения у кредитора соответствующих прав на отступное — права собственности или иных вещных прав либо права требования. Если соглашение об отступном предусматривает передачу должником кредитору недвижимости, то в силу ст. 131 ГК РФ такая сделка подлежит обязательной государственной регистрации» [8, с. 15]. Исполнение должником условий соглашения об отступном означает, что прежние его обязательства прекращаются и стороны не оказываются связаны новым обязательством.

Представляется, что гражданско-правовой смысл процессуально-правового института мирового соглашения с позиции норм об отступном заключается в том, что стороны добровольно договорились о частичном отказе от требований одной стороной (истцом) и одновременно признании оставшихся требований другой обязанной стороной (ответчиком).

Из изложенного следует, что независимо от того, направлено такое соглашение на изменение правоотно-

шения или на его подтверждение, стороны мирового соглашения обязуются рассматривать существующие между ними правоотношения в том виде, как это предусмотрено мировым соглашением, и руководствоваться им в своем поведении относительно предмета спорных отношений.

Детальная нормативная регламентация процессуально-правового института мирового соглашения в ГПК РФ, на наш взгляд, вызвана развитием принципа диспозитивности в гражданском процессе, который, безусловно, будет играть позитивную роль в отправлении правосудия. Соблюдение судом принципа диспозитивности при разрешении гражданско-правовых споров — гарантия реализации законных интересов сторон [10, с. 11]. Предоставление сторонам возможности реализовать свои процессуальные права имеет еще один положительный

момент: экономятся средства и время участников процесса при разрешении споров.

Однако вопреки указанным преимуществам данный способ урегулирования споров на практике применяется редко. Стороны по-прежнему, в основном, предпочитают властное разрешение спора даже в тех случаях, когда существуют предпосылки заключения мирового соглашения [14, с. 23].

В заключение отметим, что применение мирового соглашения на практике вызывает сложности как у юристов, так и у граждан, самостоятельно отстаивающих свои права в суде. Самое главное, отсутствие в ГПК РФ четко прописанного процессуального механизма ведет к низкой эффективности закона, основной целью которого как раз и является защита нарушенных прав и законных интересов участников гражданского процесса [9, с. 79].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 29.09.2015) // СПС КонсультантПлюс.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 15.09.2015) // СПС КонсультантПлюс.
3. Гражданский процесс: Учебник / Под ред. д.ю.н., проф. А.Г. Коваленко, д.ю.н. проф. А.А. Мохова, д.ю.н., проф. П.М. Филиппова. М., 2012.
4. Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. Ю.К. Осипова. М., 2009.
5. Гражданский процесс: Учеб. / Под ред. М.С. Шакарян. М., 2009.
6. Гражданское право / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 2010.
7. Гукасян, Р.Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: Автореф. дисс... докт. юрид. наук. Саратов, 1971.
8. Дедиков, С.В. Соглашение об отступном // Бизнес-адвокат. 2009. № 8.
9. Жирков, В.Н. Мировое соглашение как способ урегулирования гражданско-правовых споров в гражданском судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2012. № 2.
10. Жуйков, В.М. Новое в гражданском процессуальном праве (комментарий законодательства) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2009. № 5.
11. Зайцев, И.Л. Реальность судебной защиты // Рос. юстиция. 1990. N 8.
12. Зинченко, А.И. Мировые соглашения в гражданском судопроизводстве // Сб. науч. тр. Саратов, 1984.
13. Кендзерская, К.В. К вопросу о разграничении мирового и медиативного соглашений // Мировой судья. 2011. N 5.
14. Кищук, Я.А. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс, 2013. № 5.
15. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / Под ред. М.К. Треушникова. М., 1996.
16. Комментарий к части второй Гражданского кодекса Российской Федерации / Под общ. ред. В.Д. Карповича. М., 2011.
17. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Под ред. П.В. Крашенинникова. М., 2011.
18. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // СПС КонсультантПлюс.
19. Теория государства и права: Учеб. / Под ред. В.М. Корельского, В.Д. Перевалова. М., 2008.
20. Шиловост, О.Ю. Прекращение обязательства новацией // Российская юстиция. 2006. № 8.

Анализ структуры женской преступности

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Одним из показателей женской преступности является ее состояние. Состояние преступности женщин можно рассматривать в двух смыслах: широко и узко. В широком смысле — это вся совокупность ее количественных и качественных показателей. В узком — зарегистрированная женская преступность на определенной территории за определенный промежуток времени.

Анализ состояния женской преступности в нашей статье опирается на статистический метод исследования, который позволяет установить закономерности изучаемой подсистемы и выступает основой для последующего прогнозирования ее качественных характеристик. При этом необходимо учитывать, что реальное состояние женской преступности может несколько отличаться от приведенных в работе данных официальной статистики. Такое расхождение связано с существованием латентной преступности, обусловленной целым комплексом объективных и субъективных причин.

Следует учитывать, что женщины, по сравнению с мужчинами, традиционно отличаются значительно более низкой криминальной активностью. В то же время применительно к отдельным видам преступлений женщины как составляли, так и продолжают составлять большинство от числа выявленных преступников. К таким деяниям можно отнести, например, хищения путем присвоения или растраты (статья 160 УК РФ). Данное положение объясняется тем, что женщины в обществе выполняют определенные социально-ролевые функции, заняты в определенных сферах производства. Логично, что женщины в наибольшей степени проявляют свою криминальную активность именно в тех сферах, в которых они преимущественно заняты [1].

Анализ структуры женской преступности представляет научный и практический интерес. Данный показатель раскрывает внутреннее содержание исследуемого социально-негативного явления, соотношение различных форм или отдельных видов преступности женщин в общем числе совершенных ими преступлений. Структура женской преступности представляет собой соотношение или удельный вес отдельных видов преступлений женщин, выделенных по уголовно-правовым, криминологическим или смешанным критериям [2].

Уголовная статистика свидетельствует о том, что структура преступности женщин по основным составам совершаемых ими преступлений относительно стабильна, специализированна и, хотя в целом отражает общие закономерности, характерные для всей преступности, обладает и некоторой спецификой, обусловленной ролью и положением женщины в обществе.

Перечень преступлений, которые совершают женщины, во многом связан с тем, какие социальные роли они выполняют в обществе, в каких сферах деятельности заняты в большей степени. Следует отметить, что круг преступлений, совершаемых мужчинами, шире. Подобное положение соответствует более богатому разнообразию областей мужской деятельности. Между тем, в литературе обращается внимание на обнаружившуюся тенденцию совершения женщинами таких преступлений, который ранее относились к «традиционно» мужским: терроризм, захват заложника, похищение человека, бандитизм и т.п. Представляется, что даже незначительный удельный вес подобных преступлений в общей структуре женской преступности свидетельствует о негативных процессах, происходящих в обществе, и, соответственно, отражающихся на таком социальном явлении как преступность.

Наиболее часто женщины в Российской Федерации и исследуемых субъектах РФ совершают следующие виды преступлений: умышленные причинения тяжкого вреда здоровью, кражи, мошенничества, присвоения или растраты, грабежи, разбои, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. Основная доля в структуре женской преступности приходится на группу преступлений против собственности, среди которых по удельному весу выделяется такое преступление, как кража [3].

Наименее типичными для женской преступности как общероссийского уровня, так и в исследуемом регионе, являются: преступления против свободы, чести и достоинства личности, половой неприкосновенности и половой свободы личности, преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, против интересов службы в коммерческих и иных организациях, экологические преступления, преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта, преступления в сфере компьютерной информации, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, против правосудия, а также преступления против военной службы и против мира и безопасности человечества.

Интересно отметить, что за преступление, предусмотренное одной статьей (например, кража (статья 158 УК РФ) или подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (статья 327 УК РФ), привлекается к ответственности больше женщин, чем в совокупности за все преступления, предусмотренные отдельной главой или даже несколькими главами (например, экологические преступ-

пления (глава 26 УК РФ) или преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта (глава 27 УК РФ)) [4].

Женщины традиционно совершают насильственные посягательства реже мужчин. Большинство преступлений против личности совершается представительницами «прекрасной половины» в сфере семейно-бытовых отношений на почве семейных конфликтов, неурядиц, ссор, интимных переживаний. Чаще всего их жертвами становятся люди из ближнего окружения: мужья или сожители, иногда другие родственники, соседи, знакомые. На тенденцию роста числа совершаемых женщинами так называемых, «семейных» преступлений в литературе обращается внимание с 90-х годов прошлого века и по настоящее время. Такие посягательства зачастую носят ситуативный характер и являются реакцией на супружескую неверность, постоянные издевательства и пьянство со стороны мужей или сожителей. Примечательно, что многие женщины до совершения преступления долгое время сами претерпевают страдания от своей «жертвы» [5].

Проблемы в семье, неустроенность личной жизни «бьют» по женщинам сильнее всего. Они обычно долго терпят, скрывают и сдерживают свои отрицательные эмоции и переживания, которые, в конце концов, их переполняют и вырываются наружу в виде семейных скандалов, заканчивающихся насилием: причинением телесных повреждений, убийствами или элементарными оскорблениями и побоями. Причем конечный «результат» в таких случаях зачастую определяется тем, что именно «в горячую руку попадет» и по чему она «пойдется».

Как отмечается в литературе, обобщенной, суммирующей характеристикой криминологической обстановки, индикатором социальной ситуации в стране, выступают, прежде всего, показатели совершаемых убийств, которые наиболее явно отражают закономерности насильственной преступности.

Специфическим преступлением, за которое в соответствии с законом к ответственности может быть привлечена только женщина, является убийство матерью новорожденного ребенка (статья 106 УК РФ). Таких деяний совершается не много, но количество их стабильно. Убийство матерью новорожденного ребенка — преступление, совершаемое одним членом семьи против другого. По порождающим его причинам оно представляет собой криминальное явление семейной сферы, так как происходит либо в родительской семье, либо в рамках собственных неблагоприятных брачных отношений [6]. Справедливо считается, что лишение матерью своего ребенка жизни, является противоестественным актом, противоречащим законам природы, и может свидетельствовать о серьезных нарушениях в психике. Вместе с тем, отметим, что данный состав преступления является привилегированным, то есть законодателем на первое место ставится физиологическое, психическое состояние женщины, которое обусловлено родами.

Как правило, убийства новорожденных совершают молодые женщины с невысоким образовательным уровнем в возрасте от 15 до 29 лет. Многие из них беременеют вне брака, не успевают сделать аборт, не имеют достаточного материального обеспечения и т.п. Посредством лишения ребенка жизни они стремятся избавиться от нежелательного груза ответственности и позора перед обществом. Иногда в преступлениях подобного рода большую роль играет мужчина: муж, сожитель, любовник, стимулирующий формирование у женщины желание совершить детоубийство [7].

Представляется, что совершение рассматриваемого деяния тесно связано с ослаблением важного социального института — семьи, с ростом, в том числе среди молодежи, таких негативных явлений, как алкоголизм, наркотизм, проституция [8].

Самыми распространенными насильственными преступлениями женщин против личности являются: умышленное причинение вреда здоровью различной степени тяжести (статьи 111, 112, 115 УК РФ), побои (статья 116 УК РФ), а также угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (статья 119 УК РФ) [9]. Представляется интересным, что немалая доля среди совершенных женщинами преступлений против личности занимает угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (статья 119 УК РФ).

Как свидетельствуют данные статистики, «слабому полу» не свойственно совершение убийств в состоянии аффекта (статья 107 УК РФ), при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания преступника (статья 114 УК РФ), а также причинение смерти по неосторожности (статья 109 УК РФ), причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (статья 118 УК РФ) и тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (статья 113 УК РФ).

Такое положение объясняется, в частности, тем, что женщины реже, чем мужчины, оказываются в острых конфликтных ситуациях, в которых, защищая себя, они могли бы превысить пределы необходимой обороны [10]. Физическая слабость и обостренное, по сравнению с мужчинами, стремление к самосохранению практически исключают возможность совершения женщинами активных действий для задержания преступника и, соответственно, вероятность совершения преступления, предусмотренного статьей 114 УК РФ. Небольшое количество случаев причинения женщинами смерти по неосторожности (статья 109 УК РФ), причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности (статья 118 УК РФ) в общей структуре женской преступности является следствием присущей «слабому полу» от природы осторожности. Незначительный удельный вес совершаемых женщинами убийств в состоянии аффекта (статья 107 УК РФ), а также случаев причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта (статья 113 УК РФ) обусловлен, по нашему мнению, прежде всего, физиологическими особенностями.

ностями женщин (отсутствием физической силы, неожиданное, спонтанное применение которой способно причинить тяжкие последствия) [11].

Поскольку естественным предназначением женщины является рождение ребенка и, соответственно, одной из основных, а скорее и самых главных социальных ролей — роль матери, следовательно, преступность женщин против семьи и детей должна вызывать особое внимание и тревогу со стороны государства и общества. Самыми распространенными посягательствами «прекрасной половины» против семьи и несовершеннолетних являются неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего и злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей. Фактически в данном случае вред наносится посредством бездействия. Однако такое бездействие особенно явно отражает глубинные пороки общества.

Исследование структуры женской преступности показывает, что в этих регионах, так же как в целом по России, женщины чаще всего совершают преступления против собственности. Высокий удельный вес рассматриваемых деяний (более 50,0%) главным образом связан с занятостью женщин в сфере торговли, обслуживания, распределения и хранения материальных ценностей. Женщины исторически составляли большинство работников в данных отраслях хозяйства, а нестабильность и кризисное состояние экономики, результатами которого являются инфляция, безработица и прочие негативные процессы, вызывает еще больший приток женского населения в указанные сферы [12].

Необходимо отметить, что существуют определенные особенности «женских краж». Очень часто эти преступления совершаются с использованием доверия окружающих. Чаще всего кражи путем использования доверия малознакомых лиц женщины совершают на транспорте и в жилых помещениях. В первом случае они знакомятся с предполагаемой жертвой на вокзале или в поезде, завоевывают ее расположение, рассчитывая на свободный доступ к вещам. Во втором случае воровка обманом (например, обращаясь с просьбой позвонить) или по приглашению проникает в квартиру и, пользуясь отсутствием хозяев, их сном или невнимательностью, совершает хищение. Типичными местами для совершения «женских краж» являются общественные места с большим скоплением людей (улицы, площади, парки, скверы, остановки, вокзалы и т.п.) и места торговли (рынки, магазины, кафе и т.п.). Это объясняется тем, что в толпе всегда проще затеряться, остаться незамеченным. В таких местах люди обычно не обращают на посторонних пристального внимания. Между тем, выбор жертвы весьма широк и не ограничен временными рамками. Такие обстоятельства создают благоприятные условия для совершения как спланированных, так и «случайных» преступлений.

Следует отметить, что особенностью женских краж является их значительная «ситуативность». То есть, пода-

вляющее большинство краж «слабый пол» совершает без какого-либо планирования и расчета, в обстоятельствах так называемой «счастливой случайности». Женщина при этом не прилагает усилий для создания условий, обеспечивающих возможность совершения кражи. Обстоятельства складываются сами собой (например, потерпевший утрачивает бдительность, а деньги/вещи находятся в открытом доступе), и преступнице остается только воспользоваться их удачным стечением: просто взять то, что «плохо лежит» [13].

Несмотря на то, что «свободный доступ» был и продолжает оставаться самым традиционным и популярным способом совершения женщинами тайного хищения чужого имущества: представительницы слабого пола неохотно идут на кражи, требующие проникновения в укрепленные или охраняемые помещения (административные здания, офисы, гостиницы и пр.), особенно в одиночку. Между тем, и на это уже обращалось внимание в специальных криминологических исследованиях, все большее распространение получают такие, прежде не свойственные женщинам приемы совершения краж, как проникновение в жилище или помещение путем выбивания двери, взлома окна, замка или даже стены. Среди совершаемых женщинами преступлений против собственности второе место по величине удельного веса принадлежит мошенничеству (статья 159 УК РФ). Это объясняется большой прибыльностью данного преступления при его относительно низкой рискованности, так как дела о мошенничестве достаточно сложно расследовать. Кроме того, женщина от природы наделена качествами, позволяющими ей успешно совершать рассматриваемое посягательство: артистизм, обаяние, способность, порой даже неосознанно, проникать в психологию жертвы, входить в доверие, умение привлечь и расположить к себе людей. [14]

Представляется, что этот перечень можно дополнить. В частности, в настоящее время все чаще встречаются случаи совершения мошенничества посредством использования сети Интернет. Например, под предлогом поиска пары для построения отношений и создания семьи женщины на сайтах знакомств подыскивают себе жертв, устанавливают с ними контакт, а затем, вводя в заблуждение относительно серьезности своих намерений, под различными предложениями склоняют к передаче денежных средств (на билеты, чтобы приехать к «любимому», на лечение, на обучение и пр.). Доказать преступный умысел в таких делах весьма сложно.

Положение женщин, совершающих хищение путем присвоения или растраты, в большинстве случаев можно охарактеризовать как благополучное. Прежде всего, они работают. Во-вторых, они обычно имеют образование выше среднего полного (общего), часто средне-специальное. В большинстве случаев у них есть муж, дети. Молодые девушки, как правило, на момент совершения преступления учатся. Следует отметить, что на преступления

таких женщин редко толкает нужда. Многие из них просто не могут удержаться от соблазна взять ставшие доступными ценности.

В структуре преступности женщин против собственности особое внимание обращают на себя такие деяния, как грабежи (статья 161 УК РФ) и разбои (статья 162 УК РФ).

Традиционно небольшой удельный вес разбоев в структуре преступности женщин против собственности свидетельствует о том, что женщинам в целом не свойственно применение насилия для завладения чужим имуществом. Как правило, грабежи и разбои совершаются женщинами в соучастии с мужчинами. При этом если в разбоях

женщины чаще выполняют функции пособниц, то в грабежах — соисполнителей.

Преступность женщин отличается от преступности мужчин, как количественными параметрами, так и качественными показателями, что выражается в следующем: а) масштабах преступлений и их характере; б) механизме преступного поведения; в) способах и средствах достижения противоправной цели; г) психологическом отношении преступниц к совершенному деянию; д) выбором жертвы и взаимоотношениях с потерпевшими; е) влиянием на их правонарушения семейно-бытовых и сопутствующих им обстоятельств; ж) соотношением корыстных, насильственных и иных видов преступлений.

Литература:

1. Беличева, С. А. Основы превентивной психологии. — М.: Юристъ, 2011. — с. 143
2. Тард, Ф. Г. Преступник и преступление. — М.: Юридическая литература 2012. — с. 10.
3. Авенский, В. Д. Количественные показатели преступности среди женщин // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2. — с. 142.
4. Шоткинов, С. А. Женская преступность: причины и детерминанты. — М.: Логос, 2014. — с. 8.
5. Зиядова Д. З., Абасова С. А. Тенденции роста преступности женщин — угроза безопасности общества // Следователь. 2013. № 4. — с. 20.
6. Пуляева, Е. В. Убийство матерью новорожденного ребенка: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: Автореф. дисс... канд. юр. наук. — Тамбов: Изд. ТГТУ, 2011. — с. 15.
7. Бородин, С. В. Ответственность за убийство: квалификация и наказание по российскому праву. — М.: Зерцало, 2011. — с. 149.
8. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196с.
9. Карасова, А. Л. Регламентация ответственности за посягательства на жизнь по уголовному праву России: Учебное пособие. — Ставрополь: Изд-во СКГУ, 2012. — с. 57.
10. Трофимов, М. Т. Ответственность за убийство в состоянии аффекта. — М.: Проспект, 2010. — С. 17.
11. Кондрашова, Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. — СПб: Юридический центр «Пресс», 2010. — с. 314.
12. Кочеткова СВ. Опыт анализа состояния женской преступности в России // Законность. 2013. № 12. — С. 69.
13. Явчуновская, Т. М., Степанова И. Б. Тенденции современной преступности женщин // Государство и право. 2010. № 12. — с. 29.
14. Багдасарова, А. Э. Причины и условия женской экономической преступности // Российский криминологический взгляд. 2012. № 2. — с. 372.

Психологические детерминанты женской преступности

Ахъядов Эльман Саид-Мохмадович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Общесоциальные и социально-психологические детерминанты не раскрывают в полной мере различия в преступном поведении мужчин и женщин. Тендерную дифференциацию следует рассматривать как часть индивидуальности человека, и, соответственно, особое внимание при исследовании детерминант женской преступности необходимо уделять тем из них, которые действуют на личностном уровне.

Преступника выделяет совершенное им преступление, которое, по существу, является показателем существования определенных отрицательных свойств личности. Между тем, данные свойства не исчерпывают все содержание личности, поскольку помимо отрицательных качеств она всегда наделена и определенными положительными, как для самого преступника, так и для общества, качествами.

Личность преступника — это целостное образование, обладающее определенной структурой, состоящее из взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов. Только при достаточных сведениях о личности можно установить, какие именно ее свойства порождают, детерминируют преступное поведение.

Как отмечает В.Д. Филимонов, основным свойством, предопределяющим специфику личности преступника, является ее общественная опасность. Причем общественная опасность личности не тождественна общественной опасности как социальному явлению, составляющему угрозу причинения вреда общественным отношениям в результате взаимодействия человека с окружающей средой. Общественная опасность личности преступника порождается определенными социальными свойствами человека [1].

Общественную опасность, как свойство личности преступника, также необходимо отличать от общественной опасности лица, возникающей в процессе реализации данного свойства, а именно — в процессе взаимодействия лица с конкретной ситуацией. Если в первом случае общественная опасность составляет относительно устойчивую угрозу совершения преступления, то во втором — состоит в конкретных действиях, реализующих эту угрозу.

Следовательно, общественная опасность личности преступника может рассматриваться как в смысле свойства личности, так и в смысле процесса реализации данного свойства в конкретной жизненной ситуации.

Общественная опасность личности возникает до совершения лицом преступления и существует как реальная угроза его совершения ввиду возможности проявления антиобщественных свойств личности в преступном поведении.

Возникновение общественной опасности лица связано с существованием определенных обстоятельств, характеризующих, с одной стороны, его личность, а с другой — внешнюю среду, в которой это лицо находится, и которая может создавать условия, способствующие совершению преступления. Между тем, реальная возможность совершения преступления определяется, прежде всего, особенностями личности [2].

Таким образом, особенности личности женщин-преступниц могут рассматриваться в качестве детерминант женской преступности, действующих на индивидуальном уровне.

Изучение отдельных признаков личности женщин, совершивших преступления, позволило выявить некоторые особенности.

Как известно, поведение человека, его интересы, круг друзей и знакомых, жизненные ценности и перспективы развития в значительной мере обуславливают возраст. Возраст имеет определенное социально-психологическое содержание и значение. С его увеличением происходит не только физиологическое изменение организма, но и изменение самой личности (ее социальных ролей и функций, привычек, характера, мотивации решений и поступков, реакции на различные жизненные ситуации и пр.)¹. Сле-

довательно, возрастные особенности, так или иначе, оказывают влияние и на преступное поведение.

Использование при анализе такого признака личности преступницы как возраст классификации, принятой в статистике, представляется целесообразным и обоснованным. Прежде всего, осуществление исследования в рамках единой «возрастной шкалы» позволяет соотносить и сравнивать полученные результаты. Кроме того, предлагаемая периодизация достаточно подробна. В любом случае, думается, что, проводя возрастную характеристику с выделением иных групп, необходимо указывать основания для выбранной периодизации.

Такое распределение представительниц «прекрасного пола» по возрастным группам может объясняться следующим. По сравнению с лицами зрелого возраста, молодые женщины, как правило, обладают менее развитой волей, повышенной эмоциональностью, чувствительностью и восприимчивостью к негативным влияниям, неустойчивостью оценок, несформированностью прочных сдерживающих начал и привычек. В ситуации сложного выбора, при отсутствии необходимых навыков, знаний и социального опыта, наилучшим выходом для них может показаться решение проблемы противоправным путем.

Период от 25 до 49 лет является этапом наибольшей социальной активности человека. В этом возрасте повышается активность женщин в общественном производстве, расширяются их социальные контакты. Женщина в полной мере раскрывается во всех сферах (в семье, на работе). Однако к этому времени происходит накопление не только позитивного, но и негативного жизненного опыта, усиливаются переживания, тревоги, обостряются противоречия как внутри себя, так и со средой. В условиях нарастающего конфликта совершение преступления может являться уже не способом «решения проблемы», а закономерным следствием длительного социального и морального «падения» или же своеобразной попыткой «выйти из тупика» [3].

Между тем, относительно возраста, в котором «слабый пол» чаще всего совершает уголовно-противоправные деяния, в литературе высказывались и иные выводы, отличные от полученных нами. Рассмотрение возрастной характеристики женщин-преступниц позволяет выделить следующие негативные тенденции.

Происходит возрастание как абсолютного числа, так и удельного веса преступниц в возрасте 18–29 лет. Причем их доля стабильно и значительно превышает долю представительниц «слабого пола» в возрасте 30–49 лет.

Другой негативной тенденцией, проявившейся в женской преступности, является возрастание доли и абсолютного числа преступниц пожилого возраста (50 лет и старше). Развитие указанной тенденции может объясняться взаимодействием двух факторов: продолжающимся процессом старения населения и отсутствием реализации со стороны государства достаточных мер для обеспечения надлежащей социальной защиты «старшего поколения» [4].

Очевидно, что социальную сторону жизни и деятельности человека во многом определяет его образовательный уровень. Образовательный уровень служит индикатором оценки развития умственных способностей, определяет кругозор, сферу общения и интересов, культурный уровень, уровень потребностей, а также самооценку человека. Хотя, полученное образование не предопределяет степень нравственного развития человека. Его уровень может служить лишь благоприятным либо неблагоприятным условием нравственного формирования личности. Вместе с тем, взаимосвязь между образовательным уровнем и уровнем криминальной активности общепризнанна: чем он выше, тем меньше вероятность противоправного поведения. Указанная взаимосвязь обусловлена большей способностью образованного человека к анализу и оценке своего поведения, выработке одобряемых потребностей и удовлетворению их правомерными способами.

В целях характеристики личности женщин-преступниц в интересующем нас аспекте, массив правонарушительниц по образовательному уровню был разделен на шесть групп (преступницы с высшим профессиональным, начальным и средним профессиональным, средним (полным) общим, основным общим, начальным общим образованием, а также не имеющие начального образования).

Изложенное позволяет сделать вывод, что при большей «образованности» женщин, совершающих преступления, по сравнению с мужчинами-преступниками, преступность «сильного пола» проявляет тенденцию к повышению образовательного уровня, а преступность «слабого пола», напротив, к некоторой «образовательной деградации».

Важное значение при изучении личности женщины-преступницы имеют такие признаки, как род занятий и социальное положение. Общественно полезная деятельность важна для становления и развития личности, реализации естественных потребностей общения, получения средств к существованию и т.п. Незанятость трудом или обучением в совокупности с другими обстоятельствами может стать серьезным криминогенным фактором. [5]

Из изложенного следует, что отдельные признаки личности способны в той или иной степени определять направленность женщины на преступное поведение.

Психологические детерминанты женской преступности предполагают исследование нравственно-психологических качеств личности преступницы, которые при взаимодействии с определенной проблемной ситуацией обуславливают преступное поведение. Следует учитывать, что возникновение умысла само по себе не влечет с неизбежностью совершение преступления.

Процесс взаимодействия между различными сторонами человеческого сознания начинается, как правило, с переживания актуальной потребности. Стремление к удовлетворению данной потребности побуждает лицо осуществить оценку окружающей обстановки.

Таким образом, причиной преступного поведения на личностном уровне выступает совокупность антиобщественных свойств конкретной личности и, прежде всего, криминогенная мотивация. Именно мотивация служит основным источником криминальной активности личности. Мотивация включает в себя определенные внешние и внутренние стимулы, вызывающие решимость совершить деяние. Криминогенная мотивация представляет собой систему криминогенных мотивов, сформированных вследствие криминогенной деформации психики человека, под влиянием искаженных потребностей. Мотив выступает в качестве прямого побуждения к деятельности, связанной с удовлетворением конкретных потребностей, и выражающего личностное отношение к тому, на что эта деятельность направлена [6].

В качестве условия индивидуального преступного поведения на рассматриваемом уровне выступает ситуация совершения преступления. Данная ситуация состоит из двух групп обстоятельств. Прежде всего, это обстоятельства, играющие роль условий, формирующих негативные свойства личности (причину). В качестве таковых выступают общесоциальные и социально-психологические детерминанты, образующие макро- и микросреду для возникновения и развития преступника. Другую группу обстоятельств составляют те, которые облегчают проявление причины индивидуального преступного поведения. Они непосредственно влияют на поведение личности в определенное время (именно в момент или непосредственно перед совершением преступления), сливаясь в конкретную жизненную ситуацию. Такая ситуация ставит личность перед необходимостью выбора предпочтительного варианта поведения (правомерного или преступного), а также обуславливает содержание и форму избранного варианта поведения, раскрывая степень готовности человека действовать определенным образом.

Взаимодействие указанных причин (антиобщественные свойства личности) и условий (конкретная жизненная ситуация) представляет собой механизм индивидуального преступного поведения.

Психологические детерминанты конкретных «женских» преступлений заключаются в особенностях криминогенной мотивации преступниц, особенностях жизненной ситуации совершения преступления и особенностях реакции на нее женщин.

Раскрывая особенности криминогенной мотивации женщин, совершивших преступления, необходимо учитывать, что мотив выступает основным психологическим признаком деятельности. Он определяет потребности личности и стимулирует ее противоправное поведение.

По форме проявления мотив представляет собой психическое явление (внутренне состояние личности), состоящее в тех или иных условиях побуждением к определенной деятельности.

Поведение личности всегда в той или иной степени зависит среды, от внешних условий и обстоятельств, в которых личность находится. Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что наиболее типичными мотивами «женских» преступлений являются: корысть, месть, ревность, зависть, ссора на бытовой почве и иные бытовые неурядицы, материальная нужда, порочные наклонности в виде употребления алкоголя, наркотиков.

В то же время, для женщин не свойственно совершение преступлений по мотивам расовой, национальной, религиозной, идеологической, политической вражды, ненависти или мести. Думается, что это связано с меньшей

социальной активностью женщин, а также от природы свойственной им терпимостью.

Следует еще раз отметить, что для женщин, в принципе, характерно совершение преступлений в бытовой, семейной сфере. При этом потерпевшим в таком случае чаще всего выступает мужчина, с которым она состоит в близких, интимных отношениях, — муж, сожитель, любовник.

Анализ приведенных данных позволяет сделать вывод о том, что мотивы совершения преступлений у женщин достаточно разнообразны. Однако справедливо отметить, то перечисленные мотивы нельзя признать исключительно «женскими», не свойственными для мужчин-преступников.

Литература:

1. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196с.
2. Чернышева, Е. Р. Криминологическая характеристика состояния, динамики и тенденций современной женской преступности //Юристь-Правоведь, 20013. № 3. — с. 61.
3. Чернышева, Е. Р. Криминологическая характеристика современных женщин-преступниц //государство и право. 2013. № 6. — с. 102.
4. Тамбиева, Р. Ш. Криминологическое исследование личности женщин и предупреждение их преступного поведения. — М.: Статут, 2012. — с. 55.
5. Максимов, А. С. Некоторые особенности криминологической характеристики личности женщины-преступницы //Правоведение. 2011. № 9. — с. 39.
6. Игошев, Е. К. Личность преступника и мотивация преступного поведения. — М.: Логос, 2011. — с. 81.

Социально-психологические детерминанты женской преступности

Басаев Висхан Ахмедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Социально-психологические детерминанты женской преступности обусловлены существованием малых социальных групп (социальной микросреды), в которых формируется личность человека, и где человек осуществляет свою деятельность. Именно под влиянием неблагоприятного ближайшего окружения личность подвергается серьезным изменениям, которые часто проявляются в деформациях мотивационной сферы, что, в свою очередь повышает вероятность совершения преступления.

Социальная микросреда личности может включать множество различных малых групп (семья, учебный или трудовой коллектив, неформальное окружение и пр.), в которых человек выполняет разные роли. Соответственно, каждая группа оказывает на личность определенное влияние.

Одной из наиболее важных социальных групп (по распространности и степени воздействия) является семья. Семья традиционно считается одним из важнейших антикриминогенных факторов, сдерживающих человека

от совершения преступления. Семья — социальный институт, способный стимулировать положительное поведение, а также осуществлять социальный контроль над личностью. Семейное положение и его изменение влияет на формирование личностных качеств. Как отмечают некоторые авторы, именно неблагоприятная атмосфера в семье, неправильные условия воспитания выступают первоначальным этапом формирования личности преступника. Семья в значительной степени оказывает влияние на характер человека, его поведение. В социальном аспекте семья выступает фактором, который стабилизирует положение личности [1].

Огромное влияние семьи на формирование женщины определяется длительностью периода включения личности в данную группу, тем, что именно в семье происходит процесс первичной социализации, а также важнейшими функциями, выполнение которых возложено на семью.

При этом следует учитывать, что нахождение людей в официально оформленном браке еще совершенно не оз-

начает, что они составляют семью в социальном аспекте. То есть, наличие зарегистрированного брака не свидетельствует о фактическом наличии семьи.

Поскольку традиционно человек в течение жизни включен в две семьи — родительскую (в которой он рождается и взрослеет), и собственную (которую создает сам), постольку влияние на его личность оказывают обе эти семьи.

Прежде чем приступать к рассмотрению влияния семьи на женскую преступность, необходимо обратить внимание на то, каким образом воздействует на женскую преступность отсутствие семьи как таковой либо ее неполнота (отсутствие у женщины супруга при наличии детей или отсутствие детей при наличии супруга).

Наше исследование показало, что отсутствие у женщины собственной полной семьи, включающей мужа (сожителя) и детей, следует признать детерминантой женской преступности. Учитывая изложенное, представляется логичным, что отсутствие у женщины семьи вообще (как полной, так и неполной), также выступает детерминантой женской преступности. Наличие детей традиционно считается фактором, способным удержать женщину от совершения преступления. Следует отметить, что, несмотря на наличие у многих преступниц детей, это обстоятельство не препятствовало антисоциальному поведению женщин. В то же время, были среди преступниц и такие, которые искренне переживали за своих детей, и даже совершаемые преступления были обусловлены у таких женщин именно заботой о детях (необходимость обеспечить детей едой, одеждой и иными предметами первой необходимости).

Таким образом, наше исследование подтверждает, что сам факт наличия ребенка далеко не всегда удерживает его мать от антисоциального, противоправного поведения. Говоря об антикриминогенной роли материнства, в первую очередь надо установить, каково отношение женщины-преступницы к своему ребенку, насколько он ей дорог, насколько она переживает и заботится о нем. Состояние материнства может удержать женщину от совершения преступления только если она сама считает себя матерью, понимает, что принимаемые ей решения касаются не только ее и, следовательно, нужно подходить к ним более ответственно.

Семейное положение, характер взаимоотношений в семье и с близкими во многом определяет жизненные стереотипы и социальную микросреду личности. Семья может выступать мощным стабилизирующим фактором, влиять на уровень адаптации женщины и качество выполнения ею своих социальных ролей в других сферах жизнедеятельности: в трудовом коллективе, в образовательном учреждении и т.п.

Следует учитывать, что влияние семьи на личность женщин-преступниц может иметь как позитивный, так и негативный характер. Негативное влияние обусловлено, в первую очередь, возможной семейной десоциали-

зацией. Суть данного явления состоит в способствовании (целенаправленном формировании у личности антиобщественных свойств, представлении отрицательных стандартов поведения) либо непротиводействию (бесконтрольности) совершению преступления [2]. Соответственно, влияние семейной десоциализации на личность женщины-преступницы может быть прямым и опосредованным.

Прямое воздействие проявляется либо в сознательном формировании в семье установки, мотивации на совершение преступления, либо в фактической приверженности семьи антиобщественному образу жизни, объективно формирующему такую мотивацию. В первом случае происходит целенаправленная передача негативного опыта от одних членов семьи к другим (от мужа к жене, от родителей к детям, и пр.). Во втором — члены семьи (один или несколько), напрямую не требуя криминального поведения от других, своим деструктивным поведением (праздно-паразитическим образом жизни, злоупотреблением алкоголем, наркотиками и т.п.) оказывают отрицательное воздействие на основные функции семьи.

Опосредованное криминогенное воздействие семейной десоциализации происходит через отчуждение женщины от семьи с последующим попаданием в негативную социальную среду, в которой у нее формируется криминогенная мотивация, способствующая совершению преступления.

Отчуждение личности от основных малых социальных групп позитивной направленности в принципе рассматривается в криминологии как основа последующего преступного поведения. Повышенная тревожность, являющаяся следствием такого отчуждения, выражается в затруднении адаптации личности в законопослушном обществе. Попытки обрести социальное признание, эмоциональное удовлетворение, преодолеть возникшее отчуждение могут подтолкнуть человека в неформальные антиобщественные или преступные группы, пребывание в которых способствует формированию у него негативных личностных качеств, составляющие основу преступного поведения [3].

Семейная десоциализация личности может произойти на любом этапе ее развития, причем как в родительской, так и в собственной семье. К примеру, позитивную социализацию девушек в родительской семье затрудняет действие целой совокупности самых разнообразных факторов. Среди них, в частности, резкое снижение материальной обеспеченности и социальной защищенности семьи, повышение уровня занятости родителей, искажение представления о традиционных ролях мужчины (отца) и женщины (матери), усиление внутрисемейных конфликтов, применение в процессе воспитания насилия в разных формах, демонстрация родителями низкого уровня культурных потребностей и интересов, неуважения к базовым нравственным ценностям. Отчуждению девушек от семьи способствует также их от-

вергание родителями, которое может проявляться в открытых и скрытых формах.

Негативное влияние семьи на взрослую женщину проявляется, преимущественно, в аспекте ее личных взаимоотношений с близким мужчиной. С одной стороны, побудить к совершению преступления может отрицательное влияние любимого (в виде подстрекательства, прямого принуждения), страх его потерять в случае отказа в поддержке, либо наличие собственного желания «помочь». С другой стороны, на преступление женщину нередко толкают и противоположные чувства, а именно неблагоприятные, конфликтные отношения с супругом, сожителем. В положительных «бытовых» характеристиках часто отмечались такие качества преступниц, как отзывчивость, вежливость и отсутствие вредных привычек. В некоторых случаях перечислялись их увлечения, обозначалась сфера социально-полезных интересов. В отрицательных характеристиках указывалось на антиобщественный образ жизни преступниц, на их конфликтность и пренебрежительное отношение к окружающим.

Исследование показало, что близкие в большинстве случаев защищали женщин-преступниц, пытаясь объяснить и оправдать их противоправное поведение. В то же время сами преступницы не часто характеризовали свои отношения с родителями и ближайшими родственниками как спокойные и доброжелательные. В семьях исследованных женщин не редко случались конфликты, ссоры, обусловленные неприятными отношениями. Развитие сложных межличностных отношений на фоне зачастую весьма неудовлетворительных материальных и бытовых условий способствовало скорейшему усвоению и развитию антиобщественных форм поведения.

Таким образом, признавая антикриминогенную роль семьи, тем не менее, большее внимание следует обращать не на сам факт ее наличия или отсутствия, а, прежде всего, на «качество» отношений в данной семье. Поскольку именно напряженные, конфликтные отношения с близкими зачастую определяют направленность женщины на криминальное поведение.

Представляется справедливым, что повышенной криминогенной опасностью обладает «неблагополучная» семья, то есть, семья с нарушенной традиционной структурой, с деформированными эмоциональными связями между своими членами, «нездоровым» психологическим климатом, которой не выполняются или ненадлежащим образом выполняются возложенные на нее функции (репродуктивная, воспитательная, эмоциональная, защитная, хозяйственно-бытовая, домашнего контроля и др.) [5].

Справедливо будет сказать, что в современной России семья фактически «брошена» государством. Отсутствие четкой, последовательной политики в данной сфере, находящей реальное воплощение на практике, в течение длительного времени сопровождалось разрушением всех

прежних «достижений»: инфраструктуры детского воспитания, внешкольного образования, отдыха, системы здравоохранения и т.п. Все это не могло не сказаться на состоянии семьи, возможностях выполнения возложенных на нее функций. Отсутствие действенных законов, направленных на поддержку семьи, материнства, детства, стимулирующих оформление и сохранение брачных отношений, рождение детей, негативно отражается, прежде всего, на женщинах.

Криминогенное влияние на поведение женщины оказывает неблагоприятное неформальное окружение. Времяпрепровождение в данной среде зачастую сопряжено с участием в «примитивных» увеселительных мероприятиях, нередко с алкоголем, наркотиками и сексом. Необходимо учитывать, что для взрослых женщин выбор неформального окружения практически никогда не бывает случайным (по неопытности), не является выражением некоего протеста или «юношеского максимализма». Соответственно, в случае осознанного включения в такой коллектив, приобщение к его «ценностям» протекает быстрее, а формирующаяся связь отличается большей прочностью.

Определенное детерминирующее воздействие на женскую преступность оказывает микросреда трудового (учебного) коллектива. Характер выполняемой работы, уровень культуры и потребностей людей, составляющих производственную (образовательную) среду, неизбежно влияет на включенного в нее человека.

В качестве детерминанты женской преступности справедливо выделяют влияние на противоправное поведение женщины некоторых социальных связей и взаимоотношений в среде проживания. Например, вовлечение в антиобщественные формы поведения может быть произведено через неблагоприятное неформальное окружение, существующее по месту жительства.

Учитывая изложенное, обоснованным представляется вывод, что исключение (либо самоустранение) женщин из общественной жизни коллектива по месту работы, учебы либо по месту жительства способно детерминировать женскую преступность.

Завершая анализ социально-психологических детерминант женской преступности необходимо отметить, что на данном уровне значительное воздействие на женскую преступность оказывает отсутствие семьи, а при ее наличии — прямое или опосредованное влияние семейной десоциализации. Негативное влияние семьи на взрослую женщину проявляется, преимущественно, в аспекте ее личных взаимоотношений с близким мужчиной. Наличие детей не препятствует антисоциальному поведению преступниц.

Детерминантами женской преступности следует признать включение женщины в неблагоприятное неформальное окружение и неблагоприятную микросреду трудового коллектива, а также отсутствие у женщины социально-полезных занятий и связей за пределами профессиональной сферы.

Литература:

1. Самовичев, Е. Г. Неблагоприятные условия формирования личности в детстве и вопросы предупреждения преступлений. — М.: Логос, 2013. — С.65.
2. Шестаков, Д. А. Семейная криминология: семья — конфликт — преступление. — СПб.: Нева, 1996. — с. 85.
3. Чубаркин, М. М. Семья как фактор социализации // Психология. 2011. № 1. — с. 52.
4. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196с.
5. Власова, Е. Д. Факторы, детерминирующие криминальное агрессивное поведение у женщин // Российский следователь. 2013. № 11. — с. 46.

Общесоциальные детерминанты женской преступности

Басаев Висхан Ахмедович, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Проблема детерминации преступности является одной из центральных в криминологии. Как невозможно излечить болезнь, не установив источник ее возникновения, так и предупреждение преступности не может быть достаточно успешным и эффективным без тщательного выявления и исследования ее основных детерминант.

При объяснении существования преступности исследователи используют различные термины. Некоторые выделяют причины и условия преступности, другие признают существование полной причины преступности, состоящей из собственно причины преступности и ее условия, третьи обосновывают наличие причин, условий и факторов преступности и т.д. [1] Как отмечалось в литературе, данные различия нельзя считать исключительно терминологическими, поскольку они отражают разные подходы к изучению преступности — казуальный и детерминистский. Указанные подходы не противоречат друг другу и не требуют противопоставления. Казуальный подход раскрывает механизм порождения преступности, обнаруживая причинное и условное ее существование. Детерминистский, в свою очередь, позволяет обратить внимание на то, что иным образом оказывает влияние на существование преступности [2].

Наиболее конструктивным признается объединение обозначенных подходов. Казуальная связь рассматривается как одна из разновидностей детерминации, а именно — как связь между явлениями через определенную причину или условие. Однако данная связь не отражает всего многообразия взаимоотношений материального мира. В то же время детерминация предполагает, кроме казуальной, иные виды связи. Наиболее значимой из них считается функциональная, при которой явления, не возникая одно после другого, между тем, определенным образом зависят друг от друга и сосуществуют во времени. [3]

Для анализа детерминант женской преступности важным является вопрос об их классификации, которая

может проводиться по различным основаниям, в том числе: по сфере действия, по природе происхождения, по детерминирующему воздействию, по источнику происхождения, с точки зрения исторического подхода (всеобщие, общие и специфические).

Общесоциальные детерминанты женской преступности связаны с социальными явлениями и процессами, происходящими в обществе в целом, и отражающимися на жизни макрогрупп (возрастных, национальных и т.п.).

Детерминанты преступности общесоциального уровня часто рассматриваются в зависимости от сферы их действия: экономические, социальные, политические, идеологические и духовно-нравственные [4].

Аналогичным образом можно рассматривать общесоциальные детерминанты женской преступности.

Выделяются различные детерминанты женской преступности, действующие на общесоциальном уровне, среди которых резкая смена экономического курса развития общества, социальное неравенство, расслоение общества по материальным, культурным и другим показателям, вытеснение женщин из сферы общественного производства и недостатки правового регулирования женского труда, рост безработицы среди женщин, неостребованность на рынке труда молодежи и особенно лиц женского пола, падение нравов в обществе, резкое разрушение стереотипов образа жизни, смена жизненных ориентиров и ценностей, ослабление социальных институтов семьи и материнства, поддержание иерархических отношений между полами, повышенная криминогенность культуры, навязываемая средствам массовой информации, возросшая в обществе напряженность, неуверенность в завтрашнем дне, враждебность, конфликтность, рост антиобщественных явлений (алкоголизм, наркотизм, проституция, бродяжничество среди женщин), неподготовленность общества к утверждению женщиной своей новой роли в складывающихся новых экономических условиях.

Отмечается, и с эти нельзя не согласиться, что в основе детерминант преступности на общесоциальном уровне лежат экономические явления, поскольку в первую очередь именно экономика обуславливает социальные, политические и духовные процессы, протекающие в обществе.

Кризисное состояние экономики является мощным источником криминальной напряженности в обществе, а влияние экономических факторов на показатели преступности с каждым годом становится в России все более очевидным. Сокращение уровня производства, повышение цен, рост инфляции, безработицы — все эти явления ведут к существенному ухудшению уровня жизни населения, обострению имеющихся противоречий, социальной напряженности и, как следствие, в том числе, к росту преступности. Необходимо учитывать, что социально-экономическая ситуация в конкретных регионах страны в целом повторяет тенденции, происходящие на общедоинановальном уровне. В то же время на ней неизбежно отражаются и некоторые территориальные особенности [5].

Рассмотрение конкретных детерминант женской преступности общесоциального уровня позволяет согласиться с выводом, что на основные показатели женской преступности, как на общероссийском уровне, так и в исследуемом регионе, существенно влияет социальное неравенство, в частности, неравенство в распределении доходов, резкое расслоение населения по имущественному признаку. Неравенство в распределении доходов подразумевает финансовое, денежное неравенство, которое, по существу, означает неравенство статусное. Необходимо отметить, что неравенство, в принципе, — явление неизбежное и генетически присущее любому обществу. Искоренить его невозможно. Следовательно, значение имеет не наличие неравенства как такового, а степень разрыва в положении отдельных групп, индивидов, отсутствие реальных равных возможностей у каждого члена общества реализовать себя и факт осознания человеком своего «ущемленного» положения.

Необходимо отметить, что для женщин проблема неравенства приобретает особый смысл, поскольку оно проявляется для них не только в вертикальном аспекте (социальное положение отдельных групп), но и в горизонтальном (взаимоотношениях в рамках одной группы), а именно в общепринятом восприятии женщины как неравного мужчине субъекта. Образование и высокая квалификация позволяют женщинам конкурировать и занимать должности, которые раньше предоставлялись только мужчинам — в сфере бизнеса, в финансовых структурах и органах власти и управления. Однако говорить о полном и действительном «равенстве полов» не представляется возможным. Отметим, что неравенство может проявляться в разных областях — в сфере занятости, в профессиональной деятельности, в разделении труда и уровне его оплаты и др.

Само по себе разделение труда на «мужской» и «женский» уже предопределяет некоторое неравенство. Однако это «неравенство» заключается не только в выборе сферы занятости, но и в предоставляемом за труд вознаграждении: заработной плате и возможностях карьерного роста. Официальная статистика свидетельствует о сохраняющемся неравенстве в оплате «женского» и «мужского» труда. Даже в «традиционно женских» отраслях экономики, которые никогда не относились к высокооплачиваемым, доходы мужчин в целом выше.

Исходя из изложенного, представляется, что разница в оплате труда является следствием не только территориальной, отраслевой, должностной или профессиональной, но и тендерной дифференциации, а именно принадлежности работника к тому или иному полу. Таким образом, для современного российского общества характерно сохранение иерархических отношений между полами, а это означает, что для разрешения материальных проблем у женщин в нашем обществе фактически меньше возможностей, чем у мужчин.

Учитывая, что воздействие неравенства на женщин является более разносторонним и значительным, чем на мужчин, выделение его в качестве детерминанты женской преступности обосновано.

Женщины в новых экономических условиях занимают в основном более слабые позиции, чем мужчины. Падает престиж традиционных женских профессий, сокращается размер доходов в характерных для женщин сферах занятости. В условиях ограниченных возможностей и сложной экономической ситуации женщины для поддержания своего материального положения вынуждены соглашаться на низкооплачиваемую работу и плохие условия труда. Социальная неустроенность и материальная неуспешность способствуют вовлечению женщин в неформальный сектор, приобщению к антисоциальным формам поведения (алкоголизму, наркотизму, проституции и пр.), что, в свою очередь, может выступать отправной точкой деградации и криминализации женщин.

Самостоятельное криминогенное значение в экономической сфере играет рост темпов инфляции. Тем более, что ценовой «пресс» в первую очередь «давит» на население с невысокими доходами, заставляя сокращать потребление предметов первой необходимости и продуктов питания. То есть, «бедняки становятся еще беднее», что неизбежно оказывает негативное влияние на их поведение. Острота возникновения конфликтов повышается и приобретает особую сложность, когда потребности женщин значительно возрастают, а возможности для их удовлетворения сокращаются. Падение реальных доходов населения приводит к тому, что женщины для удовлетворения своих потребностей вынуждены прибегать к криминальной модели поведения.

Неблагоприятное состояние экономики предопределяет сложную социальную ситуацию, которая проявляется в плохих условиях жизни большей части населения, в недостатках организации быта, культуры, социального

и медицинского обслуживания, условий труда и отдыха. Падение уровня и качества жизни характеризуется многими параметрами: демографическими, экологическими, трудовой занятостью населения, состоянием здравоохранения, возможностью получения образования, обеспеченностью социальными услугами и благоустроенным жильем, объемами и структурой потребления материальных благ, предпринимательской активностью, состоянием правопорядка, оценкой качества жизни самим населением. [6]

В качестве детерминанты женской преступности, которую можно признать острой социальной проблемой современного российского общества, выделяют ослабление социальных институтов семьи и материнства. С данным выводом нельзя не согласиться. Наше государство не обеспечивает достаточную поддержку семьи, материнства и детства, не защищает должным образом эти самые важные для женщины институты. Современное состояние систем бесплатной медицинской помощи, дошкольного воспитания нельзя признать в полной мере соответствующим реальным потребностям общества. Такое положение затрудняет успешное решение проблемы «двойной занятости», а именно — совмещения женщинами трудовой деятельности с заботой о семье и детях. Необходимость должным образом выполнять широкий круг обязанностей (профессиональных — на работе, матери и жены — в быту), неизбежно приводит к чрезмерным перегрузкам, которые отрицательно влияют и на психическое, и на физическое здоровье женщин. Неуверенность в завтрашнем дне и материальная нестабильность, незащищенность обуславливают повышение криминализации женщин.

Следствием непродуманной и непоследовательной социальной политики государства становится уменьшение рождаемости населения, ухудшение его здоровья, распространение алкоголизма, наркотизма, проституции — фоновых явлений, способствующих росту преступности.

Литература:

1. Чернышева, Е. Р. Состояние и тенденции современной женской преступности (региональная характеристика) // Молодой ученый. 2015. № 1. — с. 142.
2. Кузнецова, Н. Ф. Методология криминогенной детерминации. — М.: Изд-во Всесоюз. ин-та по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1981. — с. 50.
3. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. — с. 143.
4. Волков, Б. С. Детерминистическая природа преступного поведения. — М.: Гарданика, 2014. — с. 94.
5. Агаджанян, Э. М., Бидова Б. Б., Оссауленко С. Л. Уголовное право в схемах и определениях (общая часть): Учебное пособие. — Кисловодск: УЦ «Магистр», 2015. — 196с.
6. Крамар, Д. С. Причины и меры предупреждения совершаемых женщинами преступлений // Право и государство: теория и практика. 2014. № 12. — с. 133.

Завершая анализ общесоциальных детерминант женской преступности, необходимо отметить, что их содержание и особенности проявления предопределены условиями жизни людей в стране и ее регионах. Исследование показало, что в изучаемом регионе действуют те же общепризнанные детерминанты женской преступности, что и на общероссийском уровне. Региональная специфика проявляется преимущественно в том, что влияние одних детерминант в конкретных субъектах РФ может быть более существенным, чем в других субъектах РФ.

Комплекс общесоциальных детерминант достаточно широк и разнообразен. Среди основных общесоциальных детерминант женской преступности, действующих как в Российской Федерации, так и в изучаемом регионе, можно выделить социальное и экономическое неравенство разных групп населения, в частности, неравенство в распределении доходов, тендерное неравенство, проявляющееся, в том числе, в сфере занятости, должностном положении и оплате труда, опережающий рост расходов над доходами вследствие инфляции, безработицу, нестабильность сферы занятости, невостребованность на рынке труда молодежи, характер выполняемой работы и условия труда, низкий уровень социальных гарантий в области семьи, материнства и детства и ослабление данных социальных институтов, рост антиобщественных явлений (алкоголизма, наркотизма, проституции, бродяжничества среди женщин), а также падение нравов в обществе, резкое разрушение стереотипов образа жизни, смена у женщин жизненных ориентиров и ценностей, распространение антисоциальных форм поведения досуга.

Необходимо учитывать, что выделенные общесоциальные детерминанты преступности действуют не изолированно друг от друга, а в тесной взаимосвязи и взаимозависимости.

Антикоррупционный мониторинг в государственной политике противодействия коррупции в России

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

В современной России противодействие коррупции приобретает последовательное политическое и правовое обеспечение. За последние годы ратифицирован ряд международных антикоррупционных конвенций, Россия вступила в Группу государств против коррупции (ГРЕКО), реализуется Национальный план противодействия коррупции, принят Федеральный закон «О противодействии коррупции», а также ряд иных нормативных правовых актов, которые имеют специальное антикоррупционное предназначение. Указанные мероприятия образовали стратегическую линию государственной политики в сфере противодействия коррупции в необходимом ресурсном обеспечении. При этом в содержании такой политики концентрированное выражение получила беспрецедентная для России система антикоррупционных средств, обладающих предупредительным, а не карательным (репрессивным) потенциалом.

Экспертиза на коррупциогенность нормотворчества, разрешение конфликта интересов на государственной и муниципальной службе, декларирование доходов и обязательств имущественного характера государственными служащими и их родственниками образуют такие средства. Их применение имеет не только превентивную антикоррупционную роль, но должно рассматриваться еще и в контексте изменений коррупции в криминологически значимых аспектах. [1, с.37]

Современные международные инициативы в сфере противодействия коррупции связаны с развитием институциональных механизмов слежения за исполнением конвенционных антикоррупционных требований. Такие механизмы созданы в контексте требований основополагающих международных правовых документов, регулирующих вопросы противодействия коррупции. Наряду с этим активно развиваются независимые контрольные механизмы оценки состояния дел в сфере противодействия коррупции на национальном уровне, которые осуществляют международные неправительственные.

Проводимые как международными, так и неправительственными структурами антикоррупционные исследования, не только имеют неодинаковый методологический аппарат, объекты, цели и задачи специального познания, но и разнятся по субъектному экспертному обеспечению. Содержание исследований, обусловленных международно-правовыми обязательствами России, носит прагматический характер планового учета конвенционных требований с позиции их имплементации в национальное законодательство и практику правоприменения.

При этом результаты исполнения требований антикоррупционных конвенций оцениваются зарубежными пра-

вительственными экспертами на основе составленных официальными национальными органами отчетов. Антикоррупционные исследования неправительственных международных организаций, базируются на общих оценках уровня распространенности коррупционных проявлений в разных сферах жизнедеятельности, и не связаны с разработкой или предложением системных мер противодействия им.

В операциональном значении анализ и оценку состояния дел в сфере противодействия коррупции, в контексте как конвенционного, так и независимого анализа, принято обозначать как антикоррупционный мониторинг.

Внешние для Российской Федерации антикоррупционные мониторинговые инструменты для решения задач обеспечения Национальной стратегии противодействия коррупции представляются недостаточными. Эти инструменты не нацелены на получение криминологически значимых данных, которые характеризуют коррупционные проявления в закономерностях и продуцирующих факторах причинного комплекса, в том числе объясняющих сложности правоприменения имплементированных конвенционных норм.

Опыт прохождения Российской Федерацией международного антикоррупционного мониторинга выявляет проблемы недостаточности использования криминологически значимых данных, связанных с коррупционными реалиями. Ключевым источником этой проблемы является отсутствие на национальном уровне длежащихся, научных исследований в этой области, что в целом отражает нечастый случай их особой практической востребованности.

Методологией исследований, которая соответствует задачам антикоррупционного мониторинга, традиционно располагает криминологическая наука. Соответственно, их возобновление в специальном теоретико-прикладном назначении — для целей общей организации борьбы с коррупцией, включая информационно-аналитическое сопровождение, прогнозирования негативно-качественных изменений коррупционной преступности, а также определения и учета закономерностей ее подверженности разным мерам, представляется первоочередной задачей специалистов, обладающих компетенцией в сфере криминологии.

Логичным следствием проведенного исследования выступает необходимость определения концептуального содержания современной антикоррупционной политики России в криминологических ее аспектах. Решение этой задачи осознанно предполагалось осуществить в конце работы. В данном случае предварительность, которая потре-

бовала бы в формальном значении высказывать умозрения о сущности и требуемом содержании антикоррупционной политики, не имела бы значительной ценности.

Проведенный криминологический анализ современного состояния и тенденций противодействия коррупции позволяет отражать недостатки правового регулирования в этой сфере, которые купируют формирование антикоррупционной политики в полиотраслевом значении. Правоприменение в рамках антикоррупционной политики требует систематического проведения его анализа в глубоком видении процессов криминогенной детерминации. На сегодняшний день за бортом анализа остаются проблемы предупреждения коррупционных рисков и разрешения конфликта интересов, совершенствования антикоррупционной экспертизы нормотворчества. Такая элиминация может находить объяснение в том, что эти проблемы оцениваются как принципиально менее важные, в связи с отсутствием степени их общественной опасности. Между тем, эти проблемы образуют причинный комплекс коррупционной преступности, продуцируют ее в латентных и организованных формах. Вполне понятно, что завтра эти проблемы могут выйти на первый план не только по причине своего собственного стихийного саморазвития; но и в связи со слепым упорством в реагировании на их последствия, выраженные в развитии коррупционной преступности. По итогам исследования мы пришли к выводам, которые можно сформулировать в следующих положениях.

1. Изучение опыта антикоррупционного мониторинга, осуществляемого в России международными конвенционными и независимыми неправительственными инстанциями, свидетельствует о том, что он опирается на сравнительные оценки законодательных и институциональных подходов антикоррупционной политики на предмет их ответственности общемировой или международно-экономической практике предупреждения коррупции. В таком виде антикоррупционный мониторинг не может использоваться для организации и обеспечения эффективной борьбы с коррупционной преступностью в России.

2. Решению долговременных задач по повышению эффективности антикоррупционной политики в России наилучшим образом отвечает создание научно-обоснованной национальной системы антикоррупционного мониторинга, которая выявляет и устанавливает закономерности, коррупционной преступности и состояние реагирования на ее проявления. Проведенный анализ состояния дел в сфере борьбы с коррупцией в современной России, позволяет сделать вывод, о том, что отсутствие национальной системы антикоррупционного мониторинга опосредованно отражается на проблемах латентности коррупционной преступности.

3. Антикоррупционный мониторинг в криминологическом аспекте предлагается рассматривать как деятельность по систематическому сбору, обработке и анализу информации о состоянии и продуцирующих факторах коррупционной преступности (не ограничи-

вающейся только совокупностью преступлений, предусмотренных ст.ст. 201, 204, 285, 289, 290, 291 УК РФ), а также реагирование на них, с использованием конкретно-социологических методов. Основное предназначение результатов антикоррупционного мониторинга заключается в возможности их использования для оптимизации правоприменения профилактических и уголовно-правовых антикоррупционных мер в их взаимосвязи, а также для выработки организационно-политических и законодательных решений, направленных на обеспечение государственной политики противодействия коррупции.

4. Апробированный антикоррупционный мониторинг в криминологическом содержании на региональном уровне позволяет считать, что рейтинговая система для оценки состояния борьбы с коррупцией в разных регионах государства, не может применяться в условиях неодинаковой характеристики коррупционной преступности, обусловленной различным уровнем социального и экономического развития, правовой ментальностью населения, а также правоохранительным обеспечением.

5. Современные формы уголовной и судебной статистики, которыми оперируют при характеристиках коррупционной преступности в Российской Федерации, в силу несовершенства структуры показателей, не являются в полной мере репрезентативными для целей антикоррупционного мониторинга и не позволяют обеспечивать органы государственной власти, ответственные за реализацию антикоррупционной политики, объективной информацией. Решение этой проблемы связано, прежде всего, с законодательным определением перечня коррупционных преступлений, а также их отражением в показателях уголовной и судебной статистики по критериям занимаемой должности лиц, совершивших эти преступления и сфере их деятельности. Эти данные позволяют отражать закономерности подверженности коррупционным проявлениям различных сфер правоотношений.

6. Антикоррупционный мониторинг в криминологическом аспекте выполняет прогностические функции относительно установления закономерностей и будущего состояния коррупционной преступности и борьбы с ней. В настоящее время отмечается тенденция последовательного отхода от эффективного применения уголовно-правовых антикоррупционных мер, что отражается в превалировании мер наказания не связанных с лишением свободы к виновным, совершившим коррупционные преступления. Декриминализация антикоррупционной политики негативно отражается на качестве профилактики коррупционных правонарушений.

7. Должное уголовно-правовое обеспечение реагирования на коррупционную преступность связано с унификацией соразмерности уголовного наказания степени общественной опасности коррупционных преступлений в судебной практике.

В этом контексте в рамках настоящего исследования предпринята попытка разработки концепции форми-

вания и реализации антикоррупционной политики в наиболее значимых и перспективных для ее развития криминологических аспектах. Не будет преувеличением сказать, что предпринятое исследование в концентри-

рованном виде отражает основные проблемы, которые, несомненно, мешают формированию и развитию современной антикоррупционной политики в многоаспектном ее содержании.

Литература:

1. Астанин, В. В. Антикоррупционный мониторинг в Российской Федерации: цели, задачи и содержание // Российская юстиция. 2010. № 7. — с. 32–36.

Институциональное обеспечение национальной системы антикоррупционного мониторинга

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Российская Федерация, участвуя в механизмах оценки исполнения требований международных антикоррупционных конвенций, уже предоставляла в соответствующие международные контролирующие инстанции результаты мониторинга о состоянии законодательства и правоприменения в сфере противодействия коррупции.

Можно прогнозировать, что ближайшие десятилетия в связи с участием нашей страны в основополагающих международных антикоррупционных конвенциях информационно-аналитическая работа, связанная с периодическим предоставлением такой информации будет актуализироваться. Причем наибольший интерес будет представлять аналитическая информация, содержание которой можно отнести к разряду криминологически значимой. Так, ответы на вопросы о характеристиках и причинном комплексе коррупционной преступности, закономерностях ее проявлений, а также изменений в конкретных пространственно-временных условиях, уже в настоящее время становится предметом внимания экспертов в области развития глобальной системы антикоррупционной безопасности. Представляется, что отмечаемые сведения, которые, безусловно, можно отнести к продукту криминологических исследований, представляют первейший интерес для обеспечения национальной безопасности государства. Значение таких исследований трудно переоценить по ряду причин.

Во-первых, такая информация позволяет осуществлять и развивать на качественном уровне профилактическую деятельность субъектов, участвующих в противодействии криминальным и околокриминальным формам проявлений коррупции. В результате, достигаются цели прогнозирования неблагоприятных закономерностей развития детерминации коррупционной преступности.

Во-вторых, успешное познание закономерностей коррупционных проявлений и совершенствование дел

в сфере борьбы с ними, как показывает анализ зарубежной и международной практики в этой области, происходит в контексте учета множественности факторов: социально-экономических, культурных, духовных, политических, межэтнических, правовых, правоохранных, ментальных. Их совокупность образует определенно сложная среда в контексте изучения процессов детерминации коррупционной преступности, которая анализируется и оценивается не в статике, а в динамике длящихся исследований. При этом отличительной особенностью такого исследования выступает его прикладная направленность — на разработку мер борьбы с коррупционной преступностью и устранения; причин и условий, способствующих ее легитимации, латентности или развитию.

Такая не просто аналитическая деятельность, а систематизированная, делящаяся, и непрерывающаяся работа, нацелена на получение не разового информационного продукта для составления итогового информационного документа, в котором изложены сведения необходимые для обеспечения унифицированных подходов в мире по борьбе с коррупцией, а для внутреннего потребления в разном субъектном выражении — будь то руководители социально-политических процессов, законодатели или рядовые правоприменители, включая представителей гражданского общества [1, с.499].

Требуемые организация и качество такой работы, связаны с созданием наднациональном уровне системы, позволяющей на постоянной основе вырабатывать меры совершенствования (а равно, корректировки и координации) государственной антикоррупционной политики, в том числе в связи с анализом коррупционных проявлений в их взаимосвязи с другими криминальными угрозами (терроризмом, организованной преступностью, киберпреступностью, незаконной миграцией, наркопреступностью, торговлей людьми).

Говоря о криминологической политике, необходимо отметить что практически криминолог всегда оказывается в положении критика, указывающего обществу на его социальные язвы и просчеты в социальном управлении, но без его рекомендаций нельзя устранить то отрицательное, что стоит за преступностью и нередко просматривается только при взгляде на общество «через преступность». Реакция органов власти на результаты изучения коррупционной преступности, всегда будет болезненной, поскольку в коррупционные деяния оказываются напрямую вовлечены представители властных структур. Такие результаты могут свидетельствовать не только об общих недостатках в организации борьбы с преступностью, но и конкретных просчетах в системе управления на государственной и муниципальной службе, а также в кадровой политике.

Следует, однако, различать криминологическую политику и политическую криминологию, являющуюся, по оценке ряда авторитетных юристов, самостоятельной отраслью криминологической науки. Рядом исследователей предлагалось даже обозначать частную криминологическую теорию, исследующей «закономерности и взаимосвязи преступности и политики». П. А. Кабанов, например, предлагает рассматривать российскую политическую криминологию как «отрасль криминологических знаний... криминологическую теорию, изучающую закономерности существования преступности в политической сфере жизни общества, ее причины, личностные характеристики тех, кто совершает преступления в этой сфере, их жертв, а также меры по ее предупреждению»». [2, с.137]. По мнению Д. А. Шестакова, предмет политической криминологии объединяет исследование следующих взаимосвязанных проблем: политической преступности, которая складывается из воспроизводства преступлений, как самого государства (преступной политики), так и против государства и его конституционного строя, влияния тоталитарной политики на общеуголовную преступность, криминологическую политику, использования темы преступности в политических целях [3, с.202].

Характерно, что в российской истории XVIII — XIX вв. можно найти если не определение антикоррупционной политики, то, по крайней мере, описание мер, необходимых для эффективной борьбы с данным явлением на государственном уровне.

Актуальность задачи создания национальной системы антикоррупционного мониторинга опосредованно обусловлена требованиями нормативно-правового характера. В частности, в Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг., отмечается необходимость создания системы мониторинга, который может стать действенным инструментом обеспечения контроля за выполнением мероприятий, предусмотренных на время действия планируемых мероприятий.

В нынешних условиях выполнение этой задачи могло бы быть реализовано путем создания в России комплексной национальной системы антикоррупционного кримино-

логического мониторинга. В настоящем исследовании предложено определение понятия «антикоррупционный криминологический мониторинг», которое может быть использовано в качестве основы для формирования такой комплексной системы. Модельная апробация такой системы в контексте использования криминологических методик анализа и оценки состояния коррупционной преступности и мер борьбы с ее проявлениями, произведенная в данной работе, позволяет отмечать преимущества и ценность полученных результатов в контексте предлагаемой системы. [4, с.52]

В настоящее время, в условиях повышенного политического внимания к проблемам борьбы с коррупцией, точность, объективность и достоверность исходных данных, на которых основываются выводы о состоянии коррупции в России и принимаются решения о мерах, направленных на противодействие этому явлению, вызывает определенные сомнения. Большинство проведенных в последние годы исследований состояния коррупции в Российской Федерации носят в основном фрагментарный и локальный характер и вряд ли могут рассматриваться в качестве основы для комплексного антикоррупционного мониторинга на национальном уровне [5, с.113].

Исключая необходимость глубокого анализа содержания таких исследований, необходимо признать, что преимущественно, они страдают не только методологическими, но и общими недостатками, крайними проявлениями которых являются: желание отметиться в «модной» теме, «подыграть» региональным или местным властям или, напротив, «продемонстрировать нежелание тех или иных властей вести системную борьбу с коррупцией».

На этом фоне комплексные научно-обоснованные исследования проблем коррупционной преступности в Российской Федерации, опирающиеся на точные статистические показатели и репрезентативные данные специализированных социологических опросов, являются редкими, либо не имеют длежащего характера.

Как представляется, для целей формирования институциональных элементов построения антикоррупционного криминологического мониторинга, необходимо определить начальное состояние предмета исследования. В нашем случае это означает, что формирование национальной системы антикоррупционного мониторинга должно опираться на результаты проведения комплексного криминологического исследования коррупционной преступности и состояния мер по борьбе с ней на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Результаты такого исследования должны выразиться в получении криминологически значимых данных, позволяющих представить комплексную картину состояния реагирования правоохранительных органов на коррупционную преступность. Полученные данные послужат обоснованием необходимости разработки рекомендаций для применения антикоррупционного мониторинга в государственной политике противодействия преступности.

Антикоррупционный мониторинг в криминологическом значении выполняет прогностические функции относительно установления закономерностей и будущего состояния коррупционной преступности и борьбы с ней. В настоящее время отмечается тенденция последовательного отхода от уголовно-правовых антикоррупционных мер, выраженная в элементах декриминализации уголовных наказаний применительно к исследованным коррупционным преступлениям

Организационно-правовые международные обоснования таких исследовательских начал можно обнаружить в соответствующих конвенционных требованиях.

С учетом отмечаемых положений, антикоррупционный мониторинг можно рассматривать как одну из ключевых государственных задач, с решением на долгосрочную перспективу.

Предпосылки, указывающие на необходимость формирования на национальном уровне системы антикоррупционного мониторинга, содержатся и в утвержденном этим же Указом Президента РФ Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 гг. В частности, в п. «в» разд. 2 документа Правительству Российской Федерации поручается «организовать проведение социологических исследований среди всех социальных слоев населения в различных регионах страны, которые позволили бы оценить уровень коррупции

в Российской Федерации и эффективность принимаемых антикоррупционных мер». Наряду с этим, в отмечаемом нормативно-правовом документе содержатся задачи анализа работы органов государственной власти по противодействию коррупции в региональном контексте.

Иными словами, речь должна идти о качественно ином подходе к работе на данном направлении, переходе от решения факультативных, разовых и локальных задач, ориентированных на сиюминутные потребности, к построению комплексной системы с соответствующей организационной структурой, нацеленной на решение долгосрочных стратегических проблем. Такая система мониторинга обязана обеспечивать политическое руководство государства надежной, опирающейся на научную методологию и понятные критерии, информацией, необходимой для проверки эффективности предпринимаемых антикоррупционных мер и выработки соответствующих решений.

Реальную эффективность механизма антикоррупционного мониторинга трудно прогнозировать, поскольку процессы анализа и оценки коррупционной преступности фрагментарны. При этом опираться только на инструменты международного антикоррупционного мониторинга представляется нецелесобразным в силу рисков его политики, что неизбежно отражается на объективности оценок.

Литература:

1. Бочарова, А. Э. Коррупция в России // Молодой ученый. 2014. № 21. — с. 499.
2. Кабанов, П. А. Российская политическая криминология как отрасль криминологического знания: понятие, сущность, проблемы, перспективы // Сибирский юридический вестник. 2013. № 2. — с. 137.
3. Шестаков, Д. А. Криминология как свойство общества. — СПб.: Приор, 2011. — с. 202.
4. Астанин, В. В. Противодействие коррупции и предупреждение коррупционных рисков в профессиональной деятельности служащих органов государственной власти. — М.: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2009. — с. 52.
5. Астанин, В. В. Антикоррупционная политика России: криминологические аспекты. — М.: Юнити, 2009. — с. 113.

Существенные условия договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ

Галкин Алексей Юрьевич, старший преподаватель
Ростовский институт защиты предпринимателя

В последнее время «вопросы, связанные с научно-исследовательской и инновационной деятельностью являются весьма актуальными, что обусловлено стремлением нашего государства выйти на инновационный путь развития» [1, с. 13] экономики.

В этой связи, «актуализируется роль договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-кон-

структорских и технологических работ» [2, с. 236–237] (далее — НИОК и ТР).

Данные «договоры выступают одним из основных «инструментов» по оформлению гражданских правоотношений, направленных на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» [3, с. 8].

Настоящая статья посвящена существенным условиям договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ.

В первую очередь определимся, что представляют собой существенные условия договора. Для этого обратимся к общим положениям о договоре.

Согласно ст. 432 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (далее — ГК РФ) [4], договор считается заключенным, если между сторонами, в требуемой в подлежащих случаях форме, достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Из содержания норм данной статьи следует, что существенными условиями договора являются условия необходимые для заключения договора.

Для определения существенных условий договоров на выполнение НИОК и ТР в первую очередь обратимся к нормам уже упомянутой ст. 432 ГК РФ.

Согласно указанной статье, существенными являются:

- 1) условия о предмете договора;
- 2) условия:
  - которые названы в законе как существенные,
  - которые названы в иных правовых актах как существенные,
  - необходимые для договоров данного вида;
- 3) условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Отмеченное можно проиллюстрировать следующей схемой:

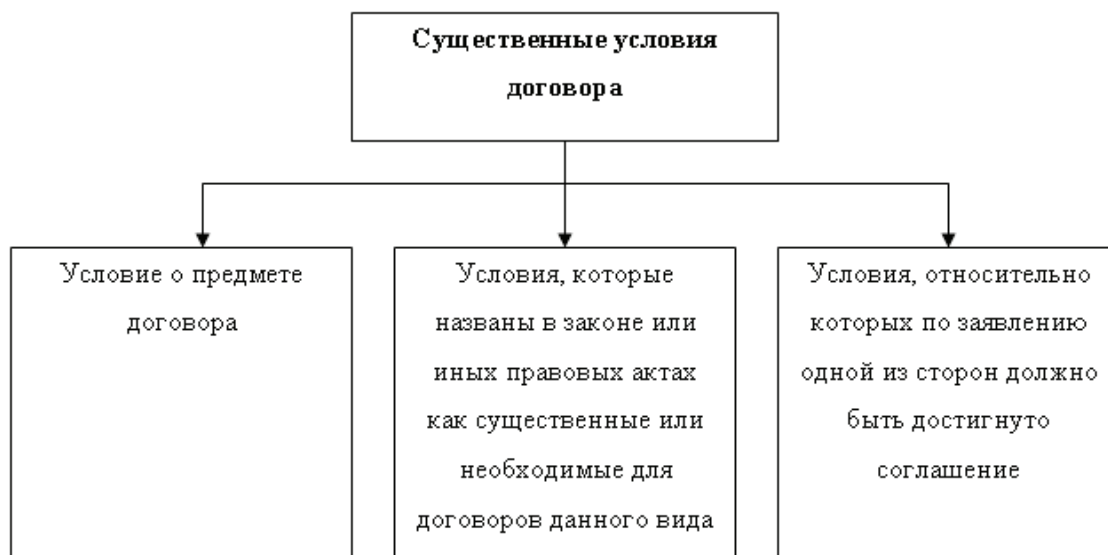

Рис. 1. Существенные условия договора

Рассмотрим каждую из указанных групп существенных условий применительно к договорам на выполнение НИОК и ТР.

Как уже было отмечено выше, «предмет договора, независимо от того какой договор заключают стороны, является его существенным условием» [5, с. 52].

Вопрос о предмете договоров на выполнение НИОК и ТР является дискуссионным. Это «объясняется в том числе и тем, что как в ГК РФ, так и в научной литературе нет единого понимания существа условия о предмете договора» [6, с. 112].

По мнению ряда авторов, предметом рассматриваемых договоров являются сами работы [7]. По мнению других, предметом данных договоров выступает результат работ [8, с. 423]. Другие авторы считают, что предметом договоров на выполнение НИР является непосредственно сама работа, а предметом договоров на выполнение ОКР — результат работы [9].

Здесь следует отметить, что «нормы ст. 769 ГК РФ и нормы ст. 773 и 774 ГК РФ входят в противоречие.

В первом случае речь идет о работе, а во втором о результатах работ» [10, с. 53].

В связи с тем, что «рассматриваемые договоры направлены на выполнение работ, представляется, что предметом данных договоров является результат работ. Именно в результате работ заинтересован заказчик» [11, с. 29].

В тексте договоров на выполнение НИОК и ТР указывается какая работа (результат работ) выполняется по договору. Здесь также делается ссылка на техническое задание. Техническое задание оформляется приложением к договору. При этом в тексте договора указывается, что техническое является неотъемлемой частью договора.

Теперь обратимся к специальным нормам о договорах на выполнение НИОК и ТР, предусмотренными гл. 38 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (далее — ГК РФ) [12].

Глава 38 ГК РФ содержит отсылочные нормы к нормам гл. 37 ГК РФ — «Подряд».

В соответствии со ст. 778 ГК РФ к срокам выполнения НИОК и ТР применяются правила ст. 708 ГК

РФ — «Сроки выполнения работы» (§ 1 гл. 37 ГК РФ — «Общие положения о подряде»).

Согласно ст. 708 ГК РФ, в договорах на выполнение НИОК и ТР указываются начальный и конечный сроки выполнения работы. По согласованию между сторонами в договоре могут быть предусмотрены также сроки завершения отдельных этапов работы (промежуточные сроки).

Исходя из этого, «срок выполнения работ по договорам на выполнение НИОК и ТР является существенным условием рассматриваемых договоров» [13, с. 906].

Как уже было отмечено выше, в соответствии со ст. 432 ГК РФ, к существенным условиям договора также относятся условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Здесь имеются ввиду условия, не относимые законом или иными правовыми актами к существенным, о которых стороны достигли соглашения.

В юридической литературе ряд авторов, в частности И. В. Закржевская, к существенным условиям рассматриваемых договоров относят также техническое задание [14, с. 96].

В отношении этого, отметим следующее.

Во-первых, не следует отделять техническое задание, как отдельное условие, от предмета договора.

Во-вторых, представляется, что техническое задание олицетворяет предмет рассматриваемых договоров, детально его конкретизируя.

Таким образом, техническое задание по договорам на выполнение НИОК и ТР является содержанием предмета договора. А предмет договора, согласно ст. 432 ГК РФ, является существенным условием для любого договора.

Исходя из этого, определение предмета договоров на выполнение НИОК и ТР при их заключении, должно осуществляться наличием в тексте договора указания работу (результат работ), которая выполняется по договору и наличием технического задания, в котором детально конкретизируется работы и их результат.

Подводя итог, можно прийти к выводу, что существенными условиями договоров на выполнение НИОК и ТР являются:

- предмет договоров (наличие в тексте договора указания работу (результат работ) и наличие технического задания),
- срок выполнения работ по договорам (начальный и конечный сроки выполнения работ),
- другие условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Отмеченное можно проиллюстрировать следующей схемой:

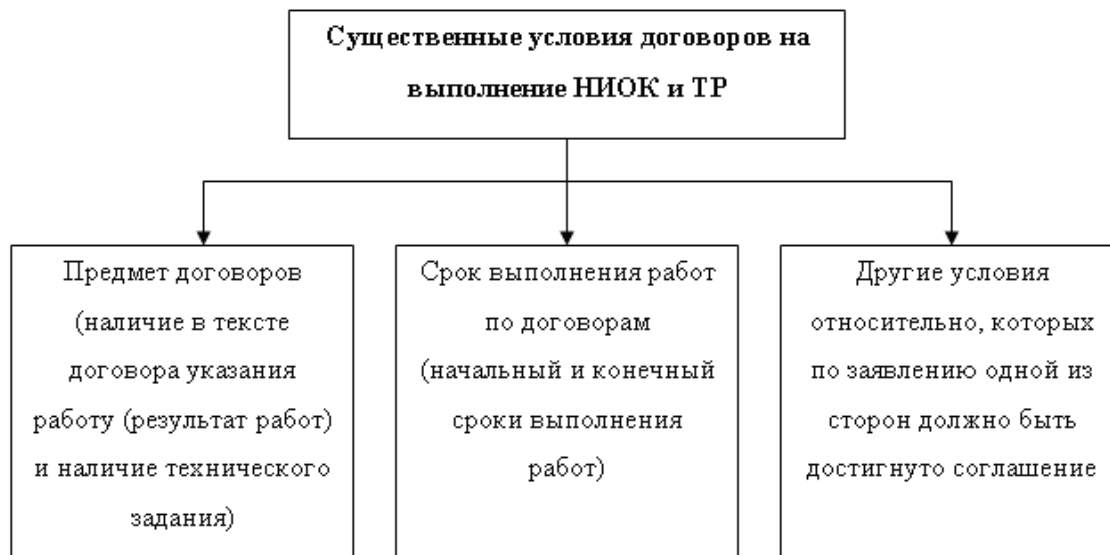

Рис. 2. Существенные условия договоров на выполнение НИОК и ТР

Литература:

1. Галкин, А. Ю. Права и обязанности сторон по договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 11 (54). с. 13–15.
2. Галкин, А. Ю. Особенности предмета договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Креативность образовательной и предпринимательской деятельности / Материалы международного форума «Проблемы улучшения восприимчивости экономики инноваци-

- онных преобразований» г. Ростов-на-Дону 23–27 апреля 2012 г. / Под ред. Паршина А. В., Харченко В. Н., Голуб Л. В. — Ростов н/Д.: Изд-во АкадемЛит, 2012. с. 236–242.
3. Галкин, А. Ю. Элементы договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2011. № 10 (53). с. 8–9.
  4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
  5. Галкин, А. Ю. Предмет договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. № 2 (13). 2012. с. 52–55.
  6. Закржевская, И. В. К вопросу о предмете договоров на выполнение НИОКР // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2008. № 3. с. 112–115.
  7. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. Текст, комментарии, алфавитно-предметный указатель / Под ред. О. М. Козырь, А. Л. Маковского, С. А. Хохлова. — М., 1996. // СПС КонсультантПлюс.
  8. Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 2. — 4-е изд., перераб. и доп. / Е. Ю. Валявина, И. В. Елисеев [и др.]; отв. ред. А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой. — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 848 с.
  9. Гришаев, С. П. Патентное право (комментарий законодательства) // СПС КонсультантПлюс. 2008.
  10. Галкин, А. Ю. Предмет договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. № 2 (13). 2012. с. 52–55.
  11. Галкин, А. Ю. Договоры на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Юристь-Правоведь. № 5 (48). 2011. с. 28–32.
  12. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ // СЗ РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
  13. Галкин, А. Ю. Срок как элемент договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ // Молодой ученый. 2015. № 10 (90). с. 906–908.
  14. Закржевская, И. В. Является ли техническое задание существенным условием договоров на выполнение НИОКР? // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». Вып. 11. № 18. 2007. с. 94–97.

Классификация уголовно-правового бездействия

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Классификация является общепринятым и часто используемым методом познания сущности явления. Методологически верно произведенная классификация с четко заданными критериями может способствовать более глубокому исследованию отдельных аспектов проблемы. В науке уголовного права и других отраслях правовых знаний существует значительное количество классификаций бездействия. Некоторые из них носят вспомогательный, функциональный характер и производятся для решения конкретных научных задач. Другие имеют развернутый характер и производятся с целью демонстрации многоаспектного исследуемого явления. Наибольшее научное значение имеют классификации, касающиеся непосредственно самой сущности бездействия, отражающие его специфику и являющиеся основанием для решения многих теоретических и практических вопросов. Именно в контексте данных классификаций наиболее часто разворачиваются дискуссии, поскольку именно в них требуется достижение теоретического единства. Общепринятой является классификация без-

действия на «чистое» и «смешанное», однако теоретический консенсус в данном случае отсутствует. Поэтому именно эта классификация будет подвергнута более тщательному анализу.

Исследователи часто приводят развернутые классификации, стремясь отразить все многообразие возможных проявлений бездействия. Такого рода классификацию бездействия можно представить в таком виде: 1) по сферам жизни общества и государства (международно-правовые и внутригосударственные); 2) по сложности внешнего проявления (единичный акт или система актов невыполнения обязанности); 3) по характеру (несовершение дозволенных, запрещенных или предписанных действий); 4) по правовым последствиям (влекущее меры юридической ответственности или меры защиты); 5) по степени осознания и др.

С. А. Капитанская производит схожую классификацию в отношении правомерного бездействия: 1) по субъекту (индивидуальное и коллективное); 2) по наиболее типичным мотивам (основанное на осознанном отношении

к исполнению обязанностей, основанное на чувстве страха перед наказанием, эгоистичных интересах, социальном протесте и т.д.); 3) по степени общественной значимости (социально полезное или допустимое) и т.д. [1, с.10]

Ю. В. Истомина выделяет следующие критерии классификации бездействия (в отношении государственных служащих): 1) по способу совершения (халатность, попустительство, злоупотребление, покровительство, воспрепятствование, уклонение, сокрытие и др.); 3) в зависимости от волевого источника возникновения (вынужденное и совершенное по собственному усмотрению); 4) по объему (полное и частичное) и др. [2, с.183]

В рамках настоящего исследования, конечно же, наибольший интерес представляют уголовно-правовые классификации.

Так, например, Дж. Флетчер называет следующие формы бездействия: 1) несовершение конкретного действия; 2) банальное бездействие, когда от лиги требуется простое исполнение текущих обязанностей, которое не связывается с действием внешних, враждебных сил. Его соавтор А. В. Наумов предлагает свою классификацию: 1) «бездействие — причинение»; 2) «бездействие, не являющееся причинением, а проявляющееся обычно в оставлении другого лица в опасности или в неоказании необходимой для его спасения помощи»; 3) нарушение специфических обязанностей, возложенных на определенных граждан [3, с.140].

Наиболее детального анализа требует классификация бездействия на «чистое» и «смешанное». В науке уголовного права сложилась ситуация, когда, оперируя одной и той же терминологией, авторы предлагают различные варианты классификации. Следует произвести оговорку, что речь идет именно о «смешанном» бездействии, а не о смешанной форме поведения, когда преступление в одинаковой степени может быть совершено как в форме действия, так и в форме бездействия.

Если в отношении «чистого» бездействия наблюдается сравнительное единодушие авторов (речь идет об ответственности непосредственно за сам факт преступного бездействия), то касательно «смешанного» бездействия мнения авторов существенно разнятся. Впрочем, имеются основания выразить несогласие и с общепринятой трактовкой «чистого» бездействия. «Чистое» бездействие в науке уголовного права принято трактовать как бездействие, не связанное с наступлением общественно опасных последствий. Наиболее распространенной и давней градацией, нужно признать деление бездействия на чистое и смешанное. Первый вид, именуемый еще и упущением (*delictum omissionis*), исчерпывается самим фактом бездействия и не связан с какими-либо последствиями. Другую группу преступлений, совершенных путем бездействия, называют смешанным бездействием (*delictum omissionis per delictum omissionem*), например, мать не кормит своего ребенка, который в результате этого погибает от голода.

В качестве оптимального критерия классификации бездействия на «чистое» и «смешанное» должно при-

знаваться наличие или отсутствие элементов активности в бездействующем поведении.

Можно выделить две разновидности «смешанного» бездействия: 1) непредотвращение вреда, причиняемого внешними силами, возникшими самостоятельно, независимо от виновного; 2) непредотвращение вреда, причиняемого внешними силами, возникшими в результате предшествующих невинных действий данного лица. Особого внимания заслуживает второй вид бездействия, который достаточно близко стоит к тому, что автор исследования склонен называть «смешанным» бездействием.

Помимо выделения «смешанного» бездействия как бездействия с последствиями, полагаем, что в этом качестве следует признавать также случаи, когда виновный совершает действия, позволяющие ему создать видимость правомерности бездействия (например, военнообязанный, с целью уклониться от призыва, причиняет себе повреждение).

«Смешанное бездействие» имеет место, когда лицо выполняет лишь часть возложенных на него правовых обязанностей, а другую часть либо не выполняет вовсе, либо выполняет не до конца и ненадлежащим образом. Например, мать, хотя и кормит своего ребенка, но явно недостаточно; врач, придя по вызову к больному, оказал ему первую помощь, но не принял мер к госпитализации. Также можно выделить уголовно-правовое бездействие, при котором субъект, уклоняясь от возложенных на него правовых обязанностей, совершает определенные активные действия. Однако он не связывает эти случаи с понятием «смешанного» бездействия.

Представленных вариантов вполне достаточно, чтобы составить представление о теоретической разногласии в трактовке «смешанного» бездействия. Какой же из приведенных вариантов можно признать верным? Формы активности, усматриваемые авторами в бездействующем поведении, существенно отличаются друг от друга. По мнению автора, «смешанное» бездействие должно образовывать случаи присоединения такого вида активности, который дает основание говорить об одновременном существовании двух форм поведения в одном противоправном поступке. Такое «смешивание» имеет место только в трактовке В. Б. Малинина. Что же касается других вариантов включения элементов активности в пассивное поведение, то здесь налицо только одна форма поведения — бездействие. Сопутствующая ему активность образует не что иное, как специфические способы бездействия. Действие здесь не имеет самостоятельного уголовно-правового значения. И действие, и бездействие совершаются как бы одновременно — они неотделимы друг от друга. Субъективная же виновность направлена только на одно из них — бездействие.

Таким образом, исходя из критерия наличия или отсутствия в пассивном поведении элементов активности, можно предложить следующую классификацию: 1) «чистое» бездействие, образующееся исключительно из пассивного поведения, независимо от факта наступления

общественно опасных последствий; 2) «бездействие с элементами активного поведения»: а) ненадлежащее исполнение обязанностей; б) использование активного способа при совершении посягательства в форме бездействия (преимущественно в уклонениях); 3) «смешанное» бездействие (где одновременно имеют место и действие, и бездействие как самостоятельные формы поведения, однако, при решающей роли бездействия).

Отдельного внимания заслуживает неоднозначная трактовка уголовно-правового понятия «ненадлежащее действие». Автор считает, что этот вопрос должен решаться исходя из формы вины по отношению к содеянному. Так, если врач, оказав больному первую неотложную помощь, не предпринял мер для его дальнейшей госпитализации, несмотря на необходимость таковой, то налицо бездействие врача. Выполнив лишь часть действий по оказанию помощи, врач, тем не менее, не исполнил свою обязанность в полном объеме. Здесь категория «ненадлежащее действие» проявляется как способ бездействия. Но если тот же врач применил, в силу своей неопытности, невнимательности или других субъективных факторов, неподходящие к клиническому случаю медицинские препараты, чем причинил вред здоровью больного, то в данном случае мы имеем дело с поведением в форме действия. Соответственно, вопрос о выделении третьей формы поведения не имеет под собой ни теоретических, ни практических оснований.

Определенный научный интерес представляет классификация бездействия в зависимости от внешних форм его проявления. Данный вопрос практически не под-

вергнут теоретическому анализу в науке уголовного права. По мнению автора, целесообразно выделить три формы внешнего проявления преступного бездействия: 1) бездействие-неисполнение, заключающееся в простом невыполнении субъектом возложенной на него юридической обязанности. В данном случае опасность причинения вреда уголовно-правовому объекту содержится в самом невыполнении обязанности, а не связана с воздействием внешних факторов (сюда можно отнести все виды уклонений); 2) бездействие — невмешательство, связанное с неисполнением обязанности по пресечению опасности причинения вреда, возникшей помимо виновного субъекта (неоказание помощи больному), либо по причине его предшествующих действий (частный случай оставления в опасном состоянии); 3) бездействие-попустительство, которое представляет собой частную разновидность невмешательства, но ввиду специфики внешнего обстоятельства, подлежащего пресечению (преступное поведение другого лица), подлежит выделению в качестве самостоятельной формы преступного бездействия.

Заслуживает внимания также и классификация бездействия в зависимости от вида пассивного поведения, указанного в уголовном законодательстве. Так, общими специфическими особенностями обладают такие виды преступного бездействия, как уклонение, отказ от исполнения обязанности, оставление в опасном состоянии. Исследователям необходимо учитывать особенности проявления того или иного вида бездействия в целях единообразной трактовки соответствующих преступных деяний.

Литература:

1. Капитанская, С. А. Правомерное бездействие как форма правового поведения. — Казань: Изд-во Казанского гос.ун-та, 2005. — 123с.
2. Истомина, Ю. В. Бездействие государственных служащих: административно-правовое содержание и способы преодоления противоправности // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 1. — с. 183–185.
3. Дж. Флетчер, Л. В. Наумов Основные концепции современного уголовного права. — М.: Юрист, 1998. — 349с.

Уголовно-правовая категория «бездействие»: историко-правовой анализ

Ганаева Есита Эминовна, кандидат юридических наук, доцент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Регламентация ответственности за различные виды бездействия имеет достаточно длительную историю, представляет собой восхождение от казуистических норм к нормам более высокого, абстрактного характера. В рамках настоящего исследования интерес представляет историко-правовой анализ отдельных видов бездействия (недонесение, попустительство, «должностное бездействие»).

В общей совокупности исторических норм о бездействии наиболее многочисленными являются нормы, регламентирующие ответственность за недонесение о преступлении. Первая казуистическая норма о недонесении содержится в ст. 53 Устава князя Ярослава — несообщение женой мужу о ставшем ей известном готовящемся посягательстве на жизнь монарха, а также о готовящемся убийстве мужа, что рассматривалось как основание для

развода. В соответствии с нормами Соборного Уложения 1649 г. было наказуемо недонесение родственниками виновного об его измене государству [1].

«Артикул воинский», изданный Петром I 26 апреля 1715 г., существенно расширил криминализацию норм о недонесении. Наказуемым признавалось недонесение о посягательстве на царя (артикул 19), провокации бунта и возмущения (артикул 136), хищении имущества (артикул 194). В эпоху действия Артикула (а также других нормативных актов эпохи Петра I) фактически наказуемыми были практически все случаи недонесения о преступлениях против казенных интересов, а также о фактах богохуления, распространено было и донесение о недонесении» [2]. Чрезмерная криминализация недонесения породила страсть к доносам, и, как следствие, послужила причиной негативной оценки многих российских исследователей той исторической эпохи. Впрочем, дальнейшее развитие российского законодательства демонстрирует более «дозированную» криминализацию недонесения [3].

В соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, наказуемы были случаи недонесения об актах публичного богохуления (пункт 184), об актах оскорбления в адрес государя и его семьи (пункт 269), о распространении печатных изданий оскорбительного свойства, публичном оскорблении изображений государя и его семьи, о тайных обществах и запрещенных сходбищах, о подделке монет и т.д. «. Особого внимания заслуживает норма ст. 133 Уложения, в соответствии с которой недонесение о достоверно известной невиновности лица, обвиненного в преступлении, признавалось отягчающим обстоятельством [4]. Интересен тот факт, что ответственность за недонесение о готовящемся преступлении, согласно Уложению 1845 г., была предусмотрена строже, нежели ответственность за недонесение о преступлении, уже совершенном.

По Уложению 1903 г. ответственность за недонесение предусматривалась в случаях достоверно известного подготавливаемого или совершенного тяжкого преступления, если была возможность его предупреждения или пресечения. Отдельно предусматривалось наказание за недонесение о тяжких преступлениях против верховной власти, императора, членов императорского дома, о государственной измене, а также об участниках данных преступлений. Ответственность за недонесение со стороны должностных лиц предусматривалась в главе о служебных злоупотреблениях (ст. 643–644) [5]. Введенные в 1904 году ст. ст. 163, 164 Уложения привнесли существенные изменения в регламентацию ответственности за недонесение. Во-первых, термин «недонесение» был заменен термином «неизвещение», а во-вторых, предполагалась обязанность извещения не только компетентным органам, но и лицу, которому грозила опасность. В-третьих, устанавливалась ответственность за недонесение о преступнике [6].

В советской законодательной практике ответственность за недонесение оформилась в УК РСФСР 1922 г. и ограничивалась достоверно известными готовящимися

или совершенными контрреволюционными преступлениями (ст. 89). В УК РСФСР 1926 г. наказуемость недонесения была установлена уже в отношении 16 статей Особенной части уголовного законодательства (все контрреволюционные преступления, фальшивомонетничество, бандитизм).

Сфера ответственности за недонесение в советском уголовном законодательстве постепенно расширялась. Количество преступлений, за недонесение о подготовке или совершении которых устанавливалась уголовная ответственность, в УК РСФСР 1960 г. постепенно достигло 34 составов.

Первые казуистические нормы о попустительстве сохранились уже в пространной редакции Русской Правды (ответственность лиц, упустивших беглого холопа). Ст. ст. 59–65 Соборного Уложения, наряду с укрывательством и недонесением, упоминают попустительство разбойникам [7]. Ст. 16 Соборного Уложения содержит норму, предусматривающую уголовную ответственность и смертную казнь за неоказание зависимыми людьми и слугами помощи госпоже в случае покушения на ее жизнь, здоровье, честь, а также за недостаточную активность или даже пособничество. Вообще же в Соборном Уложении попустительство, как правило, объединялось в одно понятие с недонесением и укрывательством [8].

«Артикул воинский» 1715 г. (арт. 142) устанавливал уголовную ответственность за бездействие лица, ставшего свидетелем учинившейся драки, если им не были предприняты попытки к примирению дерущихся [9]. Ст. 16 Уложения 1845 г. определяла, что попустителями являются как лица, заведомо допустившие совершение преступления, так и те, кто, зная об умышленном преступлении и имея возможность довести о том до сведения правительства или угрожаемого лица, не исполнили этой обязанности. Регламентировались также и специальные случаи попустительства (непринятие мер для воспрепятствования отступлению от православия со стороны родственников, невоспрепятствование дерзким поступкам или словам в отношении императорской семьи) [10].

Первое упоминание термина «попустительство» в законодательстве советского периода встречается в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года. УК РСФСР 1922 года ввел ответственность за оставление без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии и лишенного возможности к самосохранению по малолетству, дряхлости или вследствие иного беспомощного состояния (ст. 163), и за не сообщение надлежащим учреждениям об указанном положении лица (ст. 164). УК РСФСР 1926 г. продолжил традицию УК РСФСР 1922 года. Ст. 156 данного закона содержала состав оставления без помощи лица, находящегося в опасном для жизни состоянии, если виновный был обязан о нем заботиться. УК РСФСР 1960 года уже иначе решил данный вопрос, установив в ч. 1 ст. 127 ответственность за оставление в опасности со стороны

общих субъектов, а в ч. 2 ст. 127 — со стороны специально обязанных лиц. [11]

Памятники российского уголовного права содержат значительное количество норм, регламентирующих ответственность за различные виды бездействия должностных лиц, в том числе и за должностное попустительство. Нормы о должностном бездействии можно встретить и в обычном праве казахов, а также в документах, разработанных в период нахождения Казахстана под протекторатом России. Одно из первых нормативных упоминаний о бездействии должностных лиц мы встречаем в ст. 8 Губной Белозерской грамоты 1539 г., устанавливающей ответственность губных глав и других избранных людей за неисполнение ими своих обязанностей и попустительство разбойникам [12].

Развернутая регламентация должностного бездействия была произведена в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года. В п. 368 Уложения содержалось первое определение бездействия власти в истории российского законодательства, под которым понималось неупотребление чиновником или иным, должностным лицом в надлежащее время всех указанных или дозволенных законом средств, коими он имел возможность, предупредить или остановить какое-либо злоупотребление или беспорядок, и чрез то предохранить государство, общество или вверенную ему часть от ущерба или вреда. Уложение 1845 года содержало также нормы, регламентирующие ответственность за должностное попустительство. В частности, п. 436 предусматривал ответственность начальника, знавшего о намерении подчиненного совершить преступление и не предотвратившего его по беспечности или слабости. П. 437 устанавливал ответственность за бездействие начальника по факту совершенного подчиненным преступления (начальник должен был либо сам подвергнуть подчиненного надлежащему взысканию, либо донести о нарушении высшему начальству). Отдельными нормами регламентировалась ответственность за бездействие должностных лиц различных родов службы (служащих казначейства, лиц, осуществляющих следствие по уголовному делу и т.д.).

Нормы о должностном бездействии и попустительстве получили дальнейшее развитие в Уложении 1903 года.

Литература:

1. Российское законодательство X—XX в.в. Т. 1 /Под ред. О.И. Чистякова. — М.: Юридическая литература, 1984. — с. 192.
2. Лапунин, М. М. Уголовная ответственность за недоносительство: история и современность. — Саратов: Са-теллит, 2006. — с. 357.
3. Пономаренко, Е. В. Некоторые теоретические и законодательные проблемы прикосновенности к преступлению по уголовному праву Российской Федерации. — М.: СИАС, 2007. — с. 18.
4. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. — СПб.: ЮЦ Пресс, 2006. — с. 238.
5. Ковалев, М. И. Об ответственности за укрывательство и недоносительство //Советское государство и право. 1957. № 2. — с. 104.
6. Мишунин, П. Институт прикосновенности к преступлению в советском уголовном праве //Социалистическая законность. 1956. № 11. — с. 7.

Для привлечения к уголовной ответственности за попустительство требовалось наличие следующих обстоятельств: 1) наличие специальной обязанности служащего по предупреждению и пресечению преступлений; 2) «заведомая наличность доказательств существования замышляемых или предпринятых тяжкого преступления или преступления»; 3) реальное совершение поущенного преступления. В Уложении 1903 г. была сконструирована и специальная норма об ответственности за должностное попустительство в сфере правосудия и пенитенциарных учреждений.

Советский период развития уголовного законодательства в отношении ответственности за различные виды бездействия должностных лиц является весьма противоречивым. Регламентация и реализация ответственности за попустительство преступлениям со стороны должностных лиц приобрела масштабный характер. Согласно декрету СНК РСФСР «О борьбе с дезертирством», утвержденному ВЦИК РСФСР 2 февраля 1921 г., ответственность должностных лиц, попустительствовавших дезертирству рассматривалась военными трибуналами. В практике советского законодательства имели место случаи, когда факты попустительства наказывались наравне с поущенным преступлением.

В частности, согласно декрету ВЦИК и СНК РСФСР «Об изменении текста ст. 114 УК» от 3 сентября 1922 года, в УК РСФСР 1922 г. была включена ст. 114-а, согласно которой непринятие мер по противодействию взяточничеству стало караться наравне с самим взяточничеством. Дополнениям в плане ответственности за должностное попустительство подвергался и УК РСФСР 1926 г. Дальнейшая регламентация должностного бездействия в УК РСФСР 1960 г. демонстрирует принципиальный отход от предшествовавших нормативных установок. УК РСФСР 1960 г. не содержал специальной нормы (норм), регламентирующей ответственность за должностное бездействие (в том числе и попустительство) [13].

Таким образом, можно констатировать, что большинство существовавших исторических норм о различных видах бездействия не имеют аналогов в действующем уголовном законодательстве России.

7. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Т. 1. — М.: Юристъ, 1994. — с. 198.
8. Сергиевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. — СПб.: Печатное Дело, 1910. — с. 70.
9. Фойницкий, И. Учение о наказании. — СПб.: Печатное Дело, 1889. — с. 104.
10. Бышевский, Ю. В., Марцев А. И. Наказание и его назначение. — Омск: Сибирь, 1975. — с. 9.
11. Осипов, П. И. Теоретические основы построения и применения уголовно-правовой санкции. — Госюриздат, 1976. — с. 68.
12. Мицкевич, А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. — с. 25.

Деятельность Организации Объединенных Наций в сфере экологической защиты и ее развития

Гасанова Венера Сахрабовна, студент
Астраханский государственный университет

В статье рассматривается роль деятельности ООН и ее специализированных учреждений в формировании механизмов защиты окружающей среды на международном уровне.

Ключевые слова: ООН, ЮНЕП, защита окружающей среды, изменение климата.

ООН — международная организация, созданная для поддержания международного мира и безопасности, развития сотрудничества между государствами. Впервые в истории человечества Устав ООН закрепил обязанность государств соблюдать и уважать основные права и свободы человека. Первая же строка преамбулы Устава закрепляет: «Мы, народы объединенных наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе, и вновь утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и в равенство прав больших и малых наций» [1]. ООН проводит конференции и форумы, где обсуждаются и исследуются многие международные проблемы в современном мире, такие как экономика, международная безопасность, здравоохранение, экология, образование и другие.

Очевидно, что тема экологии в наших современных реалиях очень актуальна. Ведь кроме угроз политического, экономического, социального характера существуют и экологические угрозы, которые тоже затрагивают права и свободы всех людей. Хотя в положениях Устава ООН не указывается обязанность защиты окружающей среды и его постоянного развития, но в преамбуле Устава говорится, что ООН будет «содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе». Наряду с этим, в статье 1 части 3 Устава ООН закрепляется одна из основных целей ООН: «Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем экономического, социального, культурного и гуманитарного характера и в поощрении и развитии уважения к правам человека

и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии» [1].

На своей 23-й сессии Генеральная Ассамблея приняла резолюцию 2398 (XXIII) от 3 декабря 1968 года, где постановила созвать конференцию Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, отметив «продолжающееся и все более быстрое ухудшение качеств окружающей человека среды» и его «влияние на условия жизни человека, его физическое, психическое и социальное благосостояние, его достоинства и пользование им основными правами человека как в развивающихся, так и в развитых странах», увязывая таким образом Устав с появляющимися экологическим проблемам [2].

Конференция Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, проведенная в Стокгольме с 5 до 16 июня 1972 года, рекомендовала создание Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП), являющейся ведущей программой системы ООН по экологическим вопросам. После Конференции официально была создана Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), функции и организационную структуру которой определила Генеральная Ассамблея в своей резолюции 2997 (XXVII) от 15 декабря 1972 года [3]:

а) осуществления содействия международному сотрудничеству в области окружающей среды и предоставление, по мере необходимости, рекомендаций относительно проводимой с этой целью политики;

б) осуществление общего стратегического руководства деятельностью в интересах целенаправленной реализации и координации программ в области окружающей среды в рамках системы Организации Объединенных Наций;

с) получение и проведение обзоров периодических докладов Директора исполнителя ЮНЕП об осуществлении программ в области окружающей среды в рамках системы Организации Объединенных Наций;

д) постоянное проведение обзоров состояния окружающей среды в мире, с тем чтобы возникающие экологические проблемы, которые имеют важное международное значение, соответствующим и надлежащим образом рассматривались правительствами;

е) содействие расширению роли соответствующих международных научных и других профессиональных сообществ в накоплении и оценке знаний и информации в области окружающей среды и в обмене ими и, в случае необходимости, в развитии технических аспектов разработки и осуществления программ в области окружающей среды в рамках системы Организации Объединенных Наций.

На девятнадцатой сессии в феврале 1997 года Совет управляющих ЮНЕП принял решением 19/1 Найробийскую декларацию, в которой роль ЮНЕП была заново определена следующим образом: «Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде должна выполнять роль ведущего глобального природоохранного органа, определяющего глобальную экологическую повестку дня, содействующего согласованному осуществлению экологического компонента устойчивого развития в рамках системы Организации Объединенных Наций и являющегося авторитетным защитником интересов глобальной окружающей среды» [4].

Приоритетные направления работы ЮНЕП включают следующие области, которые учитываются в ее оперативных задачах и подпрограммах: изменение климата; бедствия и конфликты; управление экосистемами; экологическое руководство; химические вещества и отходы; ресурсоэффективность; регулярные обзоры состояния окружающей среды.

ЮНЕП участвует во многих программах как защита океанов и морей, защита от загрязнений промышленных отходов, горнодобывающих работ, сельскохозяйственной деятельности, эффективное использование природных ресурсов, созданию более чистых и экологически рациональных технологий, ликвидации озоноразрушающих средств и их замена на другие более безопасные вещества. В течение многих лет ЮНЕП выступала в роли катализатора переговоров по другим международным соглашениям, образующим основу усилий ООН по прекращению нанесения вреда планете.

Деятельность ООН в целом направлена на «изменение мира к лучшему» [5]. Общеизвестно, что наиболее обсуждаемой глобальной проблемой является изменение климата. ООН нацелена дать научную оценку этой проблемы, ее последствия на окружающую среду, содействовать на решение этой проблемы и предупреждение новых. В 2007 году 5 июня ООН дала окончательный ответ, что существует глобальная проблема как изменение климата, что это реальный факт и что страны должны объединиться для ее разрешения. В октябре 2007 года на заседании Коорди-

национного совета руководителей системы ООН (КСР), исполнительные главы учреждений системы ООН, фондов и программ взяли обязательства по переориентации деятельности своих соответствующих организаций в направлении экологической нейтральности, и разработали Стратегию экологической нейтральности ООН. В частности, они обязались: произвести оценку выбросов парниковых газов организаций системы ООН в соответствии с принятыми международными стандартами; принять меры по сокращению выбросов парниковых газов; проанализировать финансовые последствия и изучить бюджетные условия приобретения углеродных квот с тем, чтобы в конечном итоге достичь экологической нейтральности.

В связи с проведением в скором времени в Париже 21-й Конференции сторон Рамочной Конвенции ООН об изменении климата, свои национальные планы действий по климату представили уже 147 стран, на которые приходится более 85% мировых выбросов парниковых газов (такие страны как Россия, США, Мексика, страны ЕС и другие). На конференции в Париже должен быть подписан документ, который затронет неправительственные организации, региональные структуры, профсоюзы, предприятия. Это соглашение преследует две цели: сокращение на 2°C климатического потепления; ограничение выброса парниковых газов к 2020 году, с целью их прогрессивного сокращения и достижения отрицательного показателя к концу XXI века. В своем интервью Руководитель Программы ООН по окружающей среде Ахим Штайнер объявил, что «вне зависимости о каком аспекте защиты окружающей среды идет речь — об изменении климата, предотвращении загрязнения воздуха или сохранении биоразнообразия — мы в ЮНЕП считаем важным учитывать то, что необходима увязка экономических выгод с сохранением окружающей среды. При переходе к зеленой экономике экономические блага будут стимулировать сохранение окружающей среды. При решении проблемы изменения климата важно не только устранять негативные факторы, но и заниматься развитием определенных областей, как, например, энергоэффективность, низкоуглеродная экономика, возобновляемые источники энергии. При переходе на зеленую экономику создаются дополнительные рабочие места, увеличивается конкурентоспособность предприятий, появляются дополнительные сектора в экономике и развиваются технологии» [6].

Другой проблемой, выявленной в 2005 году по оценке экосистем, стала проблема засушливых районов и пустынь. По мере изменения климата все больше районов будут опустыниваться, что приведет к различным формам деградации земель и к большей бедности населения. Генеральная Ассамблея ООН провозгласила период с 1 января 2010 года по декабрь 2020 года Десятилетием ООН, посвященным пустыням и борьбе с опустыниванием, с целью проведения мероприятий и кампаний по охране засушливых земель. Ответственными за реализацию данной проблемы стали Департамент общественной информации (ДОИ), Международный фонд сельскохозяйственного развития (МФСР),

Конвенция Организации Объединенных Наций по борьбе с опустыниванием в тех странах, которые испытывают серьезную засуху и/или опустынивание, особенно в Африке (КООНБО), Программа развития ООН (ПРООН) и Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП).

В своей деятельности по защите и развитию экологии ООН затрагивает множества вопросов, такие как поиск глобального решения изменения климата, помощь странам в преодолении последствий изменения климата (глобальный экологический фонд финансирует экологические проекты в развивающихся странах), охрана окружающей среды, защита озонового слоя (совместно с деятельностью Всемирной метеорологической организацией определяет масштаб ущерба, причиненного озоновому слою Земли, для поэтапного отказа от химических веществ и защиты людей от онкологических заболеваний),

обеспечение населения питьевой водой (кампания «Вода для жизни» с 2005—2015 года предусматривает сократить вдвое долю населения, не имеющего доступа к безопасной питьевой воде), содействие экологической стабильности и регламентации использования ресурсов Мирового Океана (осуществляется мониторинг за глобальным рыболовством и учет запасов рыб).

Как видно из вышесказанного деятельность ООН в сфере экологии имеет первостепенное значение для прав и свобод всех людей на земле. Так как экологические проблемы давно вышли за границы национальных проблем и приобрели глобальный масштаб, их решение представляет большую важность для мирового сообщества. В нынешних условиях ролью мирового сотрудничества является исследование предмета темы и разработки рациональных способов и средств его разрешения.

Литература:

1. Устав Организации Объединенных Наций, принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. — М., 1956. с. 14—47.
2. Резолюция ГА ООН «Проблемы окружающей среды человека» № 2398 (XXIII) от 3 декабря 1968 г. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.un.org/ru/documents/ods.asp?m=A/RES/2398> (XXIII)
3. Резолюция ГА ООН «Организационные и финансовые мероприятия по международному сотрудничеству в области окружающей среды» № 2997 (XXVII) от 17 декабря 1972 г. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/273/21/IMG/NR027321.pdf?OpenElement>
4. Найробийская декларация «О роли и мандате Программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде», 7 февраля 1997 г. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.unepcom.ru/unep/basedocs/nairobi-decl.html>
5. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года [Электронный ресурс] Режим доступа http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
6. Глава ЮНЕП ждет от России смелых шагов в области экологии/ Радио ООН [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/190873/#.VjYBZ9LhBh0>

Публичные слушания по вопросу изменения вида разрешенного использования земельного участка

Гринь Елена Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент;
Горбань Петр Андреевич, студент
Кубанский государственный аграрный университет (г. Краснодар)

В настоящей статье рассматривается процедура публичных слушаний, как одна из важнейших форм непосредственной демократии; отмечаются ее недостатки, предлагаются изменения связанные с данной процедурой, которые могут существенно повлиять на реализацию конституционно-правовых гарантий прав граждан.

Ключевые слова: земельный участок, разрешенный вид использования, условно разрешенный вид использования, публичные слушания, порядок проведения публичных слушаний.

Вид разрешенного использования земельного участка, как правовая конструкция появилась сравнительно недавно. В Земельном кодексе РСФСР от 25 апреля

1991 г., равно как и в законодательстве имевшемся ранее, использовалась лишь правовая конструкция «целевое назначение земельного участка». [1]

По мнению законодателя того периода, этого было достаточно для надлежащего регулирования земельных отношений. Однако, изменение общественно-экономической составляющей государства, произошедшее в начале девяностых годов прошлого века, дали юридическую возможность рассматривать землю как объект гражданского оборота. Соответственно, это привело к усложнению правового регулирования земельных отношений. Возникла необходимость в конкретизации целевого назначения земельного участка устанавливаемого для целой категории земель, для отдельных субкатегорий земель и земельных участков. [2] Это и было сделано посредством нормативного закрепления правовой конструкции «разрешенное использование земельного участка».

Вид разрешенного использования земельного участка как правовая конструкция закреплена, главным образом в п. 2 ст. 7 Земельного Кодекса РФ. [3] В соответствии с данной статьей правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к той или иной категории и разрешенного использования. Данная норма соответствует одному из принципов земельного законодательства, закреплённому в подп. 8 п. 1 ст. 1 ЗК РФ о делении земель по целевому назначению, «согласно которому правовой режим земель определяется исходя из их принадлежности к определенной категории и разрешенного использования в соответствии с зонированием территорий и требованиями законодательства».

Кроме того в соответствии со ст. 37 Градостроительного Кодекса РФ [4] разрешенное использование земельных участков и объектов капитального строительства может быть следующих видов:

- 1) основные виды разрешенного использования;
- 2) условно разрешенные виды использования;
- 3) вспомогательные виды разрешенного использования, допустимые только в качестве дополнительных по отношению к основным видам разрешенного использования и условно разрешенным видам использования и осуществляемые совместно с ними.

Указанным нормативным правовым актом устанавливается, что порядок изменения вида разрешенного использования земельных участков определяется правилами землепользования и застройки, принимаемыми на местном уровне.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что вопросы предоставления разрешений на условно разрешенный вид использования земельных участков и объектов капитального строительства, а так же проекты правил землепользования и застройки в соответствии с п. 3 ч. 3 ст. 28 Федерального Закона от 06.10.2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в обязательном порядке должны проходить процедуру публичных слушаний [5]

Обязательность такой процедуры, чрезвычайно важна в связи с тем, что публичные слушания являются одной

из форм непосредственной демократии, значение данного института крайне важно для развития муниципальных образований. Публичные слушания необходимы для того, чтобы выявить весь спектр мнений по обсуждаемому вопросу, учесть точку зрения общественности при принятии решений, выявить возможные конфликтные ситуации и попытаться предотвратить их.

Вместе с тем, конституционно-правовой смысл современного института публичных слушаний применительно к регулированию муниципальных правоотношений выявлен в Определении Конституционного Суда от 8 декабря 2011 г. N 1808-О-О [6], указавшего, что публичные слушания относятся к мерам, призванным обеспечивать реализацию гарантий права гражданина на местное самоуправление. Относительно публичных слушаний в градостроительной деятельности Конституционным Судом в Определении от 15 июля 2010 г. N 931-О-О [7] указано, что публичные слушания представляют публично-правовой институт, призванный обеспечить открытое, независимое и свободное обсуждение общественно значимых проблем (вопросов), имеющих существенное значение для граждан, проживающих на территории соответствующего публичного образования. Публичные слушания, указывает Конституционный Суд, не являются формой осуществления власти населением. Тем не менее, они предоставляют каждому, кого может затронуть предполагаемое решение, правомочие на принятие которого принадлежит компетентным органам и должностным лицам, возможность участвовать в его обсуждении. Конечная цель такого обсуждения — выработка рекомендаций по общественно значимым вопросам либо получение общественной оценки правового акта.

Таким образом, не смотря на то что, по мнению ряда исследователей, институт публичных слушаний понимается форма непосредственной демократии, на практике, он является всего лишь, неким индикатором общественного мнения жителей конкретного муниципального образования, которое при принятии решения могут, как принять во внимание, так и не учесть, но при должном соблюдении порядка проведения публичных слушаний рассматриваемому вопросу, мнение граждан, в той или иной мере, не может быть не учтено.

На сегодняшний день нередки случаи, когда решение об изменении вида разрешенного использования земельного участка на условно разрешенный, принимается с нарушением порядка проведения публичных слушаний, граждане чьи интересы могут быть напрямую затронуты, должным образом не извещаются, а в некоторых случаях порядок извещения имеет формальный характер, сообщение о публичных слушаниях публикуются далеко не на первых полосах газет, мелким шрифтом, таким образом что бы заинтересованные в рассматриваемом вопросе граждане, попросту не заметили его. В подобных случаях публичные слушания «проводятся» в кабинетах администраций муниципальных образований, без участия общественности но с участием муниципальных служащих и лиц, заинтере-

сованных в изменении вида разрешенного использования земельного участка.

Подобная практика применения норм положений о публичных слушаниях иллюстрирует ряд недостатков существующих в механизме проведения публичных слушаний. В частности анализ положения о порядке организации и проведения публичных слушаний в муниципальном образовании город Краснодар показывает следующее.

В п. 2.3 указывается, что извещение о проведении публичных слушаний по вопросу о включении земельного участка в границу населенного пункта либо об исключении земельного участка из границы населенного пункта и об установлении или об изменении вида разрешенного использования земельного участка подлежит опубликованию в порядке, установленном для официального опубликования муниципальных правовых актов, иной официальной информации, и размещается на официальном Интернет-портале администрации муниципального образования город Краснодар и городской Думы Краснодара. [8]

Полагаем что, подобный порядок извещения граждан, возможно, совершенствовать, а именно извещать более широкий круг лиц, чьи интересы принятием, внесением изменений в нормативно правовые акты могут быть затронуты. В частности предлагаем извещать посредством почтовой связи:

- лиц, заинтересованным в предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования земельных участков и объектов капитального строительства;
- правообладателей земельных участков, имеющих общую границу с земельными участками, на которые запрошено предоставление разрешения на условно разрешенный вид использования земельного участка и объекта капитального строительства, а также правообладателям (собственникам) объектов недвижимого имущества, расположенных на указанных земельных участках;
- лица, заинтересованным в получении разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства;

– правообладателей земельных участков, имеющих общую границу с земельными участками, на которых расположены объекты строительства, реконструкции объектов капитального строительства, требующие предоставление разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства, реконструкции объектов капитального строительства, а также правообладателям (собственникам) объектов недвижимого имущества, расположенных на указанных земельных участках;

– лицам, заинтересованным в установлении или изменении вида разрешенного использования земельного участка;

– правообладателям земельных участков, имеющих общую границу с земельными участками, на которые запрошено установление или изменение вида разрешенного использования земельного участка, а также правообладателям (собственникам) объектов недвижимого имущества, расположенных на указанных земельных участках.

Кроме того, полагаем возможным обязательное участие в публичных слушаниях депутатов, как местных представительных органов власти, так и представительных органов власти субъекта, а также представителей территориального общественного самоуправления, информация о назначении публичных слушаний со ссылкой на официальные источники её опубликования может, направляться так же, депутатам местного представительного органа власти и в органы территориального общественного самоуправления. Полагаем что, привлечение к публичным слушаниям вышеуказанных лиц позволит сделать, данную процедуру более прозрачной, позволит максимально широко изучить мнение граждан по выносимому на слушания вопросу, а так же не позволит муниципальным чиновникам превращать подобную процедуру в формальность, существующую исключительно на бумаге. Ведь не смотря на то, что результаты публичных слушаний носят рекомендательный характер, при определенном общественно-политическом резонансе, итоговое принятие обсуждаемого нормативно-правового акта весьма затруднительно без учета участников слушаний.

Литература:

1. Земельный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 25.04.1991 N 1103–1) (ред. от 24.12.1993) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 30.05.1991. N 22. ст. 768.
2. Гринь, Е. А., Ивашкова П. М. Перевод земель и земельных участков из одной категории в другую: проблемы правового регулирования // В сборнике: 21 век: фундаментальная наука и технологии Материалы V Международной научно-практической конференции. 2014. с. 267–270.
3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 13.07.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 29.10.2001. N 44. ст. 4147.
4. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. N 1 (часть 1). ст. 16.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.09.2015) // Собрание законодательства РФ. 06.10.2003. N 40. ст. 3822.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 08.12.2011 N 1808-О-О «По жалобе гражданина Родионова Николая Александровича на нарушение его конституционных прав положениями части 6 статьи 2, части 2.1 статьи 3, статьи 13 Закона Ставропольского края // СПС-Консультант плюс.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 N 931-О-О «По жалобе гражданки Андроновой Ольги Олеговны на нарушение ее конституционных прав положениями статей 39 и 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации, статьи 13 Закона Санкт-Петербурга «О градостроительной деятельности в Санкт-Петербурге», статей 7 и 8 Закона Санкт-Петербурга «О порядке организации и проведения публичных слушаний и информирования // Вестник Конституционного Суда РФ. N 2. 2011.
8. Решение городской Думы Краснодара от 22.03.2007 N 21 п.1 (ред. от 23.05.2013) «Об утверждении Положения о порядке организации и проведения публичных слушаний в муниципальном образовании город Краснодар»// Краснодарские известия. N 53. 05.04.2007.

К вопросу о реформировании Организации Объединенных Наций

Гюлджян Гайк Геворгович, студент;
Тюренкова Ксения Александровна, кандидат политических наук, доцент
Астраханский государственный университет

*В статье рассматриваются современные дискуссии о реформировании ООН в начале XXI в.
Ключевые слова: ООН, Устав ООН, реформирование, Совет безопасности ООН.*

«Мы, народы Объединенных Наций, преисполненные решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе...» [1]. С этих слов начинается Устав Организации Объединенных Наций — структуры, создание которой называют одним из главных итогов Второй мировой войны.

Сегодня международное право иногда принято называть «правом ООН». В 1945 году, после пережитых потрясений, страданий, лишений, преступлений против человечности Второй мировой войны международное сообщество выработало принципиально новую концепцию международного права — концепцию, согласно которой должны существовать нормы и принципы, имеющие надгосударственный универсальный характер. Для ее реализации в 1945 была создана принципиально новая организация — Организация Объединенных Наций.

ООН является одной из важнейших международных организаций, ознаменовавшей новую эру в отношениях между государствами. Созданная непосредственно после Второй мировой войны ввиду необходимости развития международных отношений в русле поддержания мировой безопасности и формирования условий для дальнейшего общеправового прогресса в каждом отдельно взятом государстве-члене, ООН заложила основы современных международных отношений — закрепила ряд основных принципов международного права, сохраняющих свою незыблемость на протяжении многих десятилетий.

Деятельность Организации носит масштабный характер, так как круг вопросов, который находится в ее ведении, необычайно велик и затрагивает все мировое сообщество в целом. В течение последующих семидесяти лет

Организации Объединенных Наций удалось не допустить перехода «холодной войны» в мировую, и, пусть не всегда эффективно, но, в итоге, сдерживать эскалацию насилия и распространение разных видов наступательных вооружений на планете. Однако, несмотря на те достижения, которые были реализованы за годы существования ООН, ее основы были заложены в прошлом веке, что, несомненно, влияет на деятельность Организации в аспекте современных международных отношений. На рубеже тысячелетий человечество вступило в период серьезных перемен, отмеченный появлением новых вызовов: ростом количества участников международных отношений, появлением глобальных проблем, опасностей и угроз, в том числе невоенного характера (международный терроризм, энергетические и экологические проблемы, распространение оружия массового поражения, рост числа этнополитических конфликтов, незаконная миграция, продовольственный кризис, проблема пресной воды и др.) [2]. ООН также изменилась с момента своего основания: почти в четыре раза увеличилось число ее государств-членов, расширился круг рассматриваемых политических, экономических и других вопросов в области международных отношений. Необходимость дальнейшей успешной работы в области прав и свобод человека, установления приоритета права, а также возникновение новых угроз и проблем, характерных для нового этапа в отношениях между государствами, диктуют особую важность постоянного реформирования ООН.

Стоит отметить, что вопрос о реформировании ООН встал практически сразу с момента создания организации, когда среди политиков, юристов-международников начались разговоры о необходимости реформы ООН и Со-

вета Безопасности, как одного из наиболее значимых ее органов. Основными предметами дискуссии о реформе стали: процедура принятия решений, включающая в себя «право вето», перспектива превращения ООН в «мировое правительство» как основного участника международных отношений. Однако целенаправленный процесс реформирования начался только в 1997 году с доклада Генерального секретаря «Обновление Организации Объединенных Наций: программа реформы». В первой части доклада содержится тематический обзор основных элементов реформы, а во второй части — более подробное описание всего комплекса мер по реформе, в том числе конкретные предложения и рекомендации.

Наиболее острый характер дискуссия об изменении контуров ООН приняла после принятия Декларации тысячелетия 8 сентября 2000 г., призвавшей активизировать усилия по проведению всеобъемлющей реформы Организации. Векторы развития, заданные в «Декларации тысячелетия ООН» нашли свое продолжение в докладе Генерального секретаря ООН 2004 г. «Укрепление Организации Объединенных Наций: программа дальнейших преобразований» [3] и создании Группы высокого уровня для подготовки доклада по угрозам, вызовам и переменам. В последующие годы проблема интенсификации реформирования ООН поднималась постоянно.

Реформа Организации Объединенных Наций, как и любая другая реформа, представляет собой процесс законодательных преобразований, не затрагивающих функциональных основ, необходимый для адаптации к новым реалиям. На протяжении всего существования Организации ее члены осознавали необходимость своевременных внутренних структурных и функциональных изменений. Обращаясь к истории реформирования ООН, необходимо отметить, что каждый шаг на пути к совершенствованию Организации предпринимался с учетом происходящих изменений в мировом сообществе, которые сами по себе обуславливали необходимость развития ООН для возможности своевременного реагирования на текущие события.

Так, Резолюцией Генеральной Ассамблеи от 17 декабря 1963 года A/RES/1991 [4] увеличилось количество непостоянных членов Совета Безопасности из-за роста количества стран-членов ООН, а в соответствии с Уставом ООН Советом Безопасности учреждались международные суды и трибуналы (МТБЮ) для преследования лиц, совершивших военные преступления. Реформированию также подвергся Экономический и Социальный Совет, количество членов которого изменялось дважды. Также в 2006 году был учрежден Совет по правам человека ООН из-за неспособности продолжения выполнения своих функций Комиссией по правам человека при ЭКОСОС. Реформы были предприняты и в сфере миротворческой деятельности, в ходе которых увеличилось количество предпринятых операций, расширились функции миротворцев, а сами миротворческие силы пополнили ряды специалистами различных сфер деятельности.

Для дальнейшей организации бесперебойной работы ООН необходимо решить ряд вопросов, непосредственно касающихся ее деятельности. Реформы в первую очередь должны затронуть такие ее аспекты, как роль бюрократии, время реагирования органов на проблемы и эффективность их работы. Основную ответственность за поддержание мировой безопасности несет Совет Безопасности, поэтому реформа в обязательном порядке должна затронуть его структуру и состав, так как действующие положения не соответствуют современным реалиям и затрудняют своевременное предотвращение и регулирование конфликтов. Необходимо увеличить количество постоянных ее членов, предоставив такое членство развитым промышленным странам (Германия, Япония), а также наиболее развитым странам в зависимости от географического положения: по одному представителю от государств Восточной Европы, Африки, Латинской Америки. Это позволит осуществлять поддержание постоянного международного порядка представителями всего мирового сообщества и в большей степени решит проблему финансирования дорогостоящих операций по установлению безопасности. А для уменьшения времени принятия решений и роста эффективности Совета Безопасности, необходимо лишить права вето всех ее членов, так как оно замедляет процесс принятия важных решений, которые могут наносить вред интересам члена, но направлены на прекращение нарушения прав человека.

Более того, членам Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) и участникам Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), необходимо продолжить работу в области распространения ядерного оружия. Реформа также должна коснуться деятельности МАГАТЭ для повышения эффективности использования атомной энергетики в мирных целях и нераспространения ядерного оружия. Для этого важно провести меры по обеспечению взаимодействия МАГАТЭ с национальными структурами, которые способствовали бы исключению возможности создания, размещения и использования ядерного оружия.

Кроме того, видится необходимой проведение реформы в области миротворческой деятельности Организации в целях увеличения ее силового потенциала, качества проведения операций и эффективности применения превентивных и реабилитационных мер. Для реализации таких целей необходимо увеличение финансирования миротворческой деятельности и формирование миротворческого контингента, локализация которого зависела бы от расположения «горячих точек».

Всем странам-участницам следует отнестись к проблеме реформирования ООН со всей ответственностью и серьезностью, так как ее разрешение составит основу дальнейшей деятельности Организации, а также предопределил условия взаимодействия всех государств мирового сообщества. Таким образом, проведение реформ — первоочередная задача ООН на пути достижения поставленных целей.

В заключение необходимо отметить следующее.

Как показывает опыт, альтернативы ООН как международного института по обеспечению безопасности в современных условиях не существует. ООН выступает уникальной площадкой для координации действий международного сообщества, поддержания мира и безопасности, Сегодня ООН — уникальная международная организация с самым большим количеством государств-членов и обладающая универсальной международной легитимностью. По сути, уже при ее создании в основу ООН был заложен принцип управления многополярной системой. Сейчас при наличии доброй воли ключевых игроков открываются перспективы для раскрытия ооновского потенциала в интересах формирования эффективных механизмов управления полицентричной архитектурой.

Несмотря на радикальные перемены в мире, ООН за семь десятилетий убедительно доказала свою востребованность, в том числе как платформа для продвижения в мировых делах ценностей равноправного партнерства,

уверенно утвердилась в качестве действенного инструмента урегулирования региональных конфликтов, реагирования на глобальные вызовы, включая терроризм, организованную преступность, наркоугрозу.

Очевидно, что критика в адрес ООН была и будет всегда. По-другому не может быть в столь разноликом мире. Но Организация за 70 лет существования доказала свою способность меняться вместе с трансформацией международной системы.

На наш взгляд, итогом реформирования ООН должно стать создание принципиально новой модели синхронизации между региональными системами коллективной безопасности и универсальной системой коллективной безопасности в лице реформированного Совета Безопасности, которая бы отвечала современным угрозам, отображала существующее многообразие международных систем, моделей и институтов регионального уровня, сохраняя при этом полицентрический характер СБ ООН — главного координационного органа, защищающего принципы Устава ООН и права человека.

Литература:

1. Устав Организации Объединенных Наций, принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945 // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XII. — М., 1956. с. 14–47
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций, Принята резолюцией 55/2 Генеральной Ассамблеи от 8 сентября 2000 года [Электронный ресурс] Режим доступа http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
3. Выступление Генерального секретаря на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи по докладу «Укрепление ООН: программа дальнейших преобразований», 30 октября 2002 года [Электронный ресурс] Режим доступа http://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2002/a57pv38.shtml
4. Резолюция ГА ООН «Вопрос о справедливом представительстве в Совете Безопасности и в Экономическом и Социальном Совете» № 1991 (XXIII) от 17 декабря 1963 г. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://access-dds-ny.un.org/doc/RESOLUTION/GEN/NR0/188/92/IMG/NR018892.pdf?OpenElement>

Полномочия суда по переквалификации в уголовном процессе

Долгополов Роман Геннадьевич, магистрант;
Мельников Игорь Сергеевич, магистрант
Южный федеральный университет

В статье исследуется вопрос возможности суда как участника уголовного судопроизводства осуществлять переквалификацию содеянного подсудимым, не выполняя при этом функцию уголовного преследования, присущую стороне обвинения. В статье дана оценка полномочиям суда по переквалификации преступления на более тяжкое с учетом Постановлений Конституционного суда РФ, а также дан анализ законопроекту, предложенному Следственным комитетом РФ об обязательности установления объективной истины по делу в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: *состязательность, судебное следствие, полномочия суда, переквалификация преступления, объективная истина.*

Суд, являясь участником уголовного судопроизводства, осуществляющим функцию отправления пра-

восудия, наделен УПК РФ определенными полномочиями. Функция осуществления правосудия заключается

в рассмотрении уголовного дела по существу и осуществлению судебного контроля. Для реализации их судом УПК РФ предусмотрен целый ряд определенных полномочий. Например, п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ позволяет возвращать уголовное дело прокурору для устранения препятствий его рассмотрения судом, если обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление составлены с нарушением требований УПК РФ, что исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения. Например, возвращение уголовного дела имеет место в случае передачи текста обвинительного заключения обвиняемым на электронном носителе, когда письменного отказа от получения копии в машинописном варианте со стороны обвиняемых представлено не было [4], утверждения обвинительного заключения ненадлежащим прокурором, так как это лишает данный процессуальный акт юридической силы и служит препятствием для последующего рассмотрения дела, исключает возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения [5], если в актах судебно-медицинских экспертиз перепутаны фамилии потерпевших, что повлекло за собой ошибочное определение причин смерти каждой потерпевшей [6]. Несмотря на наличие данной нормы с таким содержанием в тексте уголовно-процессуального закона нашей страны, указанный положения были предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который своим Постановлением от 02.07.2013 N 16-П, на наш взгляд, изменил (дополнил) полномочия суда, разрешив последнему возвращать уголовное дело прокурору для изменения объема обвинения на более тяжкое, что на первый взгляд противоречит принципам уголовно-процессуального права, так как ухудшает положение подсудимого при рассмотрении уголовного дела. Так как ст. ст. 49, 118, 120 Конституции РФ, а также отдельные статьи ФКЗ «О судебной системе РФ» дают право признать лицо виновным только определенным государственным органам, а судьи действуют только на основании Конституции РФ и федеральных законов, рассмотрение уголовных дел предполагает возможность судей как представителей судебной власти осуществлять свою деятельность самостоятельно, не зависимо от чьей-либо воли, руководствуясь только своим внутренним убеждением. Суд не должен способствовать стороне обвинения и иметь обвинительный уклон. При выборе нормы материального права, подлежащей применению в том или ином случае и вынесению окончательного решения, суд должен иметь право свободного выбора и соблюдать предусмотренную УПК РФ процедуру, гарантирующую реализацию процессуальных прав участников судопроизводства. Но в ситуации, когда суд придет к выводу, что органы предварительного расследования допустили ошибку или нарушение, и они являются препятствием для дальнейшего рассмотрения дела, при условии, что суд не может устранить данное нарушение самостоятельно, суд должен вернуть уголовное дело

прокурору. Данное требование является необходимым, так как ограничивает суд и не позволяет ему осуществить возложенную на него Конституцией Российской Федерации функцию осуществления правосудия,

Причем, необходимо отметить, что возвращая уголовное дело, суд не выполняет возложенную на сторону обвинения функцию, а только лишь указывает на ущемление прав участников уголовного судопроизводства, которые невозможно устранить в судебном заседании. Поэтому не может свидетельствовать о прямой или косвенной заинтересованности судьи в исходе дела направление материалов уголовного дела прокурору. Такие действия соответствуют принципам правосудия, предполагающих повсеместное следование процедуре уголовного преследования, что в свою очередь дает гарантию соблюдения прав участников уголовного процесса.

Если суд выявляет нарушения, которые были допущены органами предварительного расследования, то он имеет право самостоятельно принять меры, предусмотренные УПК РФ, для их устранения, руководствуясь целью восстановления нарушенных прав и создания условий для всестороннего и объективного рассмотрения дела по существу.

В случае возвращения материалов уголовного дела прокурору осуществляется приведение процедуры предварительного расследования в соответствие с требованиями УПК РФ, создание предпосылок для правильного применения норм УК РФ, что в дальнейшем обеспечивает возможность вновь направить дело в суд для рассмотрения по существу и принятия по нему решения. Данная процедура позволяет обеспечить гарантированные Конституцией РФ право обвиняемого на судебную защиту и право потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба (статьи 46 и 52), а также условия для вынесения судом правосудного, т.е. законного, обоснованного и справедливого, решения по делу, что неоднократно было отражено в Постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации от 4 марта 2003 года N 2-П, от 5 февраля 2007 года N 2-П, от 16 мая 2007 года N 6-П и от 21 апреля 2010 года N 10-П, Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2008 года N 1063-О-О и от 3 апреля 2012 года N 598-О).

Следует сказать, что ограничение суда в рамках уголовного судопроизводства самостоятельно решать вопрос о выборе нормы УК РФ, которую необходимо применить в случае несоответствия квалификации преступления обстоятельствам, указанным в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, в ситуации, когда имеются основания для предъявления обвинения в более тяжком преступлении, отсутствие возможности вернуть материалы уголовного дела прокурору для изменения обвинения является ограничением потерпевшего права на защиту от преступных действий, а также возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, что в итоге ведет к нарушению принципов состязательности и равно-

правия сторон, умалению чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством в лице судебных органов. Указанное практически лишает потерпевшего донести до суда свою позицию о доказанности обвинения, его объеме, применении уголовного закона и назначении наказания.

Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 N 16-П развивает уголовно-процессуальное законодательство в области полномочий не только суда, но и реализации прав потерпевшего, что, несомненно, является шагом вперед. Суд должен принимать активное участие в уголовном процессе для соблюдения регламентированной УПК РФ процедурой проведения судебного разбирательства, выяснения всех необходимых обстоятельств дела, собирания, проверки и оценки всех доказательств и вынесения справедливого, законного и обоснованного судебного решения. Необходимо дальнейшее реформирование уголовно-процессуального законодательства в области полномочий суда, поиск новых способов участия суда в процессе доказывания и их расширение, так как только суд является незаинтересованным лицом в уголовном процессе, что позволяет ему принимать взвешенные решения не только по итогам рассмотрения уголовного дела, но и в процессе его рассмотрения. На основании вышеуказанного Постановления Конституционного суда РФ в УПК РФ Федеральным законом от 21.07.2014 N 269-ФЗ «О внесении изменений в статьи 236 и 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» были внесены соответствующие изменения, закрепившие право суда возвращать уголовное дело прокурору в случае переквалификации действий обвиняемого как более тяжкого преступления без указания судом статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, по которой деяние подлежит новой квалификации, а также без выводов об оценке доказательств, о виновности обвиняемого, о совершении общественно опасного деяния лицом, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера.

Но уголовно-процессуальное законодательство не всегда дополняется эффективными и последовательными изменениями: СК РФ в марте 2012 г. подготовил проект

ФЗ «О внесении изменений в УПК РФ в связи с ведением института установления объективной истины по уголовному делу», в соответствии с которым суд, прокурор, руководитель следственного органа, следователь, орган дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель должны принять все предусмотренные УПК РФ меры к всестороннему полному и объективному выяснению обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. А суду предоставляется право по ходатайству сторон или по собственной инициативе восполнять неполноту доказательств в той мере, в какой это возможно в ходе судебного разбирательства, сохраняя при этом объективность и беспристрастность и не выступая на стороне обвинения или стороне защиты. То есть, вводится обязанность суда по доказыванию всех обстоятельств дела. Можно согласиться Ю. А. Ляховым как о последствиях внесения таких изменений — возвращение уголовного процесса во времена СССР, так и об их причинах — «... желание улучшить показатели работы комитета, переложив часть обязанностей следователей и государственных обвинителей на суды» [1].

Руководствуясь принципом состязательности в уголовном процессе, необходимо отметить, что суд должен проявлять активность, но данная активность не должна подменять деятельность сторон по представлению доказательств и восполнению в них пробелов. Судебная активность имеет цель проведение всестороннего и объективного судебного разбирательства и вынесения законного и справедливого решения. Только для реализации данных целей суд должен проявлять активность и поэтому проводить по собственной инициативе следственные действия. А восполнять, дополнять и осуществлять действия за ту или иную сторону в уголовном процессе суд не имеет право.

Таким образом, можно отметить, что развитие уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, а также его толкование Конституционным судом РФ носит положительный характер и направлено на расширение реализации прав участников уголовного процесса, а также полномочий суда на судебных стадиях, что, безусловно, повышает эффективность уголовного судопроизводства и возможность достижения положений, указанных в ст. 6 УПК РФ.

Литература:

1. Конституционный принцип состязательности уголовного судопроизводства и права личности Ляхов Ю. А. Юрист... — М.: Юрист, 2014, № 3. — с. 57—59;
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 N 16-П
3. Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский; под общ. ред. А. В. Смирнова. 6-е изд., перераб. 2015. 736 с.
4. П. 8 Обзора судебной практики ВС РФ за второй квартал 2011 г. от 28 сентября 2011 г.
5. П. 8 Обзора судебной практики ВС РФ за первый квартал 2011 г. от 1 июня 2011 г.
6. П. 10 Обзора судебной практики ВС РФ за четвертый квартал 2010 г. от 16 марта 2011 г.

Современное состояние институтов местного самоуправления: свежий взгляд на проблемы

Дунаева Наталья Сергеевна, студент
Московский государственный областной университет

Статья посвящена обзору основных проблем института местного самоуправления в различные периоды его становления и развития. Подчеркивается значимость муниципальной власти, обозначаются некоторые направления по оптимизации местной власти.

Ключевые слова: институт местного самоуправления, проблемы муниципальной власти, структура организации местной власти, гражданское участие, Царская Россия, Советская Россия.

Современное общество, претендуя на статус «демократического», просто невысказано без института местного самоуправления — средства прямого взаимодействия граждан и государства.

Целью данной статьи является рассмотрение проблем институтов местной власти, а также анализ пути развития его органов в условиях современной России.

Главными задачами, по мнению автора, являются: во-первых, анализ существующей характеристики местного самоуправления, во-вторых, выявление ключевых проблем на пути становления и развития местной власти, а также формулировка некоторых рекомендаций по улучшению «диалога» между государством и обществом.

Институт местного самоуправления изменялся с течением времени, соответствуя стадии развития, на которой находилось Российское общество.

В каждой эпохе цели, задачи и проблемы местного самоуправления были различны. Попытаемся их вкратце обозначить.

В период Царской России (после Земской реформы) на местное самоуправление, находившееся на тот момент на очередном этапе становления, был возложен целый ряд значимых функций: содержание местной транспортной системы, развитие образования и здравоохранения, промышленности и т.д. И, по нашему мнению, органы муниципальной сферы довольно успешно с ними справлялись (об этом свидетельствует проверенная аналитика и результаты современных исследований) [8;9].

Однако с течением времени появлялись определенные трудности, тормозившие нормальное функционирование системы земского управления. К их числу, по нашему мнению, можно отнести:

- недостаточное финансирование органов муниципальной власти [5]. После проведения реформ часто возникал дефицит местного бюджета;
- отсутствие расширенной свободы действий земского самоуправления. Постоянно требовалось согласование местных законопроектов с вышестоящими органами;
- зависимость муниципальных служащих от правительственных учреждений в выборе кандидатуры должностного лица;

— ограниченность компетенции органов земского и городского самоуправления. Существование узкого круга вопросов ведения власти на местах.

Наличие таких факторов, вне всяких сомнений, замедляло переход Российской системы местного самоуправления на более высокий уровень осуществления муниципальной власти.

Если обратиться к муниципальной практике Советской России, то можно также найти, характерные именно для этого этапа развития, и задачи, и проблемы.

В Советской системе присутствовали некоторые сходства с земским самоуправлением Царской России: это использование многостепенных выборов, сохранение, а также усиление контроля вышестоящих органов над нижестоящими, что положительно сказывалось на развитии управления на местах и т.д. К трудностям этапа относятся:

- революционные события 1917 года поставили под сомнение, в принципе, существование местного самоуправления в России;
- появление власти Советов практически ликвидировало земскую и городскую власть, которые не вписывались в структуру советских органов власти.

Так, в Советском государстве «местное самоуправление было заменено местным государственным управлением». Однако стоит согласиться с мнением Матвеева о том, что, несмотря на отсутствие положения о местном самоуправлении в последующих правовых актах, «идея самоуправления как элемента общенародного управления государством, формально была положена в основу социалистического государственного устройства» [3].

Она выражалась в создании на основе широкого представительства Советов народных депутатов на всех уровнях государственной власти.

Проблемой был так называемый «демократический централизм», выраженный в присутствии в советской иерархии организации местной власти: формально власть на местах имела некую самостоятельность, но в действительности проявлялась жесткая централизация и ее концентрация в руках государства. Если рассматривать современный этап развития местного самоуправления, то и на сегодняшний день есть множество преград для правильного функционирования органов местной власти.

Компетенция органов местного управления значительно расширилась, появились новые полномочия и функции: формирование, утверждение местного бюджета, установление местных налоговых сборов, самостоятельное управление муниципальной собственностью, утверждение планов застройки подведомственных территорий и т.д.

Но в системе также возникают некоторые проблемы, и муниципальной власти по-прежнему требуется некоторое реформирование. На наш взгляд вектор этого реформирования мог бы быть следующим: повышение стабильности финансовой обеспеченности и самостоятельности муниципальных органов, преодоление ограниченности муниципальной автономии, более четкое разграничение компетентности муниципалитетов друг с другом и с субъектами федерации и уменьшение избыточного государственного контроля над органами власти на местах.

Финансовая стабильность была и остается одним из основных критериев должного функционирования органов муниципальной власти.

Так, согласно статье 49 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», «экономическую основу местного самоуправления составляют находящиеся в муниципальной собственности имущество, средства местных бюджетов, а также имущественные права муниципальных образований» [2]. Но для большего развития территории местных образований недостаточно рассчитывать только на государственное инвестирование муниципалитетов.

Необходимо привлечение бизнеса к развитию местного самоуправления, благодаря введению новых организационно-правовых форм юридических лиц: хозяйственных

партнерств, инвестиционных товариществ, с помощью которых возможно расширение эффективного сотрудничества муниципального инвестирования.

Следовательно, немаловажной задачей на сегодняшний день является возвращение доверия населения к коллективному инвестированию проектов муниципального развития, возможно, с помощью увеличения отчетности о деятельности местных органов власти.

В дополнение к вышесказанному, необходимо развитие механизмов страхования частных инвестиций для минимизации рисков населения.

Еще одна широко обсуждаемая тема — низкий уровень компетентности большинства граждан в вопросах местного самоуправления.

Отмечаются невысокие темпы гражданской инициативы, предполагающей активное взаимодействие населения и местной власти. Пассивность населения, нежелание граждан участвовать в политической жизни страны, отсутствие глубокого понимания сложившихся проблем, это также является не маловажным аспектом появления трудностей в качественном исполнении власти на местах.

Вдобавок к этому значительная часть муниципального сообщества недостаточно дифференцирует систему местной власти и органов государственного управления, а в частности, реализации полномочий, обязанностей и ответственности за их исполнение.

В заключение всего вышесказанного можно отметить: органы местного самоуправления в Российской Федерации определенно требуют качественных изменений, но необходимо помнить о том, что модернизация должна проходить постепенно, с учетом ментальности населения России, а также опыта прошлых лет, как нашей страны, так и зарубежья.

Литература:

1. Андреева, Л.А. К вопросу о реформировании местного самоуправления // Вопросы современной юриспруденции. 2014. № 37. с. 5–7.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.constitution.ru/> (дата обращения 26.10.2015 г.)
3. Матвеев, Д. Н. Институт местного самоуправления в политической системе современной России: диссертация кандидата политических наук: 23.00.02/ Матвеев Д. Н.; — Москва, 2008. 160 с.
4. Майкова, Э. Ю., Симонова Е. В. Тенденции развития местного самоуправления // Власть. 2013. № 6. с. 2–4
5. Нувахов, Т. А. Проблемы реформирования местного самоуправления в России с экспертной точки зрения // Власть. 2010. № 5 с. 3–4.
6. Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 29.06.2015) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 26.10.2015 г.)
7. Цлаф, В. М. Муниципальные ресурсы и местное самоуправление // Основы экономики, управления и права. 2014. № 6 (18). с. 4.
8. Шегаев, И. С. Институт местного самоуправления как инструмент формирования публичной политики в условиях современной России // Армия и общество. 2013. № 2 (34). с. 71–74.
9. Шегаев, И. С. Проблемы становления и развития института местного самоуправления в условиях современной России: диссертация кандидата политических наук: 23.00.02/ Шегаев Илья Сергеевич; — Москва, 2013. — 150 с.
10. Шегаев, И. С. Полозов А. Г. Новейший политологический глоссарий: основные категории, понятия, термины. — М.: Перо, 2015. — 242 с.

11. Шустов, В.Г. Основные модели местного самоуправления // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2011. № 2. с. 2–3.

Уголовная ответственность за служебный подлог в истории российского законодательства

Ермакова Мария Сергеевна, магистрант
Российская таможенная академия

Любое преступление имеет свою историю становления. Борьба с таким преступлением как служебный подлог не является исключением. В истории российского законодательства служебный подлог рассматривался как преступление против государственной службы, общественного порядка и каралось достаточно строго.

Самый первый сборник правовых норм на Руси «Русская правда» не регламентировал ответственность за служебный подлог, но четко различал два вида преступления: против личности и против имущества. Содержание Русской Правды традиционно для памятников эпохи Древней Руси. Это сборник уголовного и гражданского права (в основном брачно-семейного) со значительным содержанием процессуальных постановлений.

Проводя исторический анализ, некоторые ученые впервые выделяют понятие «служебный подлог» и «должностное лицо» в Псковской судной грамоте 1467 г. [Долгих Д.Г. Регулирование уголовной ответственности за служебные преступления: исторический анализ российского законодательства // История государства и права. 2009. № 1. с. 17–25] В ст. 61 говорится: «... князю и посаднику грамот правых не посужати, а лживых грамот и доски обыскавши правда судом посудить». Из анализа статей видно, что использование «лживых грамот и досок» могло повлечь отмену неправильного решения суда преследовалось законом. Согласно данному законодательному акту «доски» — неформальный акт и «запись» — формальный акт, закрепленный через грамоты, копии с которых хранятся в ларе собора Св. Троицы во Пскове.

Дальнейшее отражение понятия «служебный подлог» и наказание за него можно проследить в Судебнике 1550 г. Структура Судебника позволяет сделать определенные выводы о его системе. В основном это сборник процессуального права. Первый отдел (ст. ст. 1–61) содержит постановления о центральном суде; второй отдел (ст. ст. 62–75) определяет порядок местного суда; третий отдел (ст. ст. 76–96) содержит постановления по гражданскому праву и процессу; четвертый отдел, состоящий из четырех статей, может быть отнесен к юридико-технической области. Помимо подлога в Судебнике рассматривались такие виды должностных преступлений как дача взятки, мошенничество и др.

Анализ Судебника 1550 г. показывает, что системного подхода к определению «служебный подлог» не было, а просто перечислялись возможные виды данного преступления и возможное наказание за их совершение.

Следующим законодательным актом, раскрывающий такое преступление как служебный подлог, на который необходимо обратить внимание является Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Фактически это был полноценный уголовный Кодекс. Уложение состояло из 12 разделов:

Раздел 1. О преступлениях, проступках и наказаниях вообще.

Разделы 2–5. Преступления государственные, против веры, порядка управления.

Разделы 6 и 7. Преступления в сфере законодательства о налогах, сборах и земских повинностях.

Раздел 8. Преступления против санитарного законодательства.

Раздел 9. О преступлениях против законов о состояниях.

Раздел 10. О преступлениях против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц.

Раздел 11. О преступлениях против прав семейственных.

Раздел 12. О преступлениях и проступках против собственности частных лиц.

Данное уложение устанавливало некую иерархию разновидностей служебного подлога по степени их причинения вреда государственной власти или общественной жизни населения (подлог императорских указов, сокрытие истины в служебных актах и документах, подлог документа о болезни и др.) Помимо этого, в Уложении описывались три основных способа подлога документов:

- а) изготовление поддельного документа;
- б) переделка существующего настоящего документа;
- в) использование подделанного или измененного документа в качестве настоящего.

Проанализировав содержание данного уложения, можно сказать, что главным его недостатком является разнообразие предметов урегулирования. Уложение было громоздким, одних статей в первоначальной редакции в нем насчитывалось около 2000, которые охватывали все

сферы общественной жизни. И так как с течением времени данное Уложение устарело, на смену ему в 1903 г. был принят проект Уголовного Уложения. Он состоял из всего из 687 статей и подразделялся на 37 глав. Что касается отражения служебного подлога в данном Уложении, то в дополнение к нему в 1904 г. были введены в действие гл. 7 («О противодействии правосудию»), гл. 21 («О подлоге»), гл. 37 («О преступных деяниях по службе государственной и общественной»). Но данное уложение так и не вступило в действие в полную силу ввиду невозможности исполнения его норм на практике, и формально вплоть до Революции 1917 г. продолжало действовать Уложение о наказаниях 1845 г. (в ред. 1885 г.).

Уголовное уложение 1903 г. содержало многочисленные составы должностных преступлений, в их числе: превышение власти, бездействие власти (многочисленная группа составов преступления), злоупотребление полномочиями, разглашение тайны, взяточничество, служебный подлог, незаконное участие в сделках.

Революция 1917 г. повлекла за собой ликвидацию предыдущей системы государственного и общественного управления, а также отмену всех ранее действовавших актов, в том числе уголовного и уголовно-процессуального характера. Борьба с преступностью, в том числе и в сфере должностных преступлений, осуществлялась предписаниями декретов, постановлениями Съездов Советов, постановлениями правительства, а также различными инструкциями и положениями.

В Декрете СНК РСФСР от 21 октября 1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» впервые применяется понятие «должностного преступления» и указываются его виды: хищение, подлоги, получение взятки и т.д.

Первый полноценный Уголовный кодекс выходит в 1922 г. Кодекс состоял из двух частей и 227 статей. Глава 2 указанного кодекса регламентировала ответственность за должностные преступления. Глава состояла из 14 статей. Ст. 116 раскрывала понятие служебный подлог — «служебный подлог, т.е. внесение должностным лицом в официальные документы заведомо ложных сведений, подделки, подчистки или пометки задним числом, а равно составление и выдача им заведомо ложного документа или внесение в книги заведомо ложных записей, если эти деяния не подходят под признаки преступления, предусмотренного ст. 85-й Уголовного кодекса, карается — лишением свободы или принудительными работами на срок до одного года или увольнением от должности. Если те же действия имели особо тяжелые последствия, или были совершены должностным лицом в корыстных или иных личных видах, то караются — лишением свободы на срок не ниже одного года со строгой изоляцией».

Так же в данной главе представлено определение должностного лица: «под должностными лицами разумеются лица, занимающие постоянные или временные

должности в каком-либо государственном (советском) учреждении или предприятии, а также в организации или объединении, имеющем по закону определенные права, обязанности и полномочия в осуществлении хозяйственных, административных, просветительных и других общегосударственных задач».

Следующим советским нормативно-правовым актом, содержащим положения о служебном подлоге, был УК РСФСР 1926 года. Статья 120 УК определяла служебный подлог как внесение должностным лицом в корыстных целях в официальные документы заведомо ложных сведений, подделки, подчистки или пометки другим числом, а равно составление и выдача им заведомо ложных документов или внесение в книги заведомо ложных записей. В качестве меры наказания устанавливалось лишение свободы на срок до двух лет. Как видно из вышесказанного, в УК РСФСР 1926 года по сравнению с ранее вышедшей редакцией 1922 года изменилась мера наказания за служебный подлог — лишение свободы на срок до двух лет вместо одного года.

Так же необходимо рассмотреть УК РСФСР от 27 октября 1960 г. В примечании к ст. 170 раскрывалось понятие должностного лица, имеющего следующие характерные признаки:

1. лицо осуществляет временно или постоянно функции представителя власти;
2. лицо выполняет временно или постоянно в государственных или общественных учреждениях, организациях или на предприятиях должности распорядительные или административно-хозяйственные обязанности;
3. лицо исполняет такие обязанности в указанных учреждениях, организациях и на предприятиях по специальному полномочию.

Ст. 175 была предусмотрена ответственность за должностной подлог. Должностной подлог определялся как:

- внесение должностным лицом, обязательно в корыстных целях или из иных личных побуждений, в официальные документы заведомо ложных сведений;
- подделка официальных документов;
- подчистка или пометка другим числом даты и реквизитов в официальных документах;
- составление и выдача им заведомо ложных документов;
- внесение в книги заведомо ложных записей.

В санкции прописано виды наказания за должностной подлог:

- 1) лишение свободы на срок до двух лет
- 2) исправительные работы на срок до одного года
- 3) увольнение от должности.

Действующий уголовный кодекс принят Государственной Думой 24 мая 1996 года, одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 года. Кодекс состоит из Общей и Особой части, которые содержат 12 разделов, 34 Главы и 360 статей. Ответственность за служебный подлог регламентирует ст. 292 Главы 30 — Преступления против государственной власти, интересов государственной

службы и службы в органах местного самоуправления, Раздела X — Преступления против государственной власти особенной части.

Таким образом, служебный подлог определяется как внесение должностным лицом, а также государственным служащим или служащим органа местного самоуправления, не являющимся должностным лицом, в официальные документы заведомо ложных сведений, а также внесение в указанные документы исправлений, искажающих их действительное содержание. Вышеуказанные действия обязательно должны носить корыстный характер. Наказание за данное деяние — от штрафа в размере до восьмидесяти тысяч рублей до лишения свободы на срок до двух лет.

Таким образом, формирование и развитие норм об ответственности за служебный подлог непосредственно связано с общественно-политическими и социально-экономическими условиями, складывающимися в стране на том или ином историческом этапе. Особенности последних прямо отражаются на системе и содержании норм, предусматривающих ответственность за соучастие в указанных посягательствах. Развитие законодательства о преступлениях, связанных со служебными подлогами, совершаемых лицами в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей, характеризовалось стремлением законодателя к построению этих преступлений в самостоятельную систему, с присущими ей признаками, которые также имели свое развитие.

Литература:

1. УК РФ. Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Издательство «Омега-Л», 2010.
2. УК РСФСР от 27 октября 1960 г.
3. Исаев, М. А. История российского государства и права. Учебник. Статут. Москва. 2012 г. 840 с.
4. Исаева, Т. С. Основные памятники русского права: Учебное пособие. Владивосток, 1974. с. 58
5. Долгих, Д. Г. Регулирование уголовной ответственности за служебные преступления: исторический анализ российского законодательства // История государства и права. 2009. № 1. с. 17–25
6. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право. Т. 1. Тула, 2001. с. 21
7. Ким, Е. П., Быков А. В. Эволюция (история развития) российского законодательства по предупреждению преступлений, совершаемых служащими органов местного самоуправления
8. Мартынов, А. В. История борьбы со служебными подлогами в послереволюционной России. Право/11. Криминалистика и судебная медицина. с. 37
9. Проценко, Ю. Л. Государство и право Руси в период феодальной раздробленности (XII — XIV вв.). Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. с. 36–37.
10. Сулейманов, Т. М. История ответственности за злоупотребление должностными полномочиями по российскому уголовному праву (xvii — xx вв.) // История государства и права. — 2013. № 13 — с. 54–58

Исчерпывающий перечень посягательств как путь решения проблем, связанных с определением пределов необходимой обороны

Завтур Мария Владимировна, студент
Тюменский государственный университет

Опасность потерять самое ничтожное благо оправдывает употребление наибольшего насилия, если это благо нельзя сохранить иначе, и, наоборот, опасность для самого высшего блага не может оправдать самого ничтожного насилия, если оно превосходило меру, необходимую для его защиты.

Это глубокое и абсолютно справедливое высказывание немецкого философа, криминалиста Карла Левита могло бы стать основой, определяющим вектором в поиске решений многочисленных проблем, связанных с превышением пределов необходимой обороны, рассмотренных в рамках настоящей работы, но в настоящий момент это просто красивые слова великого ученого.

Анализируя различные подходы к решению проблем определения эксцесса обороны, мы пришли к выводу, что,

несмотря на многообразие точек зрения (предлагают расширить пределы необходимой обороны [7, с. 240] и, наоборот, вообще исключить институт превышения пределов необходимой обороны из уголовного законодательства [8, с. 24–27]) наиболее самодостаточным является предложение использования, так называемой, перечневой (казуальной) системы, сущность которой заключается в построении перечня возможных объектов защиты и выработке критериев определения пределов возможного причинения вреда [3, с. 61–67].

Однако, по мнению, Даровских Д. А. такой подход уступает механизму определения пределов необходимой обороны, предложенному Козловым А. П. [4, с. 6].

Суть системы Козлова А. П. заключается в том, что соотносить посягательство и защиту необходимо в первую очередь исходя из установленной системы ценностей (ценностей благ, в отношении которых совершается посягательство). Каждое благо, будь то жизнь, половая неприкосновенность или собственность обладает определенным количеством условных единиц (их количество зависит от общепризнанной ценности блага). При защите блага в состоянии необходимой обороны, причиненный вред должен быть равен предотвращенному, либо превосходить его не более чем на одну условную единицу. В таком случае деяние, совершенное обороняющимся, рассматривается как совершенное в пределах необходимой обороны. Превышением же, по мнению Козлова А. П., считается деяние, в результате совершения которого причиненный вред на две условные единицы предотвращенного.

По нашему мнению, механизм, предложенный Козловым А. П., мог бы стать основой вышеупомянутой перечневой системы, тем самым, решив главную проблему системы: выработка критериев определения пределов возможного причинения вреда.

Между тем, разумно возникает вопрос: как установить количество тех самых условных единиц, указывающих на ценность, значимость того или иного блага для человека? Козлов А. П. предлагает сравнивать значимость благ, которым причинен вред, исходя из медианы санкций статей Особенной части Уголовного кодекса, их охраняющих. По нашему мнению, это с философской точки зрения неверно, так как в данном случае первичным является значимость тех или иных благ в жизни человека, а исходя из этого, законодатель должен формировать и медиану санкций, и решать вопрос о соответствии вреда причиненного, вреду предотвращенному.

Также следует отметить, что при критике такого подхода Вольдимарова Н. Г. говорит об излишней формализации механизма определения превышения пределов необходимой обороны, отсутствии комплексного учета всех обстоятельств ситуации «посягательство — оборона» [5, с. 82].

В данном случае, мы не считаем формализацию механизма излишней, напротив, такой подход позволит более объективно определять превышение пределов необходимой обороны и уйти от обилия оценочных признаков.

Иной слабой стороной перечневой системы считается ее внедрение в отечественное законодательство, так как данный прием нехарактерен для российского права и спо-

собен нарушить целостность восприятия нормы, логику ее построения. Перечневая система является заимствованием опыта зарубежных стран, которое должно осуществляться только с учетом традиций и особенностей исторического развития национального законодательства. Поэтому, перечень обстоятельств, оборона при которых, вероятнее всего, необходима, представляется логичным отражать в актах официального толкования — постановлениях Пленума Верховного Суда РФ [6, с. 15].

С другой стороны, целесообразно настаивать на внесении перечня в Уголовный Кодекс Российской Федерации, так как институт необходимой обороны регулируется уголовным правом и, в случае издания Пленумом Верховного Суда Российской Федерации постановления, содержащего предлагаемый нами перечень без предварительного его закрепления в статье 37 УК РФ, данный акт Верховного Суда станет примером слишком широкого толкования законодательства, что также как и казуистичность, не соответствует традициям российского права.

Беря за основу действующее законодательство и акты толкования права, при разработке перечня возникает необходимость дифференциации режима обороны в зависимости от характера защищаемого блага и добавления характеристики типичной жизненной ситуации, в которой это благо защищается. Это объясняется наличием института «беспредельной» необходимой обороны, отсутствием четко очерченного круга объектов, на которые должно быть направлено посягательство для сознания условий необходимой обороны, обилие оценочных признаков и тому подобное.

Таким образом, считаем необходимым закрепление перечня посягательств, предполагающих возможность «беспредельной» необходимой обороны. Закрепленный в части 2¹ статьи 37 УК РФ он представляется в следующем виде:

«Не являются превышением пределов необходимой обороны действия лица обороняющегося от:

- 1) причинения смерти или непосредственной угрозы ее причинения;*
- 2) причинения тяжкого вреда здоровью или непосредственной угрозы его причинения;*
- 3) изнасилования, насильственных действий сексуального характера;*
- 4) разбойного нападения;*
- 5) грабежа, совершенного с незаконным проникновением в жилище, с применением насилия или непосредственной угрозы его причинения;*
- 6) кражи из жилого помещения с незаконным проникновением в жилище, совершаемой в ночное время;*
- 7) иных особо тяжких преступлений».*

Литература:

1. Пархоменко, С. В. Деяния, преступность которых исключается в силу полезности и необходимости: Дис. д-ра юрид. наук: 12.00.08. Иркутск, 2004.
2. Колмагова, Г. Нужно ли понятие превышения пределов необходимой обороны // Законность. 1994. — № 11.

3. Миронов, С. И. Необходимая оборона по уголовному праву Англии и США: особенности регулирования // Государство и право. 2002. № 6. — с. 61—67; Уголовный кодекс Франции. СПб., 2006.
4. Козлов, А. П. Пределы необходимой обороны и их превышение. Красноярск, 1994.
5. Вольдимарова, Н. Г. Уголовная ответственность за убийство при превышении пределов необходимой обороны: дисс. на соискание ученой степени канд. юрид. наук. — М.: 2003.
6. Даровских, Д. А. Некоторые теоритические аспекты определения превышение пределов необходимой обороны/Российский следователь. — № 3. — 2010.
7. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. [Электронный ресурс] / Собрание законодательства Российской Федерации — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2015). — Ст. 445.
8. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 05.04.2013) [Электронный ресурс] / Собрание законодательства Российской Федерации — 17.06.1996. — № 25 — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2015).
9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» [Электронный ресурс] // Собрание законодательства Российской Федерации — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2015).

Структура и порядок организации Парламента Франции

Каплунов Алексей Сергеевич, студент
Саратовская государственная юридическая академия

Конституция Пятой республики провозглашает, что национальный суверенитет принадлежит народу, который осуществляет его через своих представителей и посредством референдума. Органами, представляющими народ, являются Президент Республики и Парламент, а относительно избрания представителей народа Конституция провозгласила, что голосование может быть прямым и косвенным, в соответствии с условиями, предусмотренными Конституцией. Оно всегда является всеобщим, равным и тайным (ст. 3).

По своей структуре Парламент состоит из двух палат: Национальное собрание и Сенат. Статья 24 Конституции устанавливает, что депутаты Национального собрания избираются прямым голосованием, а Сенат — путём косвенного голосования. Также Сенат обеспечивает представительство территориальных коллективов Республики. Французы, проживающие за пределами Франции, представлены в Сенате. Депутаты и сенаторы обладают депутатским индемнитетом, даже если их действия наказуемы по закону. Индемнитет также предполагает, что государство должно обеспечивать депутатам их материальные потребности для выполнения ими своих полномочий.

Обособленность верхней и нижней палаты подчёркивается тем, что они заседают в разных зданиях. Так Национальное собрание собирается в Бурбонском дворце. В свою очередь Сенат проводит свои заседания в Люксембургском дворце. Статья 28 Конституции 1958 г. устанавливает режим работы Парламента. Его сессия начинается в первый рабочий день октября и заканчивается

в последний день июня. Число дней заседаний, которые каждая палата может проводить в течение сессии, не может превышать 120. Дни и часы заседаний определяются каждой палатой. Сенат избирается косвенным голосованием на девять лет, а Национальное собрание — всеобщими выборами на пять лет.

Конституционно-правовой статус парламента Франции и его место в системе государственного строя Республики регулируется положениями отдельных глав Конституции 1958. Так раздел IV «Парламент», охватывающий статьи с 24 по 33, регулирует повседневную работу Парламента, повседневную организацию, вопросы внеочередной сессии, основные гарантии члену Парламент, запрещает императивный мандат. Глава V Конституции 1958 г., содержащая статьи с 34 по 51, закрепляет основы взаимодействия Парламента и Правительства.

Основная задачи и функция Парламента — участие в законотворческом процесс. Статья 34 Конституции 1958 г. констатирует, что законы принимаются Парламентом. Закон может устанавливать нормы в самых разных правоотношениях. Однако высший представительный орган государственной власти Пятой Республики несколько утратил эту роль по сравнению с законодательными органами, предшествующими ему. Ещё Конституция 1946 г. ограничила законодательные полномочия Совета Республики Франция, но сохранила полноту законодательной власти за Национальным собранием. Согласно статье 13 Конституции 1946 г. только Национальное собрание имеет исключительное право принимать законы, которое не может передавать. Создатели Конституции

1958 г. радикально изменили ситуацию и под предлогом оптимизации работы Парламента резко сузил саму область закона и поставили законодательную процедуру в узкие рамки. Теперь Парламент — лишь один из законодателей, делящий эту функцию с иными высшими органами государственной власти.

Сам законодательный процесс проходит в несколько этапов. Первый этап — законодательная инициатива. Она принадлежит Президенту и членам Парламента (статья 39). Однако для инициативы парламентариев созданы многочисленные препятствия юридического и политического характера: их законопроекты не могут вести к увеличению расходов (статья 40), они должны обязательно входить в законодательную область и не противоречить делегированным Правительству полномочиям. Финансовая неприемлемость делает возможным отклонение любого законопроекта парламентария.

На втором этапе происходит обсуждение законодательных текстов. Оно идёт в несколько стадий. Первая стадия начинается в комиссии палаты, куда он был внесён. Однако эта комиссия не может заменить правительственное законопредложение своим текстом, а она может только принять или отклонить его. Но если законопроект написан парламентариями, то комиссия вправе и заменить его собственным, но в таком случае на заседание палаты вносится уже текст, составленный комиссией. Если текст внесён в повестку дня палаты, то его обсуждение начинается с общей дискуссии о характере и цели реформы. Противники принятия законопроекта могут использовать различные способы и методы, чтобы снять текст с обсуждения, либо затянуть его на очень долгий срок. В арсенал юридических средств для таких действий входят заявления о бесполезности закона, неконституционности и неприемлемости текста, предложение об отсылке на новое на новое обсуждение. По требованию Правительства палата большинством может отвергнуть все предложение, и таким образом законопроект снимается с повестки дня.

Если текст прошёл эту стадию, то он выносится на техническую дискуссию (вторую стадию), которая ведётся уже по заключению комиссии, отдельно по статьям и разделам текста и прилагаемым к ним поправкам. Палаты обязаны принять текст закона в идентичной редакции. На третьей стадии текст принятого закона может быть направлен в Конституционный совет для проверки на предмет соответствия Конституции Пятой Республики.

На третьем этапе происходит промульгирование закона. Он передаётся Правительству, которое направляет его на подпись главе государства. Согласно статье 10 Конституции 1958 г. Президент промульгирует закон в течение 15 дней, которые следуют за его принятием. До истечения этого срока Президент может потребовать у Парламента нового обсуждения, в чём ему не может быть отказано. Датой закона считается дата декрета Президента Республики о промульгации.

Теоретически согласно принцип разделения властей парламентские палаты по прежнему автономны, источниками, регулирующими их организацию и порядок деятельности, являются Конституция, органические законы, регламенты палат. Так Конституция 1958 г. устанавливает в своих статьях длительность полномочий председателя Национального собрания (ст. 32), обязанность персонального голосования (ст. 27), допуск членов Правительства на голосования (ст. 31), ход дебатов (ст. 42, ст. 44) и т.д.

Парламент Франции обладает такими полномочиями, как непосредственно законотворчество, контрольная функция, осуществление внешней политики и т.п.

В регламенте Парламента содержатся статьи, определяющие внутреннюю структуру палат, порядок образования и работ парламентских фракций и комиссий, детально определена процедура проведения заседания, прений голосований и т.п. Регламент имеет не только юридическое, но и политическое значение. Посредством парламентских положений урезание полномочий законодательного органа, что в свою очередь может излишне занизить роль Парламента в системе органов государственной власти Французской Республики.

Разделы первые регламентов палат Парламента, воспроизводящие и детализирующие положения Конституции и органических законов, посвящены организации и функционированию Национального собрания и Сената. Вновь избранные и сформированные палаты начинают деятельность с создания своих внутренних органов.

Одним из ключевых и первостепенных органов является бюро палаты. Оно представляет собой коллегиальный руководящий орган. В статье 8 главы III Регламента Национального собрания определяется состав бюро: это председатель, шесть вице-председателей, три квестора и двенадцать секретарей. Часть вторая статьи 9.1 главы III Регламента провозглашает, что председатель Национального собрания избирается на первом заседании палаты тайным голосованием. В статье 10 Регламента определён порядок назначения иных членов бюро. Они избираются в начале каждой легислатуры на заседании, следующем за выборами Председателя. Выборы вице-председателей, квесторов и секретарей проводятся таким образом, чтобы бюро отражало политический состав собрания. Функции бюро определены в главе IV Регламента. Среди них полномочиями, необходимыми для руководства дебатами в собрании, организации и управления всеми службами. Деятельность финансовых и административных служб возложена на квесторов, действующих под высоким руководством бюро. Ни один новый расход не может быть произведен без их предварительного заключения.

Немаловажным является и такой единоличный орган Парламента, как председатель палаты. Согласно Регламенту Национального собрания и Сената председатель избирается на первом заседании, которое до их избрания проходит под руководством старейшего по возрасту члена

палаты. Председатель осуществляет общее руководство деятельностью палаты. Однако некоторые особенности имеет должность председатель Сената, так согласно законодательству Франции он подлежит частичному обновлению раз в три года. В статье 32 Конституции 1958 г. сказано, что председатель Сената избирается после каждого частичного обновления этой палаты. Кроме этого на председателя Сената возложены обязанности по временному замещению поста Президента.

В свою очередь согласно статье 16 Регламента Национального собрания его председатель обязан заботиться о внутренней и внешней безопасности Собрания. Он определяет, какие вооруженные силы необходимы для этой цели; эти силы подчиняются его приказам. Также председатели обеих палат вправе назначить трёх членов в Конституционный совет, имеет право обращаться туда с запросом о конституционности какого-либо нормативно-правового акта.

Важнейшую роль как организации работы палат, так и законотворческом процессе играют политические группы (фракции). Депутаты могут образовывать фракции по своим политическим приверженностям; фракция не может состоять менее чем из 30 депутатов (ст. 19.1 Регламента Национального собрания), а Сенате — 15, не считая присоединившихся депутатов. Они проводят свою внутреннюю работу с помощью административного секретариата, порядок комплектования и оплаты которого устанавливают фракции. Парламентарий может входить лишь в одну политическую группу. Политические фракции Сената создаются по результатам каждых выборов в Сенат, то есть раз в 3 года. Главные политические фракции Сената: фракция «Союз за народное движение» (Председатель — Жерар Лонге), Социалистическая фракция (Председатель — Жан-Пьер Бель), фракция коммунистов, республиканцев и гражданского движения (Председатель — Николь Буря Коэн-Сит).

Сама группа создаётся путём подачи в руководство палаты политической декларации, подписанной членами группы с указанием председателя. Цель образования группы — отстаивание и лоббирование интересов той или иной политической партии в Парламенте, участие в формировании комиссий.

Также среди парламентских органов Франции выделяют парламентские комиссии. Задача комиссий — подготовка решений, которые палата принимает на своём пленарном заседании. Именно в комиссии происходит детальное обсуждение законопроекта, рассматривается узкий круг таких вопросов. Зачастую в обсуждении участвуют специалисты с многолетним опытом работы

в сфере, которую и будет регулировать обсуждаемый нормативно-правовой акт. Все парламентские комиссии относятся к одной из трёх больших категорий: постоянные, специальные, по расследованию и контролю.

Статья 43 Конституции 1958 г. устанавливает фиксированное количество постоянных комиссий: оно равно шести. Руководство комиссией осуществляет её председатель. Регламент Национального собрания в главе IX, детализируя положения Конституции 1958 г., называет эти комиссии. Среди них комиссия по делам культуры, семьи и социальным проблемам, комиссия по иностранным делам, комиссия по делам национальной обороны и вооруженных сил, комиссия финансов, общих проблем экономики и плана и т.д. Постоянные комитеты Сената создаются на основе пропорционального представительства в их составе представителей всех политических фракций.

Статья 43 Конституции 1958 г. говорит, что законопроекты и законодательные предложения по требованию Правительства или палаты, в которую они внесены, могут передаваться на рассмотрение специально создаваемых по этому поводу комиссий. В части 2 статьи 30.1 главы VIII Регламента Национального собрания сказано, что специальная комиссия, образуемая по требованию Правительства, становится таковой по праву. Национальное собрание может принять решение об образовании специальной комиссии по предложению либо председателя постоянной комиссии, либо председателя фракции. Специальные комиссии состоят из 31 члена, назначаемых на основе пропорционального представительства фракций.

Специальные комиссии — временные органы. Они правомочны работать шесть месяцев. Комиссии по расследованию создаются для сбора информации об определённых фактах и подготовки заключения создавшей их палате, а контрольные комиссии создаются для рассмотрения административного, финансового управления публичных служб или национализированных предприятий и информирования соответствующей палаты.

Таким образом, именно Парламент Французской Республики и вся его система проделали огромный эволюционный путь. Вопрос о взаимоотношениях Президента, Правительства и Парламента — один из острейших в современной политической обстановке этого европейского государства. Тем не менее ни один институт государственной власти Франции не способен подменить собой Парламент, ибо он по сей день остаётся законодательным органом, с мнением которого вынуждены считаться все органы Пятой Республики.

Литература:

1. Конституция Французской Республики // Конституции государств Европейского Союза / Под общей редакцией Л. А. Окунькова. — М.: Издательская группа ИНФРА-М — НОРМА, 1997. — с. 665–682.
2. Афанасьева О.В., Колесников Е.В., Комкова Г.Н. Конституционное право зарубежных стран: учебник для академического бакалавриата. — 4-е изд., перераб. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2015. — 415с. — Гл. 14

3. Демишель, А. Институты и власть во Франции. — Пер. с фр. под редакцией и с послесловием д-ра юр. наук М. А. Крутоголова. — М.: Прогресс, 1985. — 278 с.
4. Доморацкая, Э. И. Маклаков В. В. Государство и экономика во Франции: организационно-правовые аспекты. — М.: Наука, 1990. — 224 с.
5. Крутоголов, М. А. Конституционный совет Франции: организация и правовые аспекты деятельности. — М.: Наука, 1988. — 290 с.

Реализация решений Конституционного Суда Российской Федерации: проблемный аспект

Киракосян Артур Гарушович, магистрант

Научный руководитель: Наумкина Валентина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор
Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

Решения Конституционного Суда РФ имеют обязательный и окончательный характер. Они не требуют подтверждения какими-либо органами, должностными лицами и обязательны на все территории РФ для всех органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций, должностных лиц и граждан.

Деятельность органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных наделенных публично-властными полномочиями субъектов, направленная на осуществление обязанностей, вытекающих из решений КС РФ, характеризуется как исполнение указанных решений [9, с. 90].

По мнению Ж. В. Нечаевой, исполнение решений Конституционного Суда РФ является одной из важнейших составляющих эффективности решений Конституционного Суда наряду с его ценностным содержанием, а также способностью воздействовать на общественные отношения [12, с. 29].

Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» [1] определяет процедуру обеспечения решений Конституционного Суда правотворческими органами в общем виде: «если решение Конституционного Суда требует осуществления законодательного регулирования, соответствующий законопроект не позднее шести месяцев после опубликования такого решения должен быть представлен Правительством Российской Федерации на рассмотрение Государственной Думы (ч. 1 ст. 80); если решение Конституционного Суда предполагает необходимость нормативного регулирования Президентом Российской Федерации или Правительством Российской Федерации, они должны принять соответствующий акт не позднее двух месяцев после опубликования этого решения (ч. 2 ст. 80); если решение Конституционного Суда РФ требует законодательного регулирования законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта РФ, то он должен принять соответствующий акт не позднее шести месяцев; если решение требует регулирования со стороны высшего должностного лица субъекта Феде-

рации. Если в течение шести месяцев законодательный (представительный) орган не предпринял никаких мер, то для него наступает ответственность, предусмотренная федеральным законодательством (ч. 3 ст. 80)». Так, согласно ч. 4 ст. 9 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [2] в случае, если законодательный (представительный) орган государственной власти субъекта Федерации проигнорирует решение Конституционного Суда РФ и не примет соответствующий акт в течение шести месяцев, то Президент РФ выносит предупреждение законодательному (представительному) органу государственной власти субъекта Федерации. Если же после предупреждения, вынесенного Президентом РФ, законодательный (представительный) орган в течение трех месяцев не исполнит решение Суда, то Президент РФ вправе распустить указанный орган. Аналогичная форма ответственности предусмотрена ч. 2, 3 ст. 29.1 ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в отношении высшего должностного лица органа исполнительной власти субъекта, который обязан исполнить решение Конституционного Суда РФ в течение двух месяцев.

Исходя из буквального толкования положений ч. 1 ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», можно сделать вывод, что ни Государственная Дума, ни Совет Федерации Федерального Собрания РФ не являются органами, которые обязаны исполнять решение Суда. Более того, обязанности внести соответствующий законопроект в Государственную Думу РФ нет ни у депутата Государственной Думы РФ, ни у члена Совета Федерации. По мнению А. В. Мазурова, «указанная статья обязывает дожидаться и принимать такие законопроекты только от Правительства Российской Федерации и тем самым ограничивает самостоятельность органа законодательной власти и право законодательной инициативы депутатов Государственной Думы и членов Совета Федерации. Такое ограничение не

имеет конституционного обоснования, особенно с учетом того, что установления вроде «законодателью надлежит» регулярно встречаются в решениях Конституционного Суда [Цит. по: 13, с. 53].

Что касается договоров между органами федеральными государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ или между органами государственной власти субъектов РФ, то в случае, если такие договоры признаны Конституционным Судом полностью или частично не соответствующими Конституции РФ, федеральные органы государственной власти или органы государственной власти субъектов обязаны в течение двух месяцев внести в соответствующий договор изменения и (или) дополнения или прекратить действие договора (ч. 5 ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Ответственность за неисполнение решений Конституционного Суда РФ установлена только в отношении законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов и высшего должностного лица исполнительного органа субъекта Федерации.

В Российской Федерации механизм исполнения решений Конституционного Суда РФ к настоящему времени сформировался. В то же время существуют проблемы в реализации решений Конституционного Суда РФ. Так, в своем интервью председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин признался, что проблема с исполнением судебными органами отдельных решений Конституционного Суда действительно существует: «суды, постановляя решение, нередко игнорируют правовые позиции, содержащиеся в решениях Конституционного Суда. Но все-таки речь идет об исключительных ситуациях, и вышестоящие судебные инстанции имеют возможность исправлять ошибки. В основном же суды в своей деятельности исходят из законодательно закрепленного требования общеобязательности решений Конституционного Суда, в том числе для судебных органов» [7]. Отсюда можно сделать вывод, что совершенствование механизма исполнения решений Конституционного Суда остается актуальной задачей.

Проблему неисполнения или ненадлежащего исполнения решений Конституционного Суда РФ также указывает Л. Лазарев. Он пишет: «практика реализации решений Конституционного Суда РФ достаточно противоречива. Можно привести немало примеров их своевременного, даже немедленного исполнения, но встречаются факты и другого рода — явное игнорирование, неоправданное затягивание с исполнением, попытки преодоления их юридической силы повторным принятием норм, аналогичных признанным неконституционными. Причины неисполнения или ненадлежащего исполнения актов конституционной юрисдикции различны. Это и сохраняющийся в обществе, во властных структурах правовой нигилизм, неуважение к закону и правопорядку, противоречивые процессы во взаимоотношениях федерального центра и регионов, и ущербность процессуального меха-

низма исполнения актов конституционной юрисдикции, а порой и несовершенство самих этих актов — усложненное изложение их содержания, приводящее к непониманию исполнителями» [10, с. 17]. И здесь, по его мнению, роль Конституционного Суда РФ заключается в том, что он может оказывать влияние на процесс исполнения своих решений «главным образом силой и ясностью правовых аргументов и выводов, обосновываемых в решениях, высокой социальной и гуманистической значимостью защищаемых им общедемократических правовых принципов, ценностей и институтов» [10, с. 19]. Однако, думается, что для обеспечения исполнения решений Суда одних правовых выводов, имеющих высокую демократическую ценность, недостаточно. В связи с этим необходимо предусмотреть в законодательстве, регламентирующем функционирование Конституционного Суда РФ, собственный принудительный механизм, ведь отсутствие такового вообще нетипично для судебных органов.

Впрочем, не все в науке конституционного права поддерживают мнение о необходимости создания механизма исполнения решений конституционных судов. По мнению ряда ученых, решения Конституционного Суда РФ являются самоисполнимыми и не требуют каких-либо дополнительных механизмов обеспечения их исполнения. Так, например, Н.В. Витрук считает, что если нормативный акт либо отдельное его положение признаны не соответствующим Конституции РФ, то решение Конституционного Суда РФ является самодостаточным, поэтому органу, издавшему этот акт, не требуется издание нового акта об отмене неконституционного акта либо отдельного его положения [Цит. по: 8, с. 35]. Выражая несогласие, А.М. Кальяк пишет, «решение Конституционного Суда не исполняется само. Хоть оно и не требует специальной процедуры исполнения, в случае игнорирования такого решения субъектами права может возникнуть необходимость использования средств обеспечения исполнения решений принудительного характера (например, конституционной ответственности)» [9, с. 38].

В.О. Лучин отмечает, что практике известно не так много случаев, когда решения Конституционного Суда РФ открыто игнорировались. Так, Президент Республики Башкортостан М. Рахимов вопреки Постановлению Конституционного Суда РФ от 7 июня 2000 г. [5], которым суверенитет признан только за Российской Федерацией, заявил, что «некорректно вести разговор о дальнейшем существовании или несуществовании суверенитета Республики». В критике суверенитета (Башкортостана) «больше политической спекуляции и политиканства со стороны определенных сил, чем позитивного анализа и реальной заинтересованности в укреплении Федерации». Конечно, столь откровенное игнорирование правовых позиций Конституционного Суда РФ не могла остаться незамеченным, однако никакой ответственности столь грубое нарушение конституционной законности не повлекло [11, с. 599–600]. Таким образом, В.О. Лучин своим при-

мером подтверждает проблему в исполнении решений Конституционного Суда: мало того, что некоторые решения Суда попросту игнорируются, отторжение правовых позиций Конституционного Суда РФ, что является нарушением конституционной законности, не влечет за собой юридической ответственности. Отсутствие ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда РФ объясняется, прежде всего, тем, что адресатами решений Конституционного Суда РФ чаще всего являются федеральные органы государственной власти или органы власти субъектов Федерации, или их руководители, привлечение которых к ответственности проблематично в силу объективных причин. Поэтому большинство итоговых решений Конституционного Суда действуют непосредственно: если акт или его часть признаются не соответствующими Конституции РФ, то они утрачивают силу, какого-либо подтверждения с стороны органов государственной власти или должностных лиц не требуется.

Как уже обозначалось выше, в Постановлении от 7 июня 2000 года № 10-П Конституционный Суд указал, что «суверенитет, по смыслу статей 3, 4, 5, 67 и 79 Конституции Российской Федерации, предполагает верховенство, независимость и самостоятельность государственной власти, полноту законодательной, исполнительной и судебной власти государства на его территории и независимость в международном общении и представляет собой необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус. Носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ, согласно Конституции РФ, является ее многонациональный народ (ч.1 ст. 3). Конституция Российской Федерации не допускает какого-либо иного носителя суверенитета и источника власти, помимо многонационального народа России, и, следовательно, не предполагает какого-либо иного государственного суверенитета, помимо суверенитета Российской Федерации».

Затем указанное постановление было конкретизировано в отношении гражданства субъекта РФ. Конституционный Суд в Определении от 6 декабря 2001 года № 250-О [6] пояснил, что Конституция РФ не предусматривает положений, согласно которым республики или иные субъекты Федерации имеют правомочия в области, только РФ правомочна законодательно определять, кто является ее гражданами, и, следовательно, обладает всеми правами и обязанностями гражданина РФ, которые гарантируются Конституцией РФ. Однако, вопреки данным правовым позициям Конституционного Суда РФ в ст. 21 Конституции Республики Татарстан [4] закреплено положение, которое звучит следующим образом: «Республика Татарстан имеет свое гражданство. Гражданин Российской Федерации, постоянно проживающий на территории Республики Татарстан, является гражданином Республики Татарстан». То есть налицо явное противоречие позициям Конституционного Суда РФ.

Необходимо отметить, что неисполнение решение Конституционного Суда РФ, помимо прочего, обусловлено не-

совершенством законодательства. В соответствии с ч. 5 ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» «позиция Конституционного Суда РФ относительно того, соответствует ли Конституции РФ смысл нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой, выраженная в постановлении Конституционного Суда РФ, в том числе в постановлении по делу о проверке по жалобе на нарушение конституционных прав и свобод граждан конституционности закона, примененного в конкретном деле, или о проверке по запросу суда конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле, подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего постановления Конституционного Суда РФ». Г.В. Синцов полагает, что «используемую формулировку «подлежит учету» нельзя признать четко определенной. Это оставляет довольно широкий простор для злоупотреблений со стороны правоприменительных органов, в том числе и судебных. Действительно, судье достаточно упомянуть в мотивировочной части своего решения соответствующую позицию Конституционного Суда РФ, тем самым якобы учитывая ее. Однако выносимое решение по тем или иным поименованным в решении причинам может быть основано на абсолютно противоположном толковании применяемой нормы» [14, с. 40].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

Решения Конституционного Суда РФ имеют обязательный и окончательный характер. Они не требуют подтверждения какими-либо органами или должностными лицами и обязательны на всей территории РФ.

К настоящему моменту в РФ сложился механизм исполнения решений Конституционного Суда РФ, который в первую очередь основан на конституционном принципе верховенства и прямого действия Конституции РФ. Однако нельзя утверждать, что механизм реализации решений Конституционного Суда РФ безупречен. Прежде всего, нужно отметить отсутствие в законодательстве каких-либо специальных норм, предусматривающих ответственность федеральных органов государственной власти за неисполнение, ненадлежащее исполнение или воспрепятствование исполнению, или частичное, несвоевременное исполнение решений Конституционного Суда РФ. В связи с этим должны быть изданы специальные нормы об ответственности за неисполнение решений Конституционного Суда, следовало бы внести изменения и дополнения в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» либо стоило бы принять отдельный нормативный правовой акт, который бы регламентировал исполнение решений Конституционного Суда РФ. К слову, попытка принятия подобного акта уже предпринималась. Так, был разработан и принят в первом чтении проект закона «Об обеспечении исполнения решений Конституционного Суда РФ» [3]. Однако после принятия Конституции РФ в 1993 г. и ФКЗ «О Конституционном Суде» ни законодатель, ни Конституционный Суд (который имеет право законодательной инициативы) так и не вернулись к этому вопросу.

Литература:

1. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 04.06.2014) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.
2. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 04.11.2014) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42. Ст. 5005.
3. Постановление ВС РФ от 01.04.1992 г. № 2635-1 «О проекте Закона Российской Федерации «Об обеспечении исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 18. Ст. 970
4. Конституция Республики Татарстан (принята 6 ноября 1992 г.) (с изменениями и дополнениями) // [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/region/cons_tatar/chapter/1/#block_1001. (дата обращения: 14.10.2015).
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 06.12.2001 г. № 250-О «По запросу Государственного Собрания — Курултая Республики Башкортостан о толковании ряда положений статей 5, 11, 71, 72, 73, 76, 77 и 78 Конституции Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
7. Интернет-интервью с В.Д. Зорькиным, Председателем Конституционного Суда РФ: «Деятельность Конституционного Суда РФ. Решения, проблемы и перспективы» // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/law/interview/zorkin3/> (дата обращения: 14.10.2015).
8. Кальяк, А. М. Самоисполнимость решений конституционных судов (на примере постсоциалистических государств) / А. М. Кальяк // Конституционное и муниципальное право. — 2006. — № 10. — с. 35–38.
9. Кокотов, А. Н. Исполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации / А. Н. Кокотов // Журнал российского права. — 2013. — № 5. — с. 90–101.
10. Лазарев, Л. Исполнение решений Конституционного Суда РФ / Л. Лазарев // Российская юстиция. — 2002. — № 9. — с. 17–19.
11. Лучин, В. О. Конституция Российской Федерации. Проблемы реализации. / В. О. Лучин. — Москва: Изд-во ЮНИТИ-ДАНА, 2002. — 687 с.
12. Нечаева, Ж. В. Вопросы эффективности исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации / Ж. В. Нечаева // Журнал конституционного правосудия. — 2008. — № 2. — с. 24–30.
13. Омаров, С. М. Проблемы исполнения Федеральным Собранием решений Конституционного Суда Российской Федерации / С. М. Омаров // Конституционное и муниципальное право. — 2012. — № 1. — с. 52–58.
14. Синцов, Г. В. Проблемы применения в судебной практике правовых позиций, содержащихся в решениях Конституционного Суда Российской Федерации / Г. В. Синцов // Российская юстиция. — 2013. — № 12. — с. 39–41.

Отдельные случаи добровольного прекращения права собственности и утраты права собственности

Колмогорова Елена Владимировна, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (г. Кингисепп, Ленинградская обл.)

Ключевые слова: право собственности, прекращение права собственности, добровольное прекращение права собственности, утрата права собственности, государственная регистрация права собственности.

Статьей 1 Гражданского кодекса Российской Федерации провозглашены основные начала гражданского законодательства. Частью 1 данной статьи задекларирована неприкосновенность собственности,

возможность обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты.

Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении принадлежащего ему имущества любые дей-

ствия, не противоречащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, в том числе отчуждать свое имущество в собственность другим лицам, передавать им, оставаясь собственником, права владения, пользования и распоряжения имуществом, отдавать имущество в залог и обременять его другими способами, распоряжаться им иным образом.

Право собственности является не только широким, но и наиболее устойчивым вещным правом, составляя основную юридическую предпосылку и результат нормального имущественного оборота. Поэтому гражданское законодательство специально регулирует не только основания приобретения права собственности (правопорождающие юридические факты — титулы этого права), но и основания его прекращения (правопрекращающие юридические факты). Последние подлежат тщательной регламентации, с тем чтобы сохранить и поддержать «прочность» права собственности в соответствии с вышеуказанным принципом.

Основания прекращения права собственности — это юридические факты, с которыми закон связывает утрату конкретным субъектом права собственности на имущество [9]

Основания прекращения права собственности определяются главой 15 Гражданского кодекса Российской Федерации. Так, статьей 235 предусмотрено, что Право собственности прекращается при отчуждении собственником своего имущества другим лицам, отказе собственника от права собственности, гибели или уничтожении имущества и при утрате права собственности на имущество в иных случаях, предусмотренных законом.

Принудительное изъятие у собственника имущества не допускается, кроме случаев, когда по основаниям, предусмотренным законом, производятся: обращение взыскания на имущество по обязательствам; отчуждение имущества, которое в силу закона не может принадлежать данному лицу; отчуждение недвижимого имущества в связи с изъятием участка; выкуп бесхозно содержимым культурных ценностей, домашних животных; реквизиция; конфискация; отчуждение имущества; обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы; обращение по решению суда в доход Российской Федерации денег, ценностей, иного имущества и доходов от них, в отношении которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о противодействии терроризму лицом не представлены сведения, подтверждающие законность их приобретения.

По решению собственника в порядке, предусмотренном законами о приватизации, имущество, находящееся в государственной или муниципальной собственности, отчуждается в собственность граждан и юридических лиц.

Обращение в государственную собственность имущества, находящегося в собственности граждан и юридических лиц (национализация), производится на основании закона с возмещением стоимости этого имущества и других убытков. То есть, фактически все основания прекращения права собственности можно разграничить на:

- 1) добровольное прекращение права собственности на имущество;
- 2) утрату права собственности по объективным причинам;
- 3) принудительное изъятие у собственника его имущества.

Под способом защиты гражданских прав обычно понимаются предусмотренные законодательством средства, с помощью которых могут быть достигнуты пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление и (или) компенсация потерь, вызванных нарушением права [7, с. 776]

В соответствии со ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации защита гражданских прав осуществляется путем прекращения или изменения правоотношения.

В данной статье будут рассмотрены несколько типичных случаев добровольного прекращения права собственности на объект и утраты права собственности по объективным причинам.

В дореволюционном законодательстве существовало понятие «отречение собственника от его права». Отречение это, конечно, должно было соответствовать всем тем условиям, при которых прекращается право по отречению; иначе оно выглядело недостаточно сильно, чтобы произвести перемену в юридических отношениях: одно фактическое отречение, одна декларация еще не прекращала права собственности. Но по дореволюционному законодательству вещь, никому не принадлежащая, считалась государственной; следовательно, при отречении хозяина вещи от права собственности она становилась собственностью государства [8]

Добровольное прекращение права собственности на имущество чаще всего происходит в результате передачи этого права другому лицу на основании договоров купли — продажи, мены, дарения и др. Возможно добровольное уничтожение вещи собственником в силу разных причин, в том числе при ее потреблении (использовании) или переработки вещи, когда право собственности на одну вещь заменяется правом собственности на другую. Лицо может также отказаться от права собственности на принадлежащее ему имущество.

В соответствии с судебной практикой, существующей в Кингисеппском муниципальном районе Ленинградской области, одним из случаев добровольного прекращения права собственности является прекращение права собственности на квартиру, признания права собственности на домовладение.

Так, решением Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 24.08.2015 года по делу

№ 2—1284/2015 удовлетворены требования истцов о прекращении права собственности на доли квартиры, признании права собственности на долю жилого дома.

Истцы в исковом заявлении указали, что имеют в общей долевой собственности квартиру, переданную им на основании договора передачи квартиры в собственности, однако, фактически у них в собственность была передана не квартира, как указано в договоре, а часть одноэтажного жилого дома. Суд, исследовав материалы дела, удовлетворяя исковые требования указал, что квартира, находящаяся у истцов в общей долевой собственности фактически представляет собой одноэтажное строение с надворными постройками, то есть домовладение. Таким образом, требования истцов были удовлетворены, было прекращено право общей долевой собственности истцов на квартиру, признано право общей долевой собственности на жилой дом с надворными постройками [12]

Как правило, после прекращения существования регистрируемого недвижимого имущества, возникает вопрос о соответствующей записи в государственном реестре регистрации прав.

Так, нередко встает вопрос о необходимости представления в регистрирующий орган собственником заявления о прекращении права собственности на первоначальный объект.

В данном случае следует исходить из положений действующего законодательства, а именно, статьей 219 Гражданского кодекса Российской Федерации установлено, что право собственности на здания, сооружения и другое вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента такой регистрации.

В соответствии с п. 1 ст. 12 Федерального закона от 21.07.1997 N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (далее — Закон N 122-ФЗ) права на недвижимое имущество и сделки с ним подлежат государственной регистрации в Едином государственном реестре прав.

В силу п. 1 ст. 16 Закона N 122-ФЗ государственная регистрация прав проводится на основании заявления правообладателя, сторон договора или уполномоченного им (ими) на то лица при наличии у него нотариально удостоверенной доверенности, если иное не установлено федеральным законом, а также по требованию судебного пристава-исполнителя.

На основании п. 2 ст. 16 Закона N 122-ФЗ к заявлению о государственной регистрации прав должны быть приложены документы, необходимые для ее проведения. Если иное не установлено данным Законом и принятыми в соответствии с ним иными нормативными правовыми актами, документы, необходимые для государственной регистрации прав, представляются заявителем.

Согласно п. 9 ст. 12 Закона N 122-ФЗ в случае раздела, выдела доли в натуре или других соответствующих законодательству Российской Федерации действий с объ-

ектами недвижимого имущества записи об объектах, образованных в результате этих действий, вносятся в новые разделы Единого государственного реестра прав и открываются новые дела правоустанавливающих документов с новыми кадастровыми номерами.

В п. 2 ст. 17 Закона N 122-ФЗ не допускается истребование у заявителя дополнительных документов, за исключением предусмотренных данным Законом, если представленные им документы отвечают требованиям ст. 18 Закона N 122-ФЗ и если иное не установлено законодательством Российской Федерации [3]

Таким образом, Закон N 122-ФЗ не содержит обязанности собственника недвижимости представлять заявление о прекращении права собственности на первоначальный объект, если он обращается в регистрирующий орган с заявлением о государственной регистрации права собственности на новые объекты недвижимости, полученные в результате изменения первоначального объекта. Во избежание нарушения прав и законных интересов собственника, регистрирующий орган обязан произвести государственную регистрацию права собственности на новый объект без запроса дополнительных документов.

В соответствии с письмом Минэкономразвития Российской Федерации от 7 июля 2014 г. № д23и-2364 «О рассмотрении обращения», в случае утраты недвижимостью свойств объекта гражданских прав, исключающей возможность его использования в соответствии с первоначальным назначением, запись о праве собственности на это имущество не может быть сохранена в ЕГРП по причине ее недостоверности. Противоречия между правами на объект недвижимости и сведениями о нем, содержащимися в ЕГРП, в случае гибели или уничтожения такого объекта могут быть устранены как самим правообладателем, так и судом по иску лица, чьи права и законные интересы нарушаются сохранением записи о праве собственности на это недвижимое имущество [5]

Таким образом, в целях государственной регистрации права собственности на новый объект не требуется представления заявления собственника о прекращении права собственности на первоначальный объект.

В случае удовлетворения исковых требований лица, имеющего притязания на объект недвижимости, регистрация признанного судом права осуществляется в общем порядке, при этом погашается запись о регистрации оспоренного права. Дополнительного решения о признании недействительности регистрации права ответчика и обязанности регистрирующего органа произвести регистрацию права истца не требуется.

Утрата права собственности по объективным причинам, т.е. не зависящим от воли собственника, встречается при гибели вещи. Право собственности по причинам, не зависящим от воли собственника, утрачивается: при потере вещи, после приобретения на нее права собственности лица, нашедшего ее или другого лица; по основаниям приобретательной давности и в других случаях, предусмотренных законом.

Гибель или уничтожение имущества возможны как в силу естественных причин (износ, использование), так и в результате воздействия внешних факторов (разного рода стихийные явления). Прекращение права собственности в связи с гибелью, уничтожением имущество возможно как по заявлению собственника имущества, так и по заявлению заинтересованных лиц.

Следует обратить внимание на избрание заинтересованными лицами способа защиты своих гражданских прав при гибели или уничтожении имущества. В данном случае защита гражданских прав не может осуществляться путем прекращения права.

В соответствии с требованиями, предусмотренными п. 52 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 года «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», а именно: в случаях, когда запись в ЕГРП нарушает право истца, которое не может быть защищено путем признания права или истребования имущества из чужого незаконного владения оспаривание зарегистрированного права или обременения может быть осуществлено путем предъявления иска о признании права или обременения отсутствующими[4]

Вновь обратимся к судебной практике. Комитетом по управлению имуществом МО «Кингисеппский муниципальный район» Ленинградской области, а затем после замены истца, произведенного в порядке процессуального правопреемства — администрация МО «Большелуцкое сельское поселение» МО «Кингисеппский муниципальный район» Ленинградской области обратились в Арбитражный суд Санкт-Петербурга и Ленинградской области с требованием к ООО «Автотранссервис» о признании отсутствующим права собственности на внутриплощадочные тепловые сети. В обоснование исковых требований было указано, что земельный участок обременен правами ответчика на внутриплощадочные сети, что препятствует осуществлению истцом полномочий по распоряжению земельным участком. Объект разрушен, уничтожен в натуре, по назначению — не используется. Доводы были подтверждены доказательствами, а именно: было указано, что решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18 сентября 2009 г., Постановлением Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № А56–11295/2009 установлено, что в результате внеплановой технической инвентаризации, проведенной Кингисеппским БТИ ГУП «Леноблинвентаризация» 24.07.2009 выявлено уничтожение объекта. Ответчиком в рамках рассмотрения дела был представлен приказ о капитальном ремонте те-

плотрассы с окончанием работ — 01.10.2010 года. Судом в 2009 году был сделан вывод о том, что ответчик обладает правом на ремонт и восстановление внутриплощадочных сетей[10]

Ответчик с заявлением о проведении земляных работ для восстановления Объекта не обращался, свое право на восстановление объекта — не реализовал. Объект не был восстановлен, линейный объект «внутриплощадочные тепловые сети» — отсутствует. Данное обстоятельство было подтверждено справкой, выданной Кингисеппским БТИ ГУП «Леноблинвентаризация».

Решением Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.04.2015 года по делу № А56–9052/2015 исковые требования были удовлетворены. Постановлением Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 23.09.2015 года Решение оставлено без изменения, апелляционная жалоба без удовлетворения. В мотивировочной части Решения и Постановления было указано, что право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат согласно пункту 1 статьи 131 Гражданского кодекса Российской Федерации государственной регистрации в едином государственном реестре органами, осуществляющими государственную регистрацию прав на недвижимость и сделок с ней. Одним из оснований прекращения прав собственности на вещь, в том числе и на недвижимую, является в силу пункта статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации гибель или уничтожение этого имущества.

В случае утраты недвижимости свойств объекта гражданских прав, исключающих возможность его использования в соответствии с первоначальным назначением, запись о праве собственности на это имущество не может быть сохранена в реестре по причине ее недостоверности. Противоречия между правами на недвижимость и сведениями о них, содержащимися в реестре, в случае гибели или уничтожения такого объекта могут быть устранены как самим правообладателем, так и судом по иску лица, чьи права и законные интересы нарушаются сохранением записи о праве собственности на это недвижимое имущество при условии отсутствия у последнего иных законных способов защиты своих прав. Объект фактически уничтожен, право собственности подлежит признанию отсутствующим [10]

Таким образом, институт прекращения права собственности является существенной составляющей функционирования рыночной экономики, придающий ей должную гибкость оснований прекращения права собственности. Под основаниями прекращения права собственности следует понимать поводы и обстоятельства, при наличии которых собственность не может существовать как вещное право[6]

Литература:

1. Конституция Российской Федерации «Собрании законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398

2. Гражданский кодекс РФ: Проспект, КноРус, 2015
3. Федеральный закон от 21.07.1997 N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (ред. от 13.07.2015) «Собрание законодательства РФ», 28.07.1997, N 30, ст. 3594
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 10 Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 22 от 29 апреля 2010 года «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». «Вестник ВАС РФ», N 6, июнь, 2010
5. Письмо Минэкономразвития Российской Федерации от 7 июля 2014 г. № д23и-2364 «О рассмотрении обращения». Письмо Росреестра от 21.07.2014 N 14-исх/08259-ГЕ/14
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) Н.А. Агешкина, Н.А. Баринов, Е.А. Бевзюк, М.А. Беляев, Т.А. Бирюкова, Ю.Н. Вахрушева, Я.С. Гришина, Р.Ю. Закиров, О.А. Кожевников, А.В. Копьев, Т.А. Кухаренко, А.П. Морозов, С.Ю. Морозов, М.М. Серебренников, Е.Г. Шадрина, А.Б. Юдина. Система КонсультантПлюс: Постатейные комментарии и книги
7. Брагинский, М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: общие положения. М., 2002. с. 776.
8. Мейер, Д.И. Русское гражданское право. Петроград: Типография «Двигатель», 1914.
9. Степанов, С.А. (под ред.) Гражданское право: В 3 т.: Учебник (том 1). «Проспект», Институт частного права», 2010. Система КонсультантПлюс: Постатейные комментарии и книги
10. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 18 сентября 2009 г., Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда по делу № А56—11295/2009
11. Решение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.04.2015 года, Постановление Тринадцатого Арбитражного апелляционного суда от 23.09.2015 года по делу № А56—9052/2015.
12. Решение Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 24.08.2015 года по делу № 2—1284/2015

Проблемы приватизации земельных участков собственниками недвижимого имущества вспомогательного назначения

Колмогорова Елена Владимировна, магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения (г. Кингисепп, Ленинградская обл.)

***Ключевые слова:** право собственности на здание, строение, сооружение; выкуп земельного участка под зданием, строением, сооружением; объект вспомогательного назначения*

Согласно пункту 1 ст. 130, ст. 131 Гражданского кодекса Российской Федерации к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства. Право собственности и другие вещные права на недвижимые вещи, ограничения этих прав, их возникновение, переход и прекращение подлежат государственной регистрации в едином государственном реестре прав.

В Гражданском кодексе Российской Федерации не имеется разделения объектов недвижимости по критериям: основные и вспомогательные. Тогда как именно вопрос целевого предназначения, использования объекта возникает в настоящее время при решении вопроса о возможности (невозможности) предоставления земельного участка в собственность собственникам таких объектов.

Земельным кодексом Российской Федерации (статьей 36 — до 01.03.2015 года, статьей 39.20 — после 01.03.2015 года) предусматривается исключительное право на приобретение земельных участков, собственниками зданий, строений и сооружений, расположенных на таких земельных участках.

Кроме того, в соответствии с нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации на протяжении длительного времени устанавливается льготная цена выкупа земельных участков под зданиями, строениями, сооружениями, находящимися в собственности граждан, юридических лиц.

Так, например, на территории Ленинградской области в соответствии с п.2, 3 постановления Правительства Ленинградской области от 25.05.2015 г. № 179 «Об утверждении Порядка определения цены продажи земельных участков, находящихся в собственности Ленинградской области, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, предоставля-

емых без проведения торгов, в Ленинградской области» установлено, что цена земельных участков при их продаже определяется как выраженный в рублях процент от кадастровой стоимости земельного участка. Размер процента устанавливается дифференцированно:

– три процента в случае продажи:

гражданам, являющимся собственниками зданий, сооружений, расположенных на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного строительства, индивидуального гаражного строительства, ведения личного подсобного хозяйства в границах населенного пункта, садоводства, дачного хозяйства, гражданам или крестьянским (фермерским) хозяйствам для осуществления крестьянским (фермерским) хозяйством его деятельности;

– пятнадцать процентов в случае продажи:

земельных участков, на которых расположены здания, сооружения, собственникам таких зданий, сооружений либо помещений в них в случаях, предусмотренных статьей 39.20 Земельного кодекса Российской Федерации и т.д. [7]

Именно наличие нормативно-правовых актов о возможности реализации права выкупа земельных участков по льготной цене породило в последние несколько лет вопросы о возможности (невозможности) приобретения земельных участков в собственность под вспомогательными объектами по льготной цене.

Из разъяснений, изложенных в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 19.03.2013 N 12668/12 по делу N А21–6529/2010, следует, что «..участники гражданского оборота склонны максимально широко применять данную статью, они нередко исходят из того, что наличие на земельном участке, находящемся в публичной собственности, любого объекта недвижимости предоставляет право его собственнику на приватизацию. Основываясь на указанной трактовке, участники гражданского оборота нередко приобретают объекты недвижимости, имеющие незначительную экономическую ценность, с целью приватизации земельных участков, находящихся под этими объектами» [13]

То есть, действия собственников таковых объектов можно, расценивать как действия, направленные на злоупотребление правом, определенном в статье 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, что запрещено действующим законодательством.

В настоящее время позиции судов общей юрисдикции и арбитражных судов являются однозначными. В решениях судов указывается, что при отсутствии на земельном участке объектов основного назначения, которые должны быть построены на этом участке, возведение на этом же участке только вспомогательных объектов недвижимости, даже при наличии государственной регистрации права собственности на них, не влечет возникновения у их собственника права на приобретение в собственность земельного участка по правилам, предусмотренным земельным законодательством.

Однако, при реализации на практике вышеуказанной позиции возникает ряд неразрешимых вопросов.

Исходя из системного толкования норм гражданского и градостроительного законодательства, а именно статьи 17 Федерального закон от 21.07.1997 N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», статьи 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации, при возведении вспомогательного объекта законодательством не предусмотрена необходимость получения разрешения на строительство, а следовательно, и разрешения на ввод в эксплуатацию объекта по окончании строительства. Законодательством предусмотрено, что право собственности на объекты вспомогательного назначения регистрируется в упрощенном порядке на основании декларации, подтверждающей создание таких объектов и содержащей их техническое описание, без представления в регистрирующий орган разрешений на строительство и последующий ввод в эксплуатацию.

В порядке статьи 25.3 Федерального закона от 21.07.1997 N122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», осуществляется государственная регистрация прав на следующие объекты недвижимого имущества:

1) объект индивидуального жилищного строительства (жилой дом), создаваемый или созданный на земельном участке, предназначенном для индивидуального жилищного строительства, либо создаваемый или созданный на земельном участке, расположенном в границе населенного пункта и предназначенном для ведения личного подсобного хозяйства (на приусадебном земельном участке);

2) создаваемый или созданный объект недвижимого имущества, если для строительства такого объекта недвижимого имущества в соответствии с законодательством Российской Федерации не требуется выдачи разрешения на строительство. Согласно статье 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации к таким объектам в том числе отнесены: строение (дачный дом, садовый дом), расположенное на земельном участке, предназначенном для ведения садоводства, дачного хозяйства; гараж, созданный на земельном участке, предоставленном физическому лицу для целей, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности; строение, сооружение вспомогательного использования, для строительства (реконструкции) которого не требуется выдача разрешения на строительство.

При государственной регистрации в упрощенном порядке права собственности на строения и сооружения вспомогательного использования не предъявляются требования к виду разрешенного использования земельного участка, на котором создан такой объект недвижимого имущества. То есть, определяющим фактором является наличие (отсутствие) необходимости получения разрешения на строительство объекта, его ввода в эксплуатацию.

В данном случае, полагаю, возникает юридическая коллизия, когда в регистрирующем органе в упрощенном по-

рядке регистрируются любые (согласно вышеуказанного перечня) объекты недвижимости, вне зависимости от целевого назначения земельного участка, а исходя лишь из наличия (отсутствия) разрешения на строительство объекта, его ввода в эксплуатацию, а граждане впоследствии не имеют возможности реализовать свои права на приобретение под данными объектами земельного участка в собственность.

Вообще, следует отметить, что, Градостроительный кодекс Российской Федерации не дает определение понятию «объект вспомогательного использования», и, в настоящее время данное понятие законодательно не закреплено. Фактически, официальная позиция по данному вопросу содержится лишь в письме Минрегиона Российской Федерации от 25.06.2009 № 19669-ИП/08, где указано, что под строениями и сооружениями вспомогательного использования следует понимать сооружения пониженного уровня ответственности по ГОСТ 27751–88 «Надежность строительных конструкций и оснований» (затем ГОСТ Р 54257–2010). К таким сооружениям относятся парники, теплицы, летние павильоны, небольшие склады и подобные сооружения. В соответствии с п. 9.1. ГОСТа Р 54257–2010 «Национальный стандарт Российской Федерации. Надежность строительных конструкций и оснований. Основные положения и требования» к сооружениям с пониженным уровнем ответственности относятся теплицы, парники, мобильные здания (сборно-разборные и контейнерного типа), склады временного содержания, бытовки вахтового персонала и другие подобные сооружения с ограниченными сроками службы и пребывания в них людей [9]

Безусловным, бесспорным критерием для отнесения строений к вспомогательным является наличие на рассматриваемом земельном участке основного здания, строения или сооружения, по отношению к которому новое строение или сооружение выполняет вспомогательную или обслуживающую функцию, а также тот факт, что здание не может самостоятельно эксплуатироваться и использоваться по целевому назначению при осуществлении деятельности отдельно от основного объекта. Однако, понятие «подобные сооружения», указанное в вышеуказанных документах, как и само понятие вспомогательное сооружение фактически является оценочным.

Законодательством не определен орган, имеющий полномочия по оценке, отнесению зданий к той или иной категории (основные, вспомогательные).

Определенную сложность вызывают ситуации, когда по разрешенному использованию земельного участка не представляется возможным определить является ли объект вспомогательным или основным. Так, разрешенное использование земельного участка — для индивидуального жилищного строительства само по себе дает понимание, что на земельном участке основным зданием должен быть жилой дом. Тогда как, на земельных участках с разрешенным использованием для ведения личного подсобного хозяйства в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 7 июля 2003 года N 112-ФЗ «О личном под-

собном хозяйстве» могут быть возведены жилые дома, производственные, бытовые и иных зданий, строений, сооружений с соблюдением градостроительных регламентов, строительных, экологических, санитарно-гигиенических, противопожарных и иных правил и нормативов [6]

В таких случаях, при решении вопроса о возможности приобретения земельного участка в собственность, необходимо исходить из системного толкования норм земельного законодательства, а именно, учитывать, помимо целевого назначения объекта, но и положения норм, указывающих на необходимость обязательного применения принципа рациональности использования земельного участка.

Так, например решениями Кингисеппского городского суда от 13.05.2015 года по делу № 2–554/2015, от 14.04.2015 года по делу № 2–682/2015 истцам было отказано в удовлетворении исковых требований о признании незаконным отказа в предоставлении в собственность за плату земельного участка, признании права на приобретение в собственность за плату земельного участка. Истцы по делам являясь собственниками бани площадью 13,3 кв.м. по одному из дел, сарая площадью 6 кв.м. по другому делу, имели на праве аренды земельные участки с разрешенным использованием — личное подсобное хозяйство, площадью 1200 кв.м. и 800 кв.м. соответственно.

Суд, отказывая в удовлетворении исковых требований, указал, что в соответствии с абзацем 2 пункта 7 статьи 36, пунктом 2 статьи 35, пунктом 3 статьи 33 Земельного кодекса Российской Федерации (в редакции, действовавшей до 01 марта 2015 года) границы, размеры земельного участка определяются с учетом фактически используемой площади земельного участка, площадь земельного участка, занятой зданием, строением, сооружением и необходимой для их использования, определяются в соответствии с требованиями земельного и градостроительного законодательства. Факта нахождения на земельном участке объекта недвижимости, принадлежащего физическому или юридическому лицу на праве собственности, недостаточно для реализации права на приобретение земельного участка в собственность. Таким образом, истцами не доказано право на приобретение в собственность земельных участков в заявленных размерах. Тогда как, размер земельного участка непосредственно связан с функциональным назначением объекта. При этом, исключительное право на приобретение земельного участка должно распространяться на экономически обоснованный размер земельного участка. При непринятии ко вниманию данного факта, возможно приведет к нарушению норм земельного законодательства и приобретению собственниками зданий, строений, сооружений земельных участков, размер которых многократно превышает площадь недвижимости и земли, необходимых для эксплуатации, без проведения аукционов в установленном законодательством порядке [14, 15]

Таким образом, при рассмотрении вопроса о реализации собственниками зданий, строений, сооружений, установленного законодательством, права на приобретение земельного участка в собственность необходимо

учитывать многие факторы. Кроме того, возможно, требуются не только разъяснения судов по вопросам применения норм действующего законодательства, но и внесение изменений в ряд нормативно-правовых актов.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации «Собрание законодательства РФ», 04.08.2014, N 31, ст. 4398
2. Гражданский кодекс РФ: Проспект, КноРус, 2015
3. Земельный кодекс РФ. «Собрание законодательства РФ», 29.10.2001, N 44, ст. 4147. (с изм.). Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 06.10.2015
4. Градостроительный кодекс РФ. «Собрание законодательства РФ», 03.01.2005, N 1 (часть 1), ст. 16. (с изм.) Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 22.07.2014.
5. Федеральный закон от 21.07.1997 N 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» (ред. от 13.07.2015) «Собрание законодательства РФ», 28.07.1997, N 30, ст. 3594
6. Федеральный закон от 7 июля 2003 года N 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» «Собрание законодательства РФ», 14.07.2003, N 28, ст. 2881
7. Постановление Правительства Ленинградской области от 25.05.2015 г. № 179 «Об утверждении Порядка определения цены продажи земельных участков, находящихся в собственности Ленинградской области, и земельных участков, государственная собственность на которые не разграничена, предоставляемых без проведения торгов, в Ленинградской области». Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 01.06.2015
8. Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 22 ноября 2013 г. N 1791-ст «Изменение № 1 ГОСТ Р 54257–2010 «Надежность строительных конструкций и оснований. Основные положения и требования». ИУС «Национальные стандарты», N 3, 2014
9. Письмо Минрегиона РФ от 25.06.2009 № 19669-ИП/08 «О проведении государственной экспертизы проектной документации отдельных объектов капитального строительства»
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) Н.А. Агешкина, Н.А. Баринов, Е.А. Бевзюк, М.А. Беляев, Т.А. Бирюкова, Ю.Н. Вахрушева, Я.С. Гришина, Р.Ю. Закиров, О.А. Кожевников, А.В. Копьев, Т.А. Кухаренко, А.П. Морозов, С.Ю. Морозов, М.М. Серебренников, Е.Г. Шадрин, А.Б. Юдина. Система КонсультантПлюс: Постатейные комментарии и книги
11. Журнал «Финансовый вестник: финансы, налоги, страхование, бухгалтерский учет», 2011, N 7
12. Журнал «Строительство: бухгалтерский учет и налогообложение», 2014, N 5
13. Постановление Президиума ВАС РФ от 19.03.2013 № 12668/12 по делу № А21–6529/2010
14. Решение Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 13.05.2015 года по делу № 2–554/2015
15. Решение Кингисеппского городского суда Ленинградской области от 14.04.2015 года по делу № 2–682/2015

Уголовно-правовая характеристика простого убийства

Колокольцева Кристина Александровна, студент
Тюменский государственный университет

Убийство, предусмотренное ч.1 ст. 105 УК, или «простое» убийство, является так называемым основным составом данного вида преступлений.

По ч.1 ст. 105 УК подлежит квалификация убийства, совершенные без отягчающих обстоятельств, указанных в ч.2 этой статьи. Однако формулировка закона недостаточно полно характеризует «простое» убийство. Для квалификации необходимо отсутствие не только отягчающих, но и смягчающих обстоятельств, влекущих применение ст. 107 и 108 УК РФ.

В ч.1 ст. 105 УК не приводятся конкретные признаки объективной стороны данного вида убийства за исключением общего указания на то, что она состоит в умышленном причинении смерти другому человеку.

Пленум Верховного Суда РФ в п. 4 постановления от 27 января 1999 г. Среди убийств, подлежащих квалификации по ч. 1 ст. 105 УК назвал, например, совершенные в соре или драке при отсутствии хулиганских побуждений, из ревности, по мотивам мести, зависти, неприязни, ненависти, возникших на почве личных отношений [2].

При исследовании мотивов и обстоятельств убийства, дающих основания для применения ч.1 ст. 105 УК, необходимо учитывать, что они не имеют самостоятельного значения для квалификации. Например, установление мотива ревности при совершении убийства вовсе не исключает его квалификации по ч.2 ст. 105 или по ст. 107 УК в зависимости от наличия отягчающих либо смягчающих обстоятельств, влияющих на квалификацию.

Вместе с этим не означает, что мотивы и обстоятельства, при которых применяется ч.1 ст. 105 УК, не должны выясняться и исследоваться по каждому уголовному делу. Они могут служить определенным ориентиром при решении вопроса о квалификации убийства. Их анализ может помочь более глубоко и полно уяснить конкретную обстановку убийства, что важно для назначения наказания и для установления и устранения причин убийств и условий, способствующих их совершению [4].

В общем виде уголовно-правовая характеристика простого убийства выражается в следующем.

Непосредственным объектом такого убийства являются общественные отношения в сфере обеспечения безопасности жизни человека (жизнь человека).

Объективная сторона выражается в противоправном лишении жизни другого человека и может характеризоваться как действием, так и бездействием (неисполнение обязанностей по уходу за престарелым и т.п.). Состав материальный — преступление считается оконченным с момента смерти жертвы.

Субъект преступления — физическое вменяемое лицо, достигшее 14 лет (ч. 2 ст. 20 УК РФ).

Субъективная сторона — прямой или косвенный умысел (покушение на убийство возможно только с прямым умыслом).

Итак, **убийство из ревности**. Во всех случаях данного убийства ревность выступает как низменное, эгоистическое, хоть и естественное для каждого человека чувство, не смягчающее убийство. При этом не имеет значения, были ли у виновного основания для ревности, в данном случае важен лишь сам мотив. Чаще всего подобные убийства возникают на почве эротической ревности, которая представляет собой совокупность специфических человеческих чувств, таких как зависть, ненависть, злоба, тревога, гнев, отчаянность, страсть, жажда мести и т.д. Зачастую она сопровождается мучительными сомнениями, сложными проявлениями в интеллектуальной и волевой сферах, многообразием форм поведения, в том числе общественно опасного. При расследовании подобных дел необходимо выяснить характер ревности. Все дело в том, что бывает ревность, не исключающая вменяемости, а бывает и такая, которая граничит с душевной болезнью, поэтому, если убийство совершается во втором случае, то не исключена и полная невменяемость лица, совершившего это убийство.

В большинстве случаев поводом к убийству из ревности служит реальная или мнимая измена любимого человека. Возможны и другие случаи: отказ заключить брак, продолжать интимные отношения и прочее. При

этом может показаться, что во всех этих случаях мотивом убийства является месть, но стоит учесть тот момент, что месть в данном случае возникает на почве ревности, а поводом для ревности служит измена или неразделенная любовь. Практически для квалификации убийства по ч.1 ст. 105 УК РФ разграничение мотивов мести на почве личных неприязненных отношений и ревности не имеет значения, так как в любом случае применяется данная норма. Однако и в этом случае нельзя исключать необходимость установления действительного мотива убийства, могущего оказать влияние на назначение наказания.

В некоторых случаях убийство из ревности может быть совершено в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного циничными действиями со стороны другого лица, например, измена этого лица в присутствии виновного. Для разграничения подобных ситуаций важно выяснить, как возник умысел на убийство — неожиданно или он вынашивался постепенно. В данной ситуации в первом случае не исключена возможность применения ст. 107 УК РФ, во втором — только ч.1 ст. 105 УК РФ [3].

Убийство из мести. Мечь — это совершение зла за причиненное зло. Совершая зло другому человеку по принципу «око за око», виновный как бы желает восстановления справедливости в отношении себя, что, однако, не может в какой-либо степени быть признано смягчающим обстоятельством. При этом зло или обида, за которые виновный мстит, не являются объективным явлением, здесь важно лишь то, что виновный сам считает поступки потерпевшего злыми и обидными в отношении себя самого. Объективно же действия лица, которому мстят, могут не содержать ни зла, ни обиды. Мечь возникает на почве межличностного конфликта, когда лицо отвергает возможность его решения «мирным» путем, предпочитая «силовой» вариант.

На практике поводом убийства из мести могут послужить различные действия потерпевшего, при этом как правомерные, так и нет: оскорбление или насилие, недостойное поведение, желание оградить себя от виновного и прочее. При этом месть может возникнуть в результате таких действий потерпевшего, которые не причинили и, с точки зрения общепризнанных правил поведения, не могли обидеть или причинить какое-либо зло виновному в силу своей малозначительности. В данном случае возникает необходимость отграничить убийство из мести, возникшей на почве личных отношений, от убийства из хулиганских побуждений. Для этого нужно выяснить, действительно ли был сколько-нибудь весомый повод для мести.

Следует отграничивать также убийства из мести, возникшей на почве личных отношений, от кровной мести и мести в связи с осуществлением потерпевшим своего служебного или общественного долга (здесь разграничение проводится по правилам, описанным выше), а также от убийства в состоянии аффекта или при превышении пределов необходимой обороны. В последнем случае хоть и присутствует мотив мести, но нужно, все-таки, решать

вопросы о квалификации данных убийств в совокупности со всеми обстоятельствами совершенного преступления [3].

Убийство в драке или ссоре. Подобные убийства прямо не предусмотрены в ч.1 ст. 105 УК РФ, и, кроме того, совершение убийства при таких обстоятельствах отнюдь не исключает иную квалификацию. Только при отсутствии отягчающих и смягчающих обстоятельств можно квалифицировать подобные действия по ч.1 ст. 105 УК РФ, ибо, с одной стороны, лишение жизни в подобных ситуациях возможно и в состоянии аффекта, и при превышении пределов необходимой обороны, и в состоянии необходимой обороны, и по неосторожности; а с другой стороны, необходимо исходить из того, каковы мотивы убийства, т.к. ссора или драка не исключает наличие мотивов, влекущих признание убийства совершенным при отягчающих обстоятельствах, поскольку драка или ссора нередко оказываются лишь поводом для того, чтобы обострить отношения с потерпевшим, а затем совершить убийство.

Необходимо подчеркнуть, что для правильной квалификации убийств во время драки или ссоры, важно не механически констатировать данные обстоятельства, т.к. они не являются тем моментом, который оказывает решающее влияние на квалификацию этого убийства, а указывает лишь на обстановку его совершения, необходимо выяснять мотивы этого преступления.

Очень часто в подобных ситуациях возникает вопрос о разграничении простого убийства от совершенного при отягчающих обстоятельствах (из хулиганских побуждений). В данном случае очень осторожно нужно подходить к вопросу о том, кто был инициатором или активным участником драки или ссоры. Бытует мнение, что если виновным оказывается зачинщик или активный участник драки или ссоры, то он действует из хулиганских побуждений, а если он таковым не является, то налицо «простое» убийство. Данное мнение не совсем верно, т.к., все-таки, независимо от того, кто был зачинщиком, не исключаются как хулиганские побуждения виновного, так и состояние аффекта или превышение пределов необходимой обороны. Здесь очень важное значение имеет мотив совершения убийства.

Другие виды «простого» убийства. Убийство, совершенное виновным в связи с неправомерными действиями

потерпевшего, которые исключают применение ч.2 ст. 105, ст.ст. 107, 108 УК РФ, также квалифицируется по ч. 1. Ст. 105 УК РФ.

К такому виду убийства могут относиться, также убийства, совершенные в результате неправомерного применения оружия представителем власти либо лицом, охраняющее государственное, общественное имущество, при не исполнении потерпевшим их законных требований.

Также это те убийства, которые оказываются совершенными при преждевременной обороне. В этих случаях отсутствует нападение, следовательно, такое убийство не может быть признано совершенным как в состоянии необходимой обороны, так и при превышении ее пределов.

К убийству без смягчающих и отягчающих обстоятельств (простому убийству), предусмотренному ч.1 ст. 105 УК РФ относится и так называемые убийства из сострадания, хотя и с учетом смягчающего обстоятельства, указанного в п. «д» ч.1 ст. 61 УК РФ. Здесь, если убийство происходит по просьбе потерпевшего или из сострадания и не содержит в себе признаков, указанных в ч.2 ст. 105 УК РФ (например, убийство из корыстных побуждений, когда лицо, убивая больного человека, желает избавиться от материальных затрат по уходу за ним), оно должно квалифицироваться по ч.1 ст. 105 УК РФ [3].

Анализ следственной и судебной практике показывает, что есть основания отметить некоторые чаще всего встречающиеся обстоятельства, отягчающие или смягчающие убийство, в сочетании с обстоятельствами, характерными для применения ч.1 ст. 105 УК РФ: например, ревность с хулиганскими побуждениями, а также состоянием аффекта; месть на почве личных отношений с хулиганскими побуждениями, кровной мстью, а также состоянием аффекта либо превышением пределов необходимой обороны; ссора и драка с хулиганскими побуждениями особой жестокостью, а также с состоянием аффекта, либо превышением пределов необходимой обороны; именно в этих случаях преимущественно допускаются ошибки при разграничении преступлений, предусмотренных ч.1 ст. 105, с одной стороны, и ч.2 ст. 105, ст. 107 и ч.1 ст. 108 УК — с другой.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. Принят 24 мая 1996 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 года № 1 (в ред. от 03.03.2015 г. № 9) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Беляев, В. Г. Вопросы квалификации убийств. Волгоград, 1994.
4. Бородин, С. В. Преступления против жизни. М., 1999.
5. Плаксина, Т. А. Уголовная ответственность за убийство: Часть 1. Общие вопросы ответственности за убийство. Барнаул, 1998.

The Exertion and Legislative Improvement to the Co-owned Patent Right in China

Li Jie, PhD candidate, International Law
China University of Political Science and Law (Beijing)

Ли Дзье, кандидат наук по международному праву
Китайский университет политики и права (г. Пекин)

The system of the co-ownership has a long period of history, and relevant provisions are comparatively improvement in the China's Civil Law and regulation. In fact, in aspects of application, independent implementation, licensed use, transfer and judicial protection, the co-owned patent has significant particularity. The current China's Patent Law, Contract Law and Property Law have already made general regulation and provision on that, but they did not fully concern more about the particularity that the ownership of patent has. As a result, the exertion of the co-ownership by owners always comes across legal obstacles normally in practice. In order to further research as well as constantly improve the system for the co-owned patent, throughout the comparison with the proprietorship seems to be necessary as well as analysis the particularity of the ownership of patent. Additionally, relevant regulation and provision to the co-owned patent should also be sorted out, while analysis the existing problems. Therefore, in recognition of the formation of right, implementation, right to dispose, protection and other aspects, some effective and efficient proposal for improvement is supposed to express about the issue of ownership of patent.

Key words: co-owned patent, proprietorship, implementation of patent, right to apply for the patent.

Introduction

In practice, the co-owned patent is actually important form for patent, being existed. Independent inventions are definitely important, but for developing country like China still has majority of significant patent technology projects, their implementation cannot go anywhere fast without cooperation and collaborative innovation by multiple communities or individuals, precisely, such as specific ways like combination involving production, teaching & research as well as commissioned research. Therefore, it seems to be essential and may have far-reaching applications in solving legal issues in the process of formation and implementation for ownership of patent. The so-called ownership of patent refers to right of patent that two or more subjects could lawfully own together for one invention-creation. And it has particular legal characteristics stated as following:

Firstly, diversity of subject, namely, the subject for the ownership of patent is commonly two or more.

Secondly, the unity of the object, namely, invention is object for ownership of patent.

Thirdly, the coordination in the exertion of the right, namely, the exertion of the patent should be negotiated congruously by co-owners. In fact, there should be restrictions if anyone of co-owners is supposed to exercise the right independently, and the restriction is that the exertion of the right should be on the basis of addressing well the interests among each co-owners of the patent. In all conscience, different content of right also has different provisions, some rights are supposed to be unanimity by all co-owners; each part is not able to exercise independently [1].

Fourthly, the co-owned patent has dual character in terms of its contents, that is to say, internally co-owners exercise rights as well as fulfills obligations in accordance with their

portions; while as a subject externally, is intimately bound up with right user and infringer.

1. Particularity of the co-owned patent

In recognition of the perspective of nature, the patent is a kind of property right with monopoly, and it has something in common with the ownership of property. Therefore, legal regulation and provision for co-ownership of property are also worth being as reference for regulating the co-owned patent. Throughout comparison with the co-ownership of property, the particularity of the co-owned patent is able to be analyzed objectively.

1.1 The co-owned patent and the co-ownership of property belong to the same hierarchy

In China, there is no too much discussion on the relationship between the co-owned patent and the co-ownership of property, the mainstream view is that two rights are the relation of inclusion, resulting from the fact that patent right belongs to a lower level of ownership right. Some scholars and experts consider that the intellectual property is a civil right, and it is one form of the ownership right and a special kind of ownership right [2]. I personally beg to differ, it can be seen from all regulations and provisions from most countries over the world, the intellectual property is excluded from the object of the ownership of property, and there is specific law to adjust the intellectual property. Therefore, these two rights are supposed to belong to the same hierarchy [3]. Although the intellectual property is always defined as a civil right in the China's legislation and civil law theory, and it sorts to a right adjusted by civil law together with personality right, property right and credit right, in fact, patent right and ownership right

are component elements of intellectual property and ownership of property respectively, there is a parallel relationship between them and they belong to the same hierarchy.

1.2 The difference between the co-owned patent and the co-ownership of property

First of all, objects of the two kinds of co-ownership are not the same. In general, object is the transitive right for the co-owned patent, however, the object of the patent has particularity, which is reflected in the following aspects: On one hand, it is a technical proposal without materiality, although such technical proposal needs to be carried by properties, the carrier for carrying such technical proposal is not an object, that is to say, the object for the co-owned patent is intangible. On the other hand, the object of the patent has the particularity of inseparability, which is different from the fact that, the object of the co-ownership of property is divisible.

In addition, these two kinds of co-ownership also have different contents and scope of the right. The co-ownership is a typical ownership of property, and it includes rights, namely, right of possession, use, usufruct and disposition. On the contrary, the scope for the co-owned patent is not only wide in range, but also still in the ever-changing, precisely, the co-owned patent includes not only rights of manufacturing, distribution, offering for sale, import, licensing for use and transferring, but also rights from the perspective of prohibited provisions, on the basis of the China's Patent Law.

Furthermore, two kinds of co-ownership have different expression of value. Objectively, the major value for the ownership of property refers to the evaluation of 'object or substance', so its value is naturally as similar as the so-called 'object or substance', and the relevant evaluation system and methodology about the 'object or substance' seem to be relatively mature enough. Otherwise, the value for the co-owned patent does not stand for the value of the patent alone, that is the cost of the patent, and it is the expected value, depending on the benefits that may be arisen throughout the implementation of the patent.

Last but not the least, the confirmation forms for two kinds of co-ownership is not same. The patent is a right that is requested to disclose technology as condition, to protect the right as the content as well as get the nation's authorization as basis. Acquisition of right needs to be on the basis of legal regulations with lawfully application, formal examination, disclosure and authorization. However, the co-ownership of property is mainly confirmed throughout legal acquisition and possession.

2. Sort of relevant legislation for China's co-owned patent

There are clear regulations and provisions for the co-owned patent in China's Patent Law, for the procedure of patent exertion after the process of application and approval, principle of contract priority is also applied properly. That is, co-owners of the patent implement to prevail if there is an agreement. Each of the co-owners is able to implement

separately or license to others for implementation in ordinary licensing, if there is no ostensive agreement. However, proceeds belong to each of the co-owners who once implemented the right, while the charge for use should be distributed among the co-owners if licensing others to implement the patent in ordinary way. In addition, if one of co-owners is supposed to implement the co-owned patent in any other ways, obtaining the consent of all co-owners is necessary [4]. Such provision in Article 15 of China's Patent Law although stipulates quite wide in range, but there is no specific and clear definition for the meaning of 'implementation'. Therefore, it seems to be much more difficult to create regulations with operability for application, specific form to implement, specific action of disposition and protection for the right.

2.1 Regulation to application for the co-owned patent

The Article 8 of the China's Patent Law stipulates that, the right to apply for patent belongs to unit or individual of cooperation, for invention and creation completed by cooperation [5]. And the Article 15 also stipulates that, the exertion to application for the co-owned patent should be subject to the consent of other co-owners, in case of no agreements [6]. In the meantime, the Article 340 of the China's Contract Law stipulates that the ascription of the right to apply for patent should compliance with the principle of agreement priority for invention and creation completed by cooperation, and the right belongs to co-owners if there is no agreement in advance; additionally, the right to apply for patent is able to be transferred, and other co-owners have pre-emptive right [7]. However, the existing law and legal regulations have difficulties to cover all issues in practice, for instance, if research and development collaboration applicants cannot reach a consensus on the application, how could each co-owner apply separately? And, how to seek advice from collaboration subjects to apply for patent if one has been lost contract with others? Such questions still should be concerned about carefully by relevant authorized legislator.

2.2 Regulation to implement the co-owned patent

In recognition of the implementation for the co-owned patent, it consists of forms like independent implementation and implementation of licensing to others.

First of all, Article 15 of the China's Patent Law has stipulated that if there is an agreement about independent implementation among the co-owners, implementation should obey the agreement; if there is no prior agreement, each of co-owners is able to implement independently, and the income of the implementation belongs to the one who implemented, without assignment among all co-owners [8]. And such provision reflects the principle that 'who implements, who earns'. However, taking patents completed by university-enterprise collaboration as examples, enterprise has better conditions to implement independently than university, gen-

erally, there is supposed to be agreement signed by contract about independent implementation and implementation returns for both university and its cooperative enterprise; and disputes will be easily occurred if there is no agreement contrarily, and it consequentially involves issue of reasonable allocation for proceeds after the independent implementation. In order to strengthen the combination of production, teaching and research as well as mobilize the enthusiasm of universities to participate research and development, provisions concerned about the independent complementation of co-owners for the co-owned patent need to be redefined while the modification of the related law.

Secondly, the right of licensing implementation should also be laid emphasis on. Precisely, the Article 15 of China's Patent Law approved that each of co-owners is able to implement the general licensing independently, but the proceeds should belong to co-owners. Such specific provision also stipulates that the income belongs to people who have ability to implement independently, and other co-owners cannot enjoy the distribution of benefit. However, the income after the independent implementation throughout general licensing by the one who does not have the ability of independent implementation, can nevertheless be distributed by other co-owners. That is something controversial to demonstrate through critical argument.

2.3 Regulation to the right of disposition for the co-owned patent

In aspects of the right to transfer the co-owned patent, the China's Patent Law emphasis the principle of consensus on it. However, there is no right of first refusal for other co-owners and additional terms in case of inconsistent negotiation in such provision; as a result, the transformation of the co-owned patent is seriously affected in a negative way consequently. In fact, it is not as easy as imagined to achieve consensus, and the selection of assignee will influence other co-owners' proceeds in a certain extent, so it is important and necessary to provide other alternative approaches if negotiation fails.

In aspects of the right of pledge for the co-owned patent, there are specific provisions on such statute involved in China's Assurance Law, Patent Law and Property Law respectively. China's Assurance Law clearly defines that the intellectual property is able to be set as collateral pledge, and it also stipulates effectiveness of the pledge and form of establishment, resulting in providing legal protection for taking full advantage of intellectual property. Additionally, the China's Patent Law has specific provision about the right of pledge for co-owned patent, and the exertion of such right needs the consent of all co-owners. However, China's Property Law just stipulates issue about the right of pledge for patent right and there is no statement about the exertion of the pledge for the co-owned patent. In recognition of setting pledge for patent, during the validity period for the settled patent of pledge, pledgor should award the consent of the

pledgee if he is supposed to implement the right of licensing to use and transferring; If the pledgee allows pledgor to license or transfer, the revenue should be used for prepaying the debt to pledge, and even withdrawing.

In terms of the abandonment about the right of application and disposition for the co-owned patent, related provision in China's current law and legal regulation does not interfere the issue of abandoning the right of application and disposition for the patent by co-owners. While concerning about the issue of abandonment to the right of application for patent, the Article 340 Paragraph 2 of the China's Contract Law stipulates that, for the collaborative research and development projects, if anyone of the co-developers is not supposed to participate the application for the co-owned patent, other partners of the collaborative project are allowed to apply independently; otherwise, for the development of inventions under collaboration, whether it successfully applied for the patent, partners that even did not participate the application for the patent, they are still able to independently make full use of the technological achievements or patented technology developed collaboratively [9]. In the meantime, China's Patent Law just stipulates on the right of patent disposition, that is, co-owners of the co-owned patent have to request the consent of other co-owners if they are supposed to abandon the quotient that belongs to them.

Therein lies the problem. Faced with the reality about the existence of the co-owners' abandonment for rights, whether it is available to registered, copying from the procedure of patent transferring? Once co-owners abandoned the right of application, what does the right belong to, other co-owners, the nation or in the public domain? China's Patent Law stipulates that the abandonment of right requests other co-owners' consent, but how to define the specific way or approach for abandonment as well as the consent by other co-owners? Such questions are not covered or stated as provisions in related law in China currently.

2.4 Obligation of maintenance and judicial protection for the co-owned patent

After patentee got the patent, they not only have rights to manufacture, sale, use and import, but also have obligation to maintain the patent right and there is no exception for all patentees of co-owned patent. In the obligation of maintenance, fees for maintaining patent should be paid, according to related regulations, if anyone of the co-owners does not pay, does it mean the abandonment of patent right? On the other hand, if someone indicates that the patent right is invalid, and legal validity needs to be maintained, if anyone of co-owners does not participate the maintenance, can it be considered as the abandonment of patent right? In accordance with two circumstances above, such obligation has equal validity for all co-owners [10]. In practice, the Article 15 Paragraph 2 of the China's Patent Law just stipulates that the maintenance of the co-owned patent requests the consent of other co-owners, which reflects requirement of the

common obligation for co-owners of co-owned patent. Unfortunately, the current law and legal regulation do not make clear provisions about it, but such issue has mentioned in the latest draft for the Revision of China's Patent Law.

Another important issue that is necessary to concern about is the judicial protection for the co-owned patent. There are many factors lead to the difficulties for guaranteeing the protection in case of infringement. Firstly, related provision for the infringement of co-owned patent in China's Patent Law seems to be unreasonable, it stipulates that the litigation requests the consensus by all co-owners, which denied the right to take judicial proceedings independently by anyone of co-owners. Secondly, after the co-owned patent was infringed, that part of co-owners did not participate the litigation will affect the right relief. Thirdly, part of co-owners did not participate the litigation without abandoning their right, only enjoying the allocation of tort compensation after the success in protection without assuming the risk of litigation, and that may play a negative role in affecting the enthusiasm of initiative legal activist. On the face of it, solving these issues from the legislation is very necessary.

Throughout combing and analysis, it can be seen that, although there are some provisions are intimately bound up with the legal protection of co-owned patent in China's Patent Law, Contract Law and Property Law, they are still not enough to solve coming soon latest specific arisen issues. Therefore, Contract Law and Property should be harmonized with Patent Law based on legislative perspective; Unreasonable provisions about co-owned patent in Patent Law also need to be improved in due time; Some specific provisions that are not able to be addressed by Patent Law, like rules for the implementation of co-owned patent, can be clearly defined throughout specific implementing regulations of Patent Law, which seems to be as similar as rules for the exertion of co-owned property that should be reflected on the Property Law [11].

3. The improvement of Improvement to the Co-owned patent in China

As the right of co-owned patent exists objectively, appropriate system is supposed to be designed on such right in accordance with current law provisions.

3.1 Legislation on the right to apply for co-owned patent

In China, the right to apply for patent is intimately bound up with the patent right, only applicant is able to be the owner of the registered patent, as a result, provisions about the right to apply for the co-owned patent is so crucial. It can be seen that specific provisions concerned about the all inventors own the right to implement the application of patent in aspects of joint inventions in the China's Patent Law are reasonable. However, if each one of co-owners has difficulties to participate in joint application in time due to objective excuses, rel-

evant provision in American Patent Law can be cited as reference, which accepted the legitimacy of adding to participate by the one who was absence afterwards; Meanwhile, for the issue that non-co-inventors were added into the group of co-applicant, the nature of specific details should be identified and classified, which means some of them will be responsible for criminally responsibility if there is fraudulent intentions, and some of them will be removed by the Patent Office after the request by other co-owners if there is no fraudulent behaviors. As far as I am concerned, I personally consider that there should be a series of related provisions, which are supposed to have far-reaching applications in addressing issue of patent ownership disputes caused by commissioned inventions: Firstly, the right to implement the application of patent independently should be given to co-owners, while other co-inventors also must be added as co-applicants. Secondly, other co-owners should be given specific right of pre-emption for application of patent, on the basis of the transferring application of patent lawfully; meanwhile, the inconsistency on provisions about application of patent between the Patent Law and Contract Law needs technical processing timely. Thirdly, each one of co-owners should state the abandonment for application of patent with written statement, and other co-owners can implement the application of patent, however, the one who abandons the application of patent can still be free to implement throughout obtaining the patent by application afterwards.

3.2 The improvement of legislation for the right to implement the co-owned patent

In recognition of the right to independently implement the co-owned patent, China's Patent Law stipulates that co-owners of the patent are able to implement and earn incomes independently. However, such provision for a few co-owners who are not able to implement independently or temporarily do not have capacity to implement independently, seems to be unfair obviously. One Chinese famous scholar, professor Zheng Chengsi had ever considered that the reasonableness of such provision is supposed to be interpreted in accordance with the object sharing of the intellectual property. And such provision exactly has a certain amount of reasonableness on the basis of the legislative objective that is to encourage and promote the practical application of patent [12]. As far as I am concerned, I personally consider that, firstly, the to implement the co-owned patent should be complied with the principle of agreement priority; secondly, each one of co-owners is able to implement independently if there is no agreement by anticipation, but any embodiments are requested to notify other co-owners, in order to protect other co-owners' right to know [13]; thirdly, in view of the principle of fairness, under the premise that the right to implement independently is permitted to be presence, co-owners who do not have capacity to implement independently should be permitted to enjoy the right of general licensing implementation.

In practice, in aspects of the exertion to the right of co-owned patent licensing implementation, there are still several controversial issues. Firstly, whether the co-owners enjoy the right of licensing implementation, in another word, whether one of co-owners, who exercises the right of licensing implementation, should be subjected consistently by other co-owners. Secondly, how to define and classify the specific content for the right of licensing implementation? Thirdly, could the co-owner who has already enjoyed the right to implement independently still enjoy the general right of licensing implementation? Fourthly, should the income earned from exercising the general right of licensing implementation be allocated among co-owners? Under such circumstance and concerned about questions above, China's Patent Law not only gave the general right of licensing implementation to co-owners, but also stipulated that incomes earned from the licensing implementation should be allocated among co-owners.

For such controversial question whether each one of co-owners can enjoy the right of licensing implementation, other countries beside China stipulate specific preconditions that they should be agreed by other co-owners. And throughout objective analysis, the reason could be concluded that licensing implementation is likely to influence the exercising effect for the right of independent implementation, more precisely, it may increase the number of competitors to the one of co-owners who implemented independently, or it may reduce the market share of the patented products. That is to say, it seems to be almost impossible to obtain the consent of licensing implementation by other co-owners. Thus, it must inevitably ignore the proceeds of co-owners who do not have capacity to implement independently, and it is unfair obviously [14]. By contrast, therefore, China's Patent Law gives general right of licensing implementation to each of co-owners is comparatively reasonable and appropriate.

In recognition of the allocation for the charges of general licensing, there are three types of existing proposals as following: firstly, co-owners who exercise the general right of licensing implementation should give reasonable compensation to other co-owners, referring to the related French Patent Act as a reference; secondly, co-owners who exercised licensing implementation are permitted to obtain the proceeds exclusively, in accordance with the existing program for co-owners in China, which is 'once implemented independently, then enjoys proceeds exclusively'; thirdly, on the basis of specific provisions in China's Patent Law, the proceeds are supposed to be allocated among co-owners. As far as I am concerned, I personally recommend that existing provisions need modification in certain extent, which had better be consistent with specific regulation of 'once implemented independently, then enjoys proceeds exclusively', which means to permit the co-owners who exercise licensing implementation to use the proceeds. If provisions can be modified like what I mentioned above, it seems to not only promote the full application of the patented technology, but also guarantee the empirical fairness to co-owners without

capacity to implement independently as well as avoid disputes caused by the distribution of incomes.

On the issue whether each one of co-owners is able to exercise licensing implementation exclusively, related provisions in the China's Property Law can be withdrawn, 'if each one of co-owners is supposed to dispose the co-owned immovable property or movable property as well as make major repairs for the co-owned immovable property or movable property, the one should be subjected to the consent by all co-owners or several co-owners whose shares are more than two-thirds, excluding if co-owners have agreed otherwise' [15]. As far as I am concerned, I personally consider that such provision had better be stipulated more niche targeting on the basis of practical experiences, more precisely, the one of co-owners who exercises the right should be subjected to the consent by majority of co-owners, and he or she also needs to notify other co-owners the licensing time, scope, cost and so on, then the licensing revenue should be allocated among co-owners properly. Meanwhile, concerning about the exclusive licensing mode, it does not influence independent implementation by co-owners, but other co-owners' general right of licensing implementation will be cancelled, so that is why it is so important and necessary to be subjected to the consent by majority of co-owners.

In terms of exclusive licensing others to implement co-owned patent, it almost has the similar effects with the patent transferring, except for the consequence that co-owners do not lose patent right. Therefore, any one of co-owners once intended to implement exclusive licensing to use, he or she should be subjected to the consent by all co-owners consistently, or in another word, the right to implement exclusive licensing should be done under joint implementation. And the charges for using the exclusive licensing also should be allocated among co-owners properly.

3.3 The legislative improvement for the disposition right of co-owned patent share

In aspects of the disposition right of co-owned patent, it mainly represents the transfer of right on holding shares by co-owners. Firstly, China's Patent Law stipulated that the disposition right of co-owned patent should be subjected to the consent of all co-owners consistently. However, as far as I am concerned, I personally consider that such provision seems to be comparatively inappropriate especially in practice. More precisely, on one hand, the disposition right of co-owned patent does not influence the profits and proceeds of other co-owners, the endorser who is supposed to transfer right, only needs to register with transferring agreement of co-owned patent at the State Patent Office in China; on the other hand, the majority of assignee is very familiar with co-owned patent and has capacity to implement independently, and that definitely plays dominant role in promoting the application of patent. The possibility of successful transferring is supposed to be reduced inevitably if there is a compulsory requirement to obtain other co-owners' licensing. Recently,

patent law in France and Spain authorized any co-owners are able to implement transferring right without obtaining the consent of other co-owners, and that is worth being cited as reference for the improvement of China's Patent Law. Secondly, in recognition of independent implementation of transferring right by co-owners, in the meantime, other co-owners are able to enjoy the pre-emptive right in a certain period of time, according to related provision [16]. And the settlement for the deadline could be calculated from the date of noticing co-owners in advance, which is cited from related provisions in French and Spanish Patent Law.

In recognition of the abandonment for the share co-owned patent right, the Article 15 of the China's Patent Law stipulates that any co-owners of the patent should obtain the consent of other co-owners before abandoning their shares [17]. However, there is no provision about the ascription for abandoned shares. I personally recommend that, firstly, the abandonment of co-owned patent right by co-owners should be legally recognized and there is no need to obtain the consent by other co-owners; secondly, some scholars considered that abandoned shares should belong to the state in accordance with the theory of co-ownership right, but I personally consider that is adverse to promote the application of co-owned patent, and the abandoned share of co-owned patent should belong to other co-owners throughout utilizing legislative experiences from France, and those shares will take effect after registration in patent authorities [18]; thirdly, because there is no specific provisions about the ascription of abandoned shares of co-owned patent in both China's Property Law and Patent Law, related provisions in Japan's Civil Code is able to be cited and utilized to modify related provisions for the improvement, such as the abandoned shares by share-owners should belong to other co-owners [19]; fourthly, any co-owners who have already abandoned the right to apply for the patent, can still implement the patent without being recognized as infringement after the patent is approved.

3.4 The legislative improvement of maintenance and judicial protection for the co-owned patent right

In recognition of the theory of relationship between rights and obligations, any co-owners should take responsibility of maintaining obligations while enjoying the patent right. As a result, if any co-owners do not pay annual fee for the patent and do not participate right-safeguarding activities, it seems to be appropriate that other co-owners who paid on account or fulfilled obligations on behalf, had better to urge those co-owners, except for the fact that those co-owners renounced they are supposed to abandon the patent right. Additionally, because the profits or proceeds of each co-owners are quite different in certain extent of closeness, and co-owners who exercise the right of independent implementation and licensing implementation are intimately bound up with the co-owned patent, once they lost the patent right, they would lost their temporary profits or proceeds, so it is undeniable that they always concern more about maintaining the patent right. By con-

trast, being a general co-owner without intentions to exercise specific right, some co-owners may have fewer interests on co-owned patent. Therefore, for those co-owners who did not fulfill maintaining obligations or did not take the initiative to maintain obligations, they should not be recognized as abandoning patent right. And for those co-owners who did not participate in responding to the activities of patent invalidation, they are supposed to be deemed to reduce proceeds or abandon proceeds impliedly rather than abandon their co-owned patent right.

For the infringement of co-owned patent, whether related patent law in China should stipulate that prosecution should be done jointly by all co-owners, or permit independent prosecution by each co-owner is still controversial, and whether the co-owner who did not participate the litigation, can award the proceeds from litigation needs to be stipulated specifically. As far as I am concerned, I personally consider that, firstly, related provisions should be determined that prosecution by any co-owners is valid, and it seems to be inappropriate that prosecution by all co-owners is valid, in one word, co-owners should be endowed with right to prosecute independently; secondly, co-owners who participated litigation should notify other co-owners to participate maintaining the right, while costs and proceeds of the litigation should be distributed reasonably among co-owners; thirdly, for co-owners who have already received the notice and memorably stated not participating the litigation for maintaining right, they will be recognized as abandoning litigation right as well as not awarding proceeds from litigation perceptibly [20]; last but not the least, for co-owners who did not participate joint litigation due to excused absence like out of touch, they can participate the distribution of tort compensation if they agreed to afford part of the cost of litigation afterwards, but the proceeds from the compensation should deduct relevant fees for participating the litigation by co-owners [21].

Conclusion

Compared with system of the co-ownership, there is still a multitude of details and objects need to be improved and stipulated specifically. However, areas that need to be improved are not as same as legal loophole, as the improvement of law always goes behind the constantly developing reality, in order to achieve the fundamental principle of honesty, credibility, fairness and justice better, the improvement of the co-owned patent system in China need to be stipulated more specifically, and much more detailed provision also should be added into the current China's Patent Law. Furthermore, there is another reasonable and appropriate approach to supplement and improve the co-owned patent system, which is the judicial interpretation from the Supreme People's Court in China, in practice, it is non-statutory law, but it has the lawful authorization from Standing Committee of the National People's Congress, which means what judicial interpretation it made has lawful binding effect, and the process to make judicial interpretation is a kind of way to implement right of the Judge-Made Law.

References:

1. Yongshun Chen. (2006). Patent Dispute and Settlement. Beijing: Intellectual Property Press. pp.90.
2. Guodong Xu. (2001). Controversy on Draft Ideas of China’s Civil Code. Beijing: China University of Political Science and Law Press. pp.97–98.
3. Baoyu Liu. (2007). Jurisprudence on Property Law. Beijing: China Legal System Press. pp.12.
4. People Republic of China — Patent Law’, Article 15.
5. People Republic of China — Patent Law’, Article 8.
6. People Republic of China — Patent Law’, Article 15.
7. People Republic of China — Contract Law’, Article 340.
8. People Republic of China — Patent Law’, Article 15.
9. People Republic of China — Contract Law’, Article 340.
10. Xunming Jiang. & Xuzhong Zhu. (2006). On the Risk and Countermeasures to the Co-ownership of Patent. Journal of R & D Management. pp.99.
11. Limin Wang. & Wushuang Huang. (2006). Research on Intellectual Property Law. Beijing: University of Beijing Press. pp.108.3.
12. Chengsi Zheng. (2005). Intellectual Property-Applied Jurisprudence and Basic Theory. Beijing: People Press. pp.19.
13. Xunming Jiang. (2006). Risk Analysis on the System of Patent Right Application. PhD Candidate Dissertation in Huazhong University of Science and Technology.
14. Yongshun Cheng. (2006). Patent Disputes and Settlement. Beijing: Intellectual Property Press. pp.180.
15. People Republic of China — Property Law’, Article 57.
16. Limin Wang. (2008). Property Law Masters Forum. Beijing: People’s University of China Press, pp.220.
17. People Republic of China — Patent Law’, Article 15.
18. Limin Wang. (2008). Property Law Masters Forum. Beijing: People’s University of China Press, pp.219.
19. Japan’s Civil Code’, Article 255.
20. Yongshun Cheng. (2006). Patent Disputes and Settlement. Beijing: Intellectual Property Press. pp.172.
21. Limin Wang. & Wushuang Huang. (2006). Research on Intellectual Property Law. Beijing: University of Beijing Press. pp.107.

Соотношение злоупотребления правом с другими видами правового поведения

Мелихова Татьяна Александровна, студент

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова (г. Абакан)

Статья посвящена исследованию такого правового явления, как злоупотребление правом. В статье делается вывод, что злоупотребление правом имеет признаки как правомерного, так и противоправного поведения, но тем не менее, ни к тому, ни к другому его отнести в полной мере нельзя. Злоупотребление правом представляет собой обособленный, самостоятельный вид правового поведения, которому присущи свои особенности и характерные лишь для него признаки.

О понятии злоупотребления правом, в юридической науке до сих пор не сложилось однозначного представления — не раскрыты все его существенные признаки, структура, сущность. В основном теоретики и практики придерживаются общепринятого понятия: злоупотребление правом — это деяние, при котором общественный вред причиняется путем ненадлежащего использования субъективного права, во вред другим субъектам, когда правовые предписания не нарушаются.

Так, например, Н. А. Дурново дает следующее определение: «Злоупотребление правом — это юридически допустимые действия субъекта по осуществлению своего

права в границах принадлежащего ему субъективного права, нарушающее пределы осуществления субъективного права или не нарушающие данные пределы, но являющееся социально вредным и общественно порицаемым и причиняющее вред правам, свободам и интересам других участников общественных отношений» [2].

По мнению А. А. Малиновского «злоупотребление правом представляет собой не только преступление или деликт, но и правомерный, хотя и аморальный, безнравственный проступок, при этом зло он трактует как явление, тождественное любому социальному вреду, который причиняется общественным отношениям в процессе реализации права» [4].

В юридической литературе имеет место быть точка зрения, согласно которой не каждое противоправное деяние является правонарушением [3].

Сторонники данной точки зрения под противоправным поведением понимают не только правонарушение, а злоупотребление правом и объективно-противоправное поведение, которые выделяют как подвиды противоправного поведения. Профессор В. Н. Протасов, напротив, считает, что в случае, если злоупотребление правом юридическими нормами не запрещено, то «оно должно признаваться явлением правомерным, а его негативные оценки и санкции могут быть отнесены лишь к области морали» [6].

Согласно точки зрения В. П. Грибанова, «Злоупотребление правом есть особый вид гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [1].

Большинство современных юристов также признают злоупотребление правом правонарушением. Так, О. А. Поротикова, например, утверждает, что «злоупотребление гражданским правом есть особый вид гражданского правонарушения и должно расцениваться как умышленное поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему субъективного гражданского права, сопряженное с нарушением установленных в законе пределов осуществления прав и причиняющее вред третьим лицам либо создающее условия для наступления такого вреда» [7].

Рядученых, рассматривая вопрос о классификации видов правового поведения, утверждает, что «поведение субъекта нельзя анализировать по одному основанию, объясняя это необходимостью более дифференцированного подхода к этому вопросу в условиях развития и потребностей юридической практики. В связи с этим наравне с правомерным поведением и правонарушением выделяют злоупотребление правом и объективно-противоправное поведение как самостоятельные виды правового поведения» [5].

В то же время критики полагают, что классификация должна проводиться только по одному признаку, и члены деления должны исключать друг друга. Ни одному из этих требований данная классификация не отвечает, так как проводится по двум основаниям (юридическая оценка и социальная значимость поведения), а члены деления не исключают друг друга.

Литература:

1. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав: учебное пособие / В. П. Грибанов. — М.: Статут, 2001. — 411 с.
2. Дурново, Н. А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Дурново Наталья Александровна. — Н. Новгород, 2006. — 170 с.
3. Жданова, М. А. Соотношение злоупотребления правом и иных видов правового поведения / М. А. Жданова // Вестник Владимирского юридического института. — 2011. — № 3. — с. 84–87.
4. Малиновский, А. А. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен: Дисс... доктора юридических наук: 12.00.01 / Малиновский Алексей Александрович. — М., 2009. — 404 с.

Для того, чтобы выделить в самостоятельный вид правового поведения злоупотребление правом, необходимо детальное изучение состава этого явления. Элементами состава злоупотребления правом, как и любого правонарушения, являются объект, субъект, субъективная и объективная стороны.

Объектом выступают общественные отношения, регулируемые и охраняемые правом. Будучи сложными явлениями социальной действительности, они включают в себя множество различных элементов: субъекты, выступающие сторонами отношения, объекты, по поводу которых эти отношения возникают, деяния сторон. Все перечисленные элементы и есть объекты конкретного посягательства.

Субъектом злоупотребления правом всегда является управомоченное лицо, реализующее свое право с тем, чтобы причинить вред другому лицу.

Злоупотребление правом может привести к правонарушению, но если противоправное действие даже формально не основано на праве и выступает в чистом виде как нарушение одной или более правовых норм или как непосредственное посягательство на защищаемые правовыми нормами субъективные права, то злоупотребление правом всегда внешне основывается на субъективном праве и формально не противоречит объективному праву.

Злоупотребление правом всегда выступает результатом действия лица, общественная опасность которого обусловлена исключительной целью причинения вреда, либо фактом причинения вреда как такового посредством осуществления своих субъективных прав. Еще один признак правонарушения — это противоправный характер деяния.

Таким образом, можно сделать вывод, что злоупотребление правом нельзя назвать правонарушением, так как оно им не является, оно не отвечает всем признакам правонарушения, а элементы состава злоупотребления правом во многом расходятся в их содержательной части с элементами правонарушения. Действия субъекта, в результате которых происходит злоупотребление правом, не являются правонарушением, так как они не связаны с посягательством на правовые нормы или принципы права.

Несмотря на множество различных определений, данных учеными такому правовому феномену, как злоупотребление правом, тем не менее все они свидетельствуют о том, что данное явление носит признаки как правомерного, так и противоправного поведения.

5. Михайлов, С.В. Категория интереса в российском гражданском праве Дис... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.В. Михайлов. — М., 2000. — 255 с.
6. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства / В.Н. Протасов. — М.: Новый Юрист, 1999. — 240с.
7. Поротикова, О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом: учебное пособие / О.А. Поротикова. — М.: Волтерс Клувер, 2008. — 117с.

Понятие и соотношение юридической и социальной справедливости

Руденко Виктор Николаевич, магистрант

Ессентукский институт управления, бизнеса и права (Ставропольский край)

Понимание содержания требований справедливости и ее сущность не остаются неизменными: они изменяются и развиваются в соответствии с историческим развитием и совершенствованием общественных отношений. Смена исторических этапов развития общества, государства и права не приводило к полной замене понятия справедливости, выработанного в процессе исторического развития, современной трактовкой этого понятия. Современное понятие справедливости сохранило предшествующие представления о справедливости и дополнилось новыми.

В настоящее время, в условиях становления правового государства о справедливости говорят как об общечеловеческой ценности. Такое ценностное понимание справедливости получило всемирное признание в качестве условия современного развития и мирного сосуществования всего человеческого сообщества. В период существования социалистического государства в нашей стране преобладало гипертрофированное представление о справедливости как сугубо классово-категории, что привело к попранию важнейших элементарных общечеловеческих ценностей и интересов. Основным критерием справедливости при этом называлось отношение человека к средствам производства. Конечно, нельзя недооценивать данные отношения, но переоценка их неминуемо приводит к вопросам о классовости характера отношений.

Предметом рассмотрения в данной статье являются вопросы современного понимания юридической справедливости и ее соотношения со справедливостью социальной.

Социальная справедливость проявляется там, где оцениваются поступки и поведение людей, распределяются общественные блага и обязанности. Значительное место занимает она в сфере правосознания, однако, не отождествляется с ним, так как оценивает не только правовые, но и другие общественные явления. С одной стороны, все отношения, регулируемые правом, охватываются и нравственными нормами, но с другой стороны, сфера действия морали шире сферы действия права, нравственные представления о справедливости по своему содержанию являются более богатыми и разносторонними, чем правовые. В итоге нравственное понятие категории справедли-

вости более емкое, чем понятие юридической справедливости. Этим определяется необходимость руководствоваться в правоприменительной деятельности не только правосознанием, требованиями юридической справедливости, но и нормами нравственности, справедливостью социальной, нашедшей отражение в праве, чтобы принятое решение имело двустороннюю поддержку правовую и моральную. Однако, здесь необходимо, также сделать оговорку. Нравственные нормы социальной справедливости могут использоваться в той лишь части, когда они не противоречат справедливости юридической. Любое другое использование нравственных норм в правоприменительной деятельности неминуемо приведет к преобладанию рациональности над законом. Основная сила норм социальной справедливости в демократическом обществе, должна быть направлена на приведение действующего законодательства, регулирующего поведение людей, в соответствие с нормами нравственности.

В рамках такой концепции представляется необходимым разработать единое понятие социальной справедливости, четко определить сущность и содержание общеправового принципа справедливости, дать понятие юридической справедливости.

Социальная справедливость является ценностной категорией, на основе которой устанавливаются юридические критерии оценки деятельности людей. Представления о справедливости как оценочной категории пользуются в обществе тогда, когда с ее позиций оценивают поступки, действия, явления.

В философской и юридической литературе неоднократно подчеркивался оценочный характер справедливости. Так, «справедливость определяется как понятие морального сознания, характеризующее меру воздействия и требований прав и благ личности или социальной общности, меру требовательности к личности, правомерность оценки экономических, политических, правовых явлений действительности и поступков людей, а также их самооценки» [1, с.64]. Социальная справедливость — это нравственный критерий для соизмерения действий субъектов, в соответствии с которым осуществляется воздаяние каждому за его поступки в виде наступления тех или

иных последствий [2, с.65]. «Справедливость означает принятый обществом в качестве нравственно оправданного и правильного масштаба для соизмерения действий субъекта в пользу (или во вред) общества и других лиц с ответными действиями последних» [3, с.76]. Справедливость предполагает соизмерение поведения и его оценки, деяния и воздаяния индивида, то есть соотношение между трудом и вознаграждением, заслугами и их признанием, правами и обязанностями, правонарушением и ответственностью [4, с.69].

Справедливость употребляется при оценке поступков людей в двух аспектах: 1) как принцип определяющий направление деятельности и критерий оценки конкретного поведенческого акта; 2) как теоретическое условие будущего действия. Социальная справедливость в качестве морального принципа определяет деятельность всех государственных органов и общественных организаций, применяющих правовые нормы в процессе распределения между чинами общества материальных и духовных благ, а также при определении меры юридической ответственности или общественного воздействия за совершаемые правонарушения и другие не желаемые для общества действия. Представления о социальной справедливости, с точки зрения ее моральной значимости очень важны для дальнейшей оценки конкретных повиденческих актов, в том числе, связанных с принятием правоприменительного акта. А оценка конкретной, в том числе правоприменительной деятельности, должна даваться на основе общего требования принципа справедливости. Оценка, проведенная таким образом, будет отражать характер юридической справедливости. В связи с этим, оценка любого правоприменительного акта, проведенная сначала с точки зрения справедливости как морального принципа, а потом справедливости как юридического принципа позволит принять справедливый правоприменительный акт. Такая постановка вопроса определяется многими факторами, в том числе несовпадением социальной и юридической справедливости.

Основными элементами содержания социальной справедливости являются общечеловеческие принципы свободы и равенства, являющиеся основой оценки деятельности как конкретных людей, социальных и иных групп и организаций, которые они образуют, так и государства в целом.

Данные элементы социальной справедливости могут быть адекватно оценены лишь при наличии устоявшихся общественных отношений в более менее однородном об-

ществе. И тогда понятие социальной справедливости может быть выражено следующим образом.

Социальная справедливость — это общественно-политическая категория, формирующаяся на базе требований политики, морали и нравственности, воплощающая принципы свободы и равенства и являющаяся нормой поведения людей и их коллективов, а также основой государственной и общественной оценки различных действий, поступков и иных социальных явлений.

Не следует думать, что критерии юридической справедливости правоприменительного акта это какие-то особые критерии, абсолютно отличные от принципов законности. Многие критерии юридической справедливости, и в частности справедливой юридической ответственности, закреплены соответствующими нормами права и таким образом одновременно являются и критериями юридической справедливости, и принципами законности. Однако от того, что многие из них предусмотрены законом, они ни в коем случае не перестают быть критериями юридической справедливости, так как они родились и сформировались в обществе, прежде всего как нравственные категории, как требования справедливости.

Основное значение юридической справедливости и ее социальная ценность состоит в том, что она благодаря четкой регламентации прав и обязанностей, установления конкретной ответственности за правонарушения вносит стабильность в государственно-правовую жизнь и обеспечивает торжество законности, ибо там, где утверждается юридическая справедливость, торжествует и законность.

Постановка и рассмотрение проблемы понимания и соотношения справедливости социальной и юридической в жизни общества, их проявление в правотворческой деятельности и правоприменительной деятельности при вынесении правоприменительных актов необходима в целях укрепления начал законности, повышения эффективности законодательства и его применения, воспитательной роли права. Разграничение справедливости социальной и юридической, предупреждает против произвольного обращения с законом, его подмены общественным мнением отдельных коллективов или моралью. Важно обратить серьезное внимание на необходимость учета критериев юридической справедливости и в процессе правотворчества, и в процессе вынесения правоприменительного акта, что будет способствовать и совершенствованию права в целом.

Литература:

1. Бербешкина З.А. Справедливость как социально-философская категория. — М. Наука, 1983. — 208с.
2. Экимов, А.И. Справедливость и социалистическое право. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. — 120с.
3. Мальцев, Г.В. Социальная справедливость и право. — М.: Мысль, 1977. — 255с.
4. Малеин, Н.С. О справедливости, праве и ответственности // Теория права: новые идеи. — М.: Изд-во ИГиП РАН, 1992, Вып. 2. — с. 64—81.

Реформирование системы образования в России: предпосылки и перспективы

Степанова Ирина Александровна, магистрант
Московский университет имени С. Ю. Витте (г. Йошкар-Ола)

Образование является одним из важнейших элементов системы социальной сферы государства, которая обеспечивает процесс получения человеком знаний, умений и навыков. В дальнейшем эти знания умения и навыки, участник образовательной системы, эффективно применяет в своей профессиональной деятельности, тем самым вносит вклад в развитие государства.

Процесс модернизации и инновации в образовательной сфере позволит нашей стране занимать передовые позиции в мире. Для этого необходимы новые подходы к содержанию и уровню образовательных отношений в государстве.

Образовательная система России имеет богатейшие исторические корни. Самобытность и неповторимость нашей системы образование несет в себе большой потенциал для ее дальнейшего развития. Однако в настоящее время наметились некоторые системные трудности, особенно в последние годы.

Современные условия развития общества требуют от формирующейся системы создания новых механизмов адаптации и апробации содержания образовательных программ. Это обусловлено изменением потребностей общества, как в культурной, так и в экономической среде. Возросла необходимость внедрения в образовательную среду общественных систем управления и контроля, а так же активного привлечения инвестиций, не только со стороны государства.

Рыночные отношения, которые активно стали распространяться в образовательной сфере, ориентация на интересы личности, большая самостоятельность образовательных учреждений, появление негосударственных форм обучения, естественно повлияло на содержание и самого конституционного права на образование. Все это послужило толчком для проведения реформы образования, которая началась с Федерального Закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании 1996 года за номером 125-ФЗ.

Данный закон привлек внимание на проблему образования в нашей стране. К вопросу реформы в образовании все чаще и чаще стали обращать свое внимание политики и государственные деятели. В дальнейшем приняты ряд законодательных актов, которые составляют основу модернизации в данной области.

В настоящее время Российская система образования находится на стадии реформирования. Именно поэтому возникает необходимость рассматривать нормативно-правовое регулирование права человека на образование в призма международных стандартов.

Именно приведение образовательной системы в соответствие с международными актами и соглашениями, является основой реформирования в России. Анализ

и оценка уже существующих результатов говорит нам о том, что, несмотря на большой опыт реформирования в области образования, мы находимся в стадии начала формирования системы. В ходе реализации новых реформ общество сталкивается с неоднозначными оценками эффективности результатов.

На сегодняшний день каждый человек, в том числе и ребенок знает, что необходимо учиться — это представляется естественным. Однако на исторических этапах развития общества, право человека на образование было не столь естественным, и взгляд на него был не столь однозначным. Закрепление данного права и принципов его реализации в международно-правовых актах является результатом развития гражданского общества.

Данное право закреплено конституционно и является неотчуждаемым, и именно государство должно создавать условия для его реализации во всех направлениях. Для того, чтобы система образования отвечала современным потребностям развития общества ей необходимо постоянное развитие.

Одним из компонентов учебно-воспитательного процесса является содержание образования. И первые вопросы, с которыми сталкиваются реформаторы: Каким должно быть содержание образования? Чему надо учить школьников? Что развивать и воспитывать?

Мировое образование на современном этапе развития состоит из множества национальных образовательных систем. Первым отличием этих систем являются: уровень целей и задач, а так же культурные традиции. Вторым отличием может служить состояние качества образовательного процесса.

Необходимо объединение усилий всех заинтересованных стран в создании единого образовательного пространства, обращение внимания на содержание образования, осмысление целей и задач, стоящих во главе данного вопроса, а так же определение собственных ориентиров.

Внутренний накопленный опыт государства в разных внутривластных, экономических и социальных направлениях, не всегда принимается в других странах, что сильно тормозит развитие, в том числе образовательного процесса.

За последние года в нашей стране происходят серьезные изменения в области содержания образования. В условиях реформирования, весьма значимой оказывается проблема анализа, адаптации и использования образовательного опыта других стран. Возможность его интеграции в содержание российского образования.

Недостаточная изученность проблемы в науке, а так же возникающие сложности внедрения в школьную практику, делают ее актуальной.

Все это определяет необходимость продолжения проведения реформы образования. Реализация Федерального закона от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 13.07.2015) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.07.2015) [1] выявила ряд спорных вопросов.

Внедрение в общественные отношения новых государственных стандартов образования обозначили как плюсы, так и минусы нового закона.

Исследовательская литература за последние 5 лет приходит к выводу о том, что положительными моментами при реализации нового федерального закона является попытка предоставления школьникам выбора.

Многие скажут, что наши дети не способны самостоятельно выбирать, и будут в какой-то мере правы. Однако надо не забывать, что правильность этого выбора лежит на плечах педагога, а это сфера уже регулирования не ФГОС, а методов и приемов подготовки педагогических кадров. Новый стандарт помогает учащемуся определиться с профессиональным направлением своего движения вперед и сконцентрировать на важных аспектах своей деятельности в обучении.

К положительным сторонам можно отнести и то, что происходит постепенный переход от «линейного» обучения (передачи знаний) к проектирующей, развивающей творческие способности в деятельности. В основе нового стандарта лежит системно-деятельный подход, т.е. внедрение в практику обучения проектной и исследовательской работы.

Апробация закона начата с первой ступеньки начального образования в школе еще с 1 сентября 2011 года, на данном этапе (2015 год) в учебных заведениях, которые применяют ФГОС в основном общем звене.

ФГОС основного общего образования содержит разъяснение к организации внеурочной деятельности, что минимизирует риски возникновения конфликтов между семьей и школой, что наблюдалось при апробировании ФГОС начального общего образования.

Многие специалисты к плюсам ФГОС относят попытку вернуть школе воспитательную функцию, которая была практически полностью утрачена за последние 20 лет, а также преемственность подходов и принципов в построении стандартов начальной, основной и старшей школы. [9]

Однако не обходится и без минусов в процессе реализации нового федерального стандарта. К главному из них относится — требования к условиям реализации стандарта.

Новый ФГОС может быть полностью реализован лишь в новой образовательной среде, а, следовательно, государство, должно в значительной мере изменить финансирование системы образования, причем этот процесс должен быть связан не только с увеличением оплаты труда учителя, но и с развитием материально-технической базы российской школы.

Серьезным недостатком нового стандарта, по мнению с. И. ЗаирБек, является слабая продуманность стоимости его введения, то есть расходов на новые учебники,

пособия, лабораторное оборудование, разработку программ, а также на повышение квалификации и переподготовку учителей. [6]

В настоящее время утверждены ФГОС для:

— начального общего образования (1–4 кл.) — Приказ Минобрнауки России от 06 октября 2009 г. № 373, в ред. приказов от 26 ноября 2010 г. № 1241, от 22 сентября 2011 г. № 2357 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, утверждённый приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. N 373». [3]

— основного общего образования (5–9 кл.) — Приказ Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (с изменениями на 29 декабря 2014 года)» [5]

— среднего (полного) общего образования (10–11 кл.) — Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования». [5]

По планам Минобрнауки России массовый переход на обучение старшеклассников с учетом новых требований начнется в 2020 году.

С 2011 года по новым федеральным образовательным стандартам начали учить в начальной школе (первый — четвертый классы), в 2012 году начат переход на новый стандарт основной школы (пятый — девятый классы), в 2013 году — старшей (10–11 классы), ФГОС старших классов станет обязательным для всех российских школ.

Появление полноценного стандарта означает, что требование части 5 статьи 43 Конституции России, которая говорит о том, что «Российская Федерация устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты...» [2] через 19 лет выполнены!

В связи с принятием Закона «Об образовании в Российской Федерации» стандарт становится документом прямого действия.

Не так много времени прошло после начала внедрения новых федеральных государственных стандартов, но, несмотря на это, нормативно-правовое регулирование процесса не всегда опирается на четко-выработанную концепцию.

В процессе внедрения и апробации федерального законодательства в этой области наблюдается противоречие в принимаемых нормативно-правовых актах. Такие законодательные акты не способны формировать полноценную систему контроля за их исполнением. Когда нормы одного документа исключают реализацию норм в другом документе, естественно нормы законодательства в обоих случаях не действуют, или действуют с искажением. И это не может положительно сказаться на реализации программ образования в целом.

В юридической литературе справедливо отмечается, что одним из важнейших аспектов в праве является про-

блема терминологии, поскольку применение терминов, не имеющих четких правовых критериев, может привести к разночтению нормативных правовых актов, и в конечном итоге возникновению правовых коллизий. [7]

Примером таких коллизий выступают неразрешимые вопросы двухуровневого регулирования образовательных отношений. Данные отношения относятся к совместному ведению РФ и ее субъектов, согласно ст. 72 Конституции РФ. Они не соответствуют конституционным формулировкам, т.к. те вопросы, которые относятся к исключительному ведению субъектов, не нуждаются в регулировании со стороны федеральных органов власти.

Еще одним примером может служить, то, что в Законе «Об образовании» не определены «общие вопросы образования», что входит в предмет совместного ведения РФ и ее субъектов.

Без четкого разграничения полномочий в данной области выступают и нормы ст. 28 и 29 данного закона.

Представляется неверным, встречающееся в ряде законов, такое полномочие органов власти субъекта РФ, как «осуществление федеральной политики в области образования» (например, Закон Ставропольского края). В некоторых случаях складывается такая ситуация, когда закон субъекта РФ копирует текст федерального закона, включая нормы, устанавливающие компетенцию РФ в сфере образования (например, Законы об образовании Республики Коми и Удмуртской Республики).

Законы, которые не имеют аналогов на федеральном уровне, составляют особую категорию законодательства субъектов РФ. Одной из причин является пробел правового регулирования. Нормы о сельских образовательных учреждениях получили свое отражение в законах субъектов РФ, и каждый субъект по-своему подходит к решению этой проблемы. Возможно регулирование данного вопроса, например, создание подзаконных актов, следует перенести на федеральный уровень, что особенно важно при реализации национальных проектов в наиболее приоритетных сферах общественной жизни.

Образовательная система — это сложный механизм взаимодействующих между собой других систем. В их число входят: системы образовательных учреждений и актов, издаваемых этими учреждениями, системы контроля и надзора за образовательными учреждениями, системы органов государственного управления системы негосударственных организаций, осуществляющих деятельность, которая сопутствуют образовательному процессу.

Такой сложный механизм требует хорошей законодательной основы в области исполнения норм издаваемых органами этой системы.

Создаются новые виды и методы контроля, идет реформа отдельных институтов образования, меняются формы образования и правовое положение образовательных учреждений. Но эта система не будет действовать, если не применять комплексный подход. Этот подход

должен охватывать и всесторонне рассматривать весь процесс образования.

Главной задачей государства становится формирование и реализация новых образовательных взаимоотношений. Приоритетом для всех участников данного процесса становится создание полноценной свободной личности.

В процессе изучения данной темы многие российские авторы в юридической литературе затрагивают такие аспекты правового регулирования образование, как конституционные нормы о праве на образование, понятие и содержание конституционного права на образование, предмет и объект локального нормотворчества, правовой статус субъектов образовательных отношений, правовое регулирование положение лиц, нуждающихся в особой защите в образовательной сфере, международные стандарты прав человека, особенности инновационного развития высшего образования, реализация конституционного права на образование принципы и стадии, договорные отношения сфере образовательных услуг, государственный контроль деятельности в сфере образования, международная защита права на образование и другие значимые вопросы.

Изучение данных вопросов легло в основу создания нормативной базы, научной базы образовательных реформ. Изучение и внедрение в образовательную систему новых государственных стандартов является основой для дальнейшего правотворчества, как юристов, так и научных исследователей. Набирающая силу реформа выдвигает все новые и новые задачи и требует правильного решения. При рассмотрении вопроса образования исследователи все чаще и чаще встают вопросы правильности реализации нормотворческой деятельности. Новые реформы должны охватывать не только юридический анализ проблемы, но и человеческий фактор. Рассмотрение вопроса реформирования взаимодействия государства и всех общественных объединений позволит расширить методы исследования, изучить опыт зарубежных стран, объективно оценить сложившуюся ситуацию в России.

Российская система образования способна конкурировать с образовательными системами зарубежных стран, но для осуществления всесторонней реформы необходима широкая поддержка со стороны общественности в образовательной политики, восстановление ответственности активной роли государства в этой сфере, выделение необходимых для этого ресурсов и создание механизмов их эффективного использования. [8]

Еще К. Маркс отмечал взаимосвязь образования и общества: «Если возникает необходимость в той или иной системе образования, то это неизбежно влечет за собой трансформацию социальных структур. Но без измененной, новой системы образования, определяющей форму мировоззрения человека, не представляется возможным изменение социальных структур». [10]

Функционирование и разработка сферы образования России осуществляется на основе частных теорий соци-

ологии образования, педагогики, воспитания, философии образования, психологии, истории образования, правового и экономического обеспечения, а так же управления образованием.

Огромное число исследований в области российского и зарубежного реформирования образования, указывает на недостаточную разработанность данной темы, отсут-

ствие комплексного анализа механизмов реализации государственной политики в процессе изменения структуры образования.

В современных условиях развития общества необходимо комплексное изучение самого права на образования в аспекте не только конституционного права, но и так же, как неотъемлемого права человека.

Литература:

1. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»/ «Российская газета», № 303, 30 декабря 2012 г.
2. Конституция РФ 12 декабря 1993 г./Издательство «Юридическая литература» Администрации Президента Российской Федерации, 2011 г.
3. Приказ Минобрнауки России от 06 октября 2009 г. № 373, в ред. приказов от 26 ноября 2010 г. № 1241, от 22 сентября 2011 г. № 2357 «О внесении изменений в федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования, утверждённый приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 6 октября 2009 г. N 373»/ 15 декабря 2011 г. на Интернет-портале «Российской Газеты» (www.rg.ru)
4. Приказ Минобрнауки России от 17 декабря 2010 г. № 1897 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта основного общего образования (с изменениями на 29 декабря 2014 года)»/ www.rgavo.gov.ru, 10.02.2015
5. Приказ Минобрнауки России от 17 мая 2012 г. № 413 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего (полного) общего образования»/ 21 июня 2012 г. в «РГ» — Федеральный выпуск № 5812
6. С. И. ЗаирБек, руководитель Центра методологии управления, экономики и нормативноправового регулирования образования Федерального института развития образования Журнал «Справочник руководителя образовательного учреждения», № 5—2011
7. Л. А. Зубов Понятие и содержание конституционного права на образование// Современное право № 12 от 2007 г.
8. Бельский, К. С., Зайцева Л. А. Педагогический процесс в юридическом вузе (цикл материалов по вузовской педагогике) // «Юридическое образование и наука», 2009, N 1
9. А. А. Лобжанидзе, д-р пед. наук, профессор кафедры экономической и социальной географии ГОУ ВПО «Московский педагогический государственный университет» — Журнал «Справочник руководителя образовательного учреждения», № 5—2011
10. Маркс, К., Энгельс Ф. Соч Т. 16. — с. 595.

Доступность правосудия для малообеспеченных категорий населения в Российской Федерации

Терёшкина Александра Анатольевна, магистрант

Научный руководитель: Новикова Татьяна Юрьевна, кандидат юридических наук
Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия (г. Хабаровск)

Статья посвящена изучению некоторых проблем реализации конституционных прав на доступность правосудия в Российской Федерации. Целью работы является выявление такого рода проблем и предложение путей их решения. В статье содержится анализ особенностей такого немаловажного конституционного права, как права на доступность правосудия, а именно такой категории граждан, как малоимущие. При написании работы использовался сравнительный метод исследования и метод анализа.

Социально-экономическая ситуация в Российской Федерации в настоящее время, как и последние несколько лет, в целом имеет проблемный характер.

Социальная напряженность, необходимость оказания социально направленной поддержки малообеспеченных категорий населения и в сфере правосудия становятся се-

годня причиной выбора данной темы. Государство обязано обеспечить равноправный доступ граждан к правосудию. Попробуем определить — что именно предпринято в данном направлении.

Конституция РФ в части 1 статьи 19 провозгласила равенство граждан перед законом и перед судом. [1] Для соблюдения объявленной паритетности необходимо законодательное наделение граждан равными правами (юридическое равенство) и предоставления одинаковых прав на использование данных прав (фактическое равенство). Фактическое равенство неосуществимо без положительно направленных актов государства, так как в силу экономических (денежных) трудностей малообеспеченные и социально незащищенные граждане не в состоянии вносить плату за юридические услуги при защите своих прав в гражданском процессе, то есть, не имеют возможности реализовать свои права на равных с остальными, более финансово защищенными. Кроме того, из-за чаще всего достаточно низкого уровня правовой грамотности, малообеспеченные граждане не в состоянии независимо выступать в защиту своих прав и интересов в судебных инстанциях. Получается, что без бесплатной юридической помощи малообеспеченным и социально незащищенным категориям населения провозглашенная Конституцией гарантия равенства не будет реализована.

Правосудие — это процесс определения, нахождения справедливости, при этом имеются ввиду важнейшие позиции права, а не экономического потенциала гражданина или его общественного положения и происхождения. Правосудие должно базироваться на позициях беспристрастности и справедливости, нужно обязательное предоставление равноправия участникам судопроизводства, которое полагается не только на формально-юридические, но и действительные обстоятельства его осуществления. Учитывая, что достаточно большую часть граждан России принято считать малообеспеченными, бесспорным будет то, что именно в отношении них требуется реализация мероприятий по предоставлению равноправного доступа к правосудию всех граждан (особенно это касается живущих в сельскохозяйственных и труднодоступных районах России).

В последние годы в России реализуются целевые программы, в рамках которых малоимущие могут принять бесплатную юридическую помощь. По данным доклада Уполномоченного по правам человека в Хабаровском крае, «за 2014 год к Уполномоченному поступило 3143 обращения граждан. В том числе 1649 обращений в письменной форме и форме электронного документа, 1494 обращения в устной форме. Общее количество обращений, поступивших в 2014 году, выросло по сравнению с 2013 годом на 2,1%».

В России в первый раз на законодательном уровне разработали, законодательно зафиксировали систему бесплатной юридической помощи для социально незащищенных граждан (прежде всего — для малообеспеченных). Каким образом, при наличии каких условий, где

россияне имеют право получить бесплатную консультацию юристов, определяет надлежащий федеральный закон. Закон определяет две системы бесплатной юридической помощи: первая — государственная и вторая — негосударственная. Государственная помощь будет оказываться гражданам за счет бюджетных денег. Все регионы России самостоятельно принимают решение, как, собственно, осуществить это право граждан. Закон определяет некоторые дополнения, особенности при получении бесплатной юридической консультации.

Права граждан, не являющихся малообеспеченными, тоже защищены — за бесплатной юридической помощью они имеют возможность обращаться в частные правовые пункты. «Последние создаются и работают в рамках негосударственной системы бесплатной юридической помощи. Их преимущество, по словам экспертов, в том, что они вправе помогать гражданам без всяких ограничений.

Например, в системе негосударственной юридической помощи уже работают правовые пункты при юридических вузах России. Студенты последних курсов помогают гражданам разобраться в правовых пробелах и помогают защитить свои права». Контроль за деятельностью пунктов бесплатной юридической помощи возложен на Министерство юстиции.

Согласно действующему законодательству бесплатная помощь не всегда является таковой на деле. Процедура её получения малообеспеченными гражданами достаточно сложна и бюрократически запутана. Некоторые граждане, не имея возможности выполнить все требования по предоставлению документов, просто отказываются от неё и платят адвокатам и юристам. Причины несоответствия потребностей населения и возможностей существующей системы оказания юридической помощи объясняются:

- сложностью механизмов финансирования и получения такой помощи (в отдельных случаях требуется собрать до четырнадцати различных документов, подтверждающих статус малоимущего);
- недостаточным количеством адвокатов в половине судебных районов России (менее двух адвокатов на район, по данным Министерства юстиции);
- отдаленностью центров оказания бесплатной юридической помощи от деревень и сел, где сосредоточены малоимущее население;
- законодательной ограниченностью круга тех людей, которые могут обращаться за помощью.

В целях «создания условий для реализации установленного Конституцией Российской Федерации права граждан на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно» в случаях, предусмотренных законодательством России принят Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации». [3]

Для того, чтобы проиллюстрировать фактическую реализацию права малообеспеченных граждан на бесплатную

юридическую помощь, обратимся к практике Хабаровского края. Так, в Хабаровском крае Законодательное собрание уже обсудило и приняло соответствующий региональный закон и подзаконные акты к нему, направленный на выполнение федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», работа по нему уже ведется органами социальной защиты населения края.

Согласно требованиям и основным положениям федерального закона «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» в данном субъекте Российской Федерации принята вся необходимая нормативно-законодательная база.

Правовое регулирование исполнения закона на территории края предусматривается следующими документами:

1. Федеральный закон от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»;

2. Закон Хабаровского края от 28 ноября 2012 г. № 237 «О реализации отдельных полномочий Хабаровского края в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью»;

3. Постановление Правительства Хабаровского края от 20 мая 2013 г. № 118-пр «О регулировании отдельных вопросов в области обеспечения граждан бесплатной юридической помощью в Хабаровском крае».

После рассмотрения и подробного изучения вопроса о предоставлении бесплатной юридической помощи малообеспеченным гражданам нужно отметить, что такая помощь необходима и вот ещё объективные причины организации юридической помощи отдельным категориям граждан. Так, наибольшую сложность для истцов, составляют написание и подача искового заявления. С этой проблемой сталкивается каждый третий истец. Имеющаяся же в помещениях суда информация о том, как должно быть составлено исковое заявление, с образцами процессуальных документов, иная справочная информация часто оказывается недостаточно удобно размещена: граждане не могут ею воспользоваться из-за

тесноты помещения и плохого освещения, отсутствия возможности ознакомления в спокойной и удобной обстановке.

Каждый пятый истец и ответчик испытывают затруднения в сборе доказательств, а также понимании вопроса распределения бремени доказывания. Более того, каждый пятый истец из числа малообеспеченных граждан уходит из зала суда, не добившись разрешения спора в свою пользу и при этом, такие истцы чаще, чем обеспеченные, намерены подавать апелляционную жалобу.

Дефицит правовых знаний, незнание юридического языка и процедур судебного разбирательства, большая рабочая нагрузка — все это, в конечном счете, приводит к тому, что мировые судьи затрачивают больше времени на одно судебное заседание, а также нередко прибегают к сокращению или упрощению ряда процедур или переносу в другое временное поле.

Подводя итог обзору данного вопроса, считаем необходимым внести предложения по повышению доступности правосудия для малоимущих граждан Российской Федерации.

Необходимо увеличивать сеть стабильно функционирующих центров по оказанию юридической помощи, которые действуют за счёт государственных средств и средств частных лиц. Немаловажным считаем принять меры по значительному снижению численности документов, необходимых для подтверждения статуса малообеспеченной семьи (гражданина) или принадлежности к другой категории семей, имеющих право на бесплатную юридическую помощь, а также по упрощению порядка сбора и предоставления надлежащих документов.

Кроме того, нужно уделить особое внимание собственно качеству оказываемой юридической помощи.

Учитывая, что достаточно большую часть граждан России принято считать малообеспеченными, бесспорным будет то, что именно в отношении них требуется реализация мероприятий по предоставлению равноправного доступа к правосудию всех граждан, что и провозглашает Конституция Российской Федерации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенарод. голосовании 12 дек. 1993 г.: [в ред. федер. конституционного закона от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ] // Российская газета. — 1993. — № 237
2. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ: [в ред. федер. закона 21 июля 2014 г. № 271-ФЗ] // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6725.
3. Бесплатная юридическая помощь: модель взаимодействия государства и гражданского общества (зарубежный и российский опыт). Сборник докладов М.: ООО «Акварель», 2011—375 с.

Конституционно-правовой статус прокуратуры в зарубежных странах: сравнительно-правовой анализ

Тюренкова Ксения Александровна, кандидат политических наук, доцент
Астраханский государственный университет

Демидов Алексей Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент
Международный юридический институт, Астраханский филиал

Исследование организации и деятельности прокуратуры предполагает многоплановость изучения различных аспектов ее функционирования и проведение сравнительного правового анализа с учетом международного опыта организации аналогичных органов.

Прокуратура Франции возникла ранее, чем в других государствах Европы. Как орган развивающегося демократического государства, выполняя во времена абсолютной монархии во многом функции фискалитета, то есть интересов казны, прокуратура с учетом развития государства и общества стала осуществлять руководство и надзор за следствием, становилась в определенной степени органом исполнительной власти. В настоящее время прокуратура Франции входит в структуру Министерства юстиции, а ее структура совпадает со структурой судебной системы и во многом обеспечивает ее действенность. Судьи и прокуроры именуется во Франции магистратами. Для подготовки судей и прокуроров существует Национальная школа магистратуры и практически все работники французских судов по уголовным и гражданским делам являются выпускниками этой школы. Большое внимание уделяется ведению и осуществлению программы непрерывного последовательного образования, подготовки и переподготовки. Входя в судебную систему и состоя при судах, прокуроры пользуются существенной автономией и независимостью и имеют необходимые полномочия. Хотя действия прокурора находятся под контролем министра юстиции, в судебных заседаниях прокурор независим.

Прокурор возбуждает уголовное преследование, поддерживает обвинение в суде, осуществляет контроль за предварительным следствием, агентами судебной полиции. При производстве предварительного следствия судья во многом поднадзорен прокурору, который вправе давать ему указания, направленные на установление истины, и на любой стадии вправе взять на себя выполнение следственных функций [4, с.11].

Возглавляет прокуратуру Генеральный прокурор при Кассационном суде. Прокуроры республики — районные прокуроры при трибуналах малой и большой инстанции — находятся у него в подчинении. Все прокуроры назначаются по представлению и рекомендации министра юстиции президентом Франции. Юристы Франции, ученые, исследующие положение прокуратуры, полагают, что необходимо подчеркивать важность концепции о независимости прокуроров, ее постоянство и всеобщность. Это полностью соответствует и рекомендациям

подкомиссии ООН по правам человека и судебной независимости, где в статье 29 сказано: «Независимость прокуроров и адвокатов и то мужество, и сознательность, с которыми они выполняют свой профессиональный долг, необходимы для усиления независимости судей, чтобы гарантировать правосудие, свободу и уважение законности, а также защиту прав человека, всех лиц во всем обществе» [5, с.45]. Таким образом, во Франции прокурор — это представитель исполнительной власти, уполномоченный как на осуществление уголовного преследования, так и на осуществления надзора за действиями полиции, следственного судьи, а также на поддержание обвинения в суде.

Во многом подобная организация, положение, структура органов прокуратуры характерны и для других стран западной Европы, хотя там имеются отличия, объясняемые соответствующими условиями развития стран, общественно-правовыми взглядами и традициями. В мире нет единства в организации, структуре и полномочиях прокуратуры, но ученые многих стран сходятся в необходимости определенного единения и независимости прокуроров при исполнении тех обязанностей и задач, которые возлагать на них соответствующее законодательство.

История развития французской прокуратуры во многом повлияла на генезис этих органов в Европе и России.

Прокуратура ФРГ, как и прокуратуры ряда других западноевропейских государств, была образована в начале XIX века. В настоящее время ее деятельность регламентируется следующими нормативными актами: Федеральным законом о судостроительстве, Уголовно-процессуальным кодексом, Положением об организационной структуре прокуратуры и Правилами внутреннего распорядка прокуратуры. Вместе с тем о прокуратуре говорится и в Конституции ФРГ, где рассматриваются вопросы правоохранительной деятельности, судостроительства, контрольных функций [3, с.28].

По законодательству ФРГ прокуратура относится к исполнительным органам власти, подчинена министру юстиции и хотя организационно составляет часть судебной системы, к судебной власти не относится, являясь обычным административным ведомством. Прокуратура состоит из двух частей: федеральной и земельной. Возглавляют соответствующие прокуратуры Генеральные прокуроры, причем Генеральный прокурор ФРГ назначается президентом страны. Компетенция прокуратуры определяется компетенцией суда, при котором она дей-

ствует. Прокурор осуществляет предварительное расследование, в том числе при помощи полиции, которой он по существу руководит. Прокуратура в ФРГ решает три задачи: «во-первых, расследует дела и осуществляет уголовное преследование, выступает как обвинитель в суде, во-вторых, участвует в судебном процессе в качестве беспристрастной стороны и, в-третьих, приводит приговор в исполнение» [3, с.30].

Прокурору предоставлено право применять предварительное заключение и задержание, причем предварительное заключение производится на основании письменного приказа судьи об аресте. Законом предусмотрена возможность расширения полномочий прокурора земельным законодательством. Следует отметить, что законодательство предусматривает полномочия прокурора не только в сфере уголовного преследования, но и в гражданском судопроизводстве. Он вправе возбудить в некоторых случаях гражданское дело о признании брака недействительным; о признании лица недееспособным; о признании лица умершим. Таким образом, в определенных случаях на основании заявления проверки прокурор вправе вмешаться и в порядке надзора, когда этого требует защита прав гражданина.

Таким образом, в ФРГ прокуратура является органом исполнительной власти и в основном осуществляет уголовное преследование, расследование и действует при определенных судах. Надзорных функций практически не имеет, за весьма небольшим исключением.

Практически до последнего времени не развивался этот институт прокуратуры в США. Вместе с тем представляется интересным рассмотреть роль и положение прокуратуры в Соединенных Штатах Америки.

В США не имеется такого органа как прокуратура, однако контрольные функции возложены на атторнейскую службу, которую в литературе в связи со схожестью функций и называют прокуратурой. Соответственно, не имеется и закона о прокуратуре, и ее деятельность регламентируется рядом иных нормативных актов, в частности, уголовно-процессуальным и гражданско-процессуальным законодательством [4, с.12].

Главным нормативным актом, регулирующим деятельность прокуратуры США, является Конституция, которая возлагает на высший законодательный орган страны — Конгресс — полномочия принятия федеральных законов, в том числе и законодательства, регламентирующего деятельность атторнейской службы. В соответствии с Конституцией США Генерального атторнея назначает президент страны «с согласия и по совету Сената». Президент также назначает атторнеев в 94 федеральных округа. Кроме того, в каждом штате назначается прокурор штата, а в каждом графстве — прокурор графства. Они назначаются местными властями и не подчинены федеральной атторнейской службе. Их структура, деятельность и полномочия определяются Конституцией штата. Генеральный атторней штата — фигура выходящая, не назначаемая.

Атторнейская служба США выступает как служба обвинения, уполномоченная государством возбуждать и расследовать уголовные дела, поддерживать обвинение в суде. Однако она не входит в систему судебной власти и независима от нее. Генеральный прокурор США является также министром юстиции и выступает как советник президента по проблемам уголовной политики. В отличие от других государств в США Генеральному прокурору подведомственны контрразведка, политическая полиция, управление тюрьмами и дела об иммигрантах. Генеральный прокурор США обладает весьма широкими полномочиями и в силу этого занимает важное место в системе юридических органов государства.

В уголовном судопроизводстве в настоящее время прокурор играет основную роль. Он руководит расследованием, координирует работу, обращается в суд за санкцией на проведение прослушивания, на арест. После принятия в 1984 году Акта о реформировании системы назначения приговоров, повлекшего издание инструкций по назначению приговоров, возросла роль прокурора и его усмотрения по вердиктам обвинения и привлечения граждан к сотрудничеству [4, с.13].

Прокурор вправе ограничить обвинение в суде, а также прекратить дело при его рассмотрении в суде до вынесения вердикта присяжных заседателей. Прокурор вправе использовать материалы полиции и ФБР, но может взять расследование на себя. Наряду с этим прокурор осуществляет также координацию деятельности правоохранительных органов и практически занимает в их системе главенствующее положение.

Таким образом, являясь частью государственного управления, входя в состав исполнительной ветви власти, прокуратура США, наряду с реализацией основной задачи — борьбой с преступностью, осуществлением уголовного преследования, поддержания обвинения в суде — приобретает и многие надзорные функции, особенно в деле охраны прав человека, и таким образом, в определенной степени становится и своеобразным органом надзора за исполнением законов.

По-разному развивались прокуратуры бывших республик СССР после образования независимых государств. В республиках Прибалтики — Латвии, Литве и Эстонии — прокуратура лишена функции надзора за соблюдением законов и законностью правовых актов (так называемый общий надзор), отнесена к судебной власти (в Латвии и Литве), и к исполнительной власти — в Эстонии (подчинена Министерству юстиции) [5, с.50].

По существу в этих государствах на прокуратуру возложено осуществление уголовного преследования и поддержание обвинения. Например, в Эстонии функции прокуратуры по надзору за законностью правовых актов возложены на канцлера юстиции (ст.ст. 139–145 Конституции Эстонии) [1, с. 563–567].

Также по-разному определены задачи, статус и полномочия прокуратуры в бывших республиках СССР, вошедших в состав СНГ. В основном, эти вопросы отражены

в Конституциях этих государств и в законах о прокуратуре, принятых на основании Конституций.

К судебной власти отнесена прокуратура в Азербайджане, Армении, Молдове. В тоже время в их конституциях и законах о прокуратуре подчеркивается, что прокуратура — единая централизованная система, подчиненная Генеральному прокурору, независимая от судов. Такое правовое определение статуса прокуратуры можно объяснить несовершенством законодательной техники. В систему исполнительной власти прокуратура включена в Кыргызстане. Законы Беларуси, Таджикистана, Туркмении, Украины и Узбекистана выделяют прокуратуру из других ветвей власти и отводят ей особое место, а в их Конституциях содержатся отдельные главы, устанавливающие ее статус.

Особо следует подчеркнуть, что в ряде государств — бывших республик СССР, исходя из принятой ими установки о том, что общий надзор — это надзор неэффективный и несовместимый с идеями гражданского общества, он законодательно исключен из функций прокуратуры. Такое решение принято в Азербайджане, Армении, Молдове и Украине.

В тоже время следует подчеркнуть, что некоторые государства, ранее входившие в СССР, во многом сохранили структуру, полномочия и положение прокуратуры в том виде, как это было и ранее.

В большинстве законодательных актов, посвященных прокуратуре, подчеркивается принцип единства и независимости органов прокуратуры от других органов государственной власти и иных организаций при исполнении обязанностей в соответствии с законом. Это устанавливается законодательством Таджикистана, Узбекистана, Казахстана, Туркменистана, Азербайджана, Молдовы, Беларуси. И даже в Латвии и Эстонии, где прокуратура находится под административным подчинением Министерству юстиции, законодательство подчеркивает, что прокурор в своей деятельности является независимым от влияния других лиц или органов, реализующих государственную власть и управление, и подчиняется только закону.

Литература:

1. Конституции государств Центральной и Восточной Европы. — М.: Международные отношения, 2010.
2. Конституции государств — членов Совета Европы. — М.: Юрист, 2013.
3. Номейлер, М. Уголовное судопроизводство и роль прокуратуры в Германии // Российская юстиция. 2011. № 10.
4. Рохлин, В. И. Прокурорский надзор и государственный контроль: история, развитие, понятие, соотношение. — СПб: Юридический центр Пресс, 2009.
5. Щерба, С. П. Бессарабов В. Г. Прокуратуры и контрольные органы зарубежных стран. — М.: Норма, 2010

Как мы уже отмечали, практически во всех государствах подчеркнут принцип независимости прокуратуры и установлены гарантии независимости, в том числе специальной нормой Закона. Например, в законе о прокуратуре Узбекистана статья 6 так и называется — «Гарантии независимости прокуратуры в осуществлении полномочий».

Следует подчеркнуть, что почти все государства СНГ в своих основных законах устанавливают, что органы прокуратуры осуществляют надзор на территории государств за соблюдением законов, в том числе органами исполнительной власти, всеми учреждениями и организациями (Беларусь, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Украина). В республиках Беларусь и Казахстан прокурорский надзор охарактеризован как высший надзор за соблюдением законности. Указания об этом имеются в законах о прокуратуре и в ряде других государств. В законах рассмотрены и определенные меры реагирования на нарушения законов. Это и привлечение к уголовной и административной ответственности, а также право на опротестование незаконных актов, внесение представлений, в том числе и право опротестования судебных постановлений.

Таким образом, в большинстве государств прокуратура в основном сохранена как орган надзора за соблюдением законов, надзора за следствием и дознанием, как орган, осуществляющий уголовное преследование и поддержание государственного обвинения в суде. Вместе с тем даже в тех государствах, где прокуратура включена в ветвь исполнительной власти (например, в Кыргызстане), она не обладает контрольными полномочиями, не правомочна осуществлять надзор за оперативно-хозяйственной деятельностью и вправе вмешиваться только при установлении нарушений законов.

Практически во всех государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, при установлении различного порядка назначения генерального прокурора, подотчетности и системной зависимости, прокуратура сохранена как единая, независимая система при осуществлении своих обязанностей и задач, установленных законом.

Международно-правовое закрепление статуса ребенка как участника семейных отношений

Фёдорова Надежда Александровна, магистрант

Санкт-Петербургский государственный аэрокосмический университет приборостроения

Все более очевидным становится истина, что ребенок — это личность, умение которого жить в обществе, семье во многом зависит от предоставления ему возможности получить всестороннее развитие, проявить себя. Одним из способов достижения такой цели служит наделением гражданина, в данном случае несовершеннолетнего, соответствующими правами, т.е. превращение его в самостоятельный субъект права. Однако до середины прошлого столетия ребенок не рассматривался в качестве носителя прав. Впервые совместные усилия мирового сообщества по юридическому закреплению прав ребенка нашли свое отражение в Декларации прав ребенка 1924 года, принятая на 5-й Женевской сессии Лиги Наций, которая оказала значительное влияние на политику и дела правительства и отдельных лиц во всех частях мира.

20 ноября 1989 года Генеральной Ассамблея ООН единогласно принимает Конвенцию о правах ребенка. [1] Всего 2 минуты понадобилось, чтобы официально превратить международно-правовой акт в универсальный стандарт, который будет служить отныне мерилем основных прав детей в мире. После ее ратификации 16 августа 1990 г. Российская Федерация приняла на себя обязательство привести действующие семейное законодательство в соответствии с требованиями данной Конвенции. Включение в Семейный кодекс РФ главы, посвященной правам несовершеннолетних детей, явилось важным шагом на пути преодоления такого подхода.

Дети — это единственная социальная ценность особого рода, проблемы, соблюдения прав которых ставят перед государством, обществом и всеми гражданами задачу построения таких взаимоотношений, которые будут основаны на подлинном гуманизме, уважении достоинства ребенка, а также признании в нем самоценной личности и самостоятельного субъекта права. Когда, казалось бы, ценностью любого современного государства, если оно заинтересованно сохранить свой народ и заботиться о его будущем, считается семья, а главной ценностью семейной жизни — дети.

В международном праве существует определенная совокупность правовых институтов, в которых представлены нормы о правах ребенка. Нормативные акты по этим вопросам формировались международным сообществом достаточно длительное время. По окончании первой мировой войны британская организация «Спасите детей» и ее шведский аналог «РэддаБарнен» составили проект Декларации о правах ребенка, который был принят Лигой Наций в 1924 году. Женевская декларация, как она была названа, предоставила особую за-

щиту детям независимо от расы и национальности. Декларация, состоящая из 5 принципов, сформулировала цели международно-правовой защиты детей: ребенку должна предоставляться возможность нормального развития, как материального, так и духовного, голодный ребенок должен быть накормлен, больному ребенку должен быть предоставлен уход, порочные дети должны быть исправлены, сиротам и беспризорным детям должно быть дано укрытие и все необходимое для их существования; ребенок должен быть первым, кто получит помощь при бедствии; ребенку должна быть предоставлена возможность зарабатывать средства на существование и он должен быть огражден от всех форм эксплуатации, ребенок должен воспитываться с сознанием того, что его лучшие качества будут использованы на благо следующего поколения. В Декларации впервые подчеркивалось, что забота о детях и их защита не является больше исключительной обязанностью семьи, общества или даже отдельной страны — все человечество должно заботиться о благополучии детей. [2]

В рамках международной защиты прав человека Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года была принята Всеобщая декларация прав человека, а в 1966 году Международные пакты о правах человека. В Декларации и Пактах был сформулирован ряд положений, непосредственно касающихся прав и интересов детей: принцип равенства детей, нормы о защите материнства и младенчества, о защите детей от эксплуатации, право детей на образование. [2] Необходимость принятия международно-правовых документов о правах ребенка обусловлена интересами развития мирового сообщества и происходящими в нем интеграционными процессами. Международно-правовые нормы, регулирующие права ребенка, сосредоточены в различных источниках данной отрасли права, которые отличаются достаточно высоким уровнем проработки и техническим совершенством. Правовой режим этих актов сложился исторически, предопределяет их влияние на нормы российского национального законодательства о правах ребенка. Представляется необходимым прокомментировать содержание наиболее значимых международно-правовых актов, непосредственно закрепивших положения о правах ребенка.

Так, Декларация прав ребенка, провозглашенная резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г., закрепила 10 принципов, которые являются исходными для следующих прав ребенка: «Ребенку законом и другими средствами должна быть обеспечена специальная защита, предоставлены возможности

и благоприятные условия, которые позволяли бы ему развиваться физически, умственно, нравственно, духовно и в социальном отношении, здоровым и нормальным путем, и в условиях свободы и достоинства. При издании с этой целью законов главным соображением должно быть наилучшее обеспечение интересов ребенка».

Далее, ребенок имеет право на имя и гражданство, здоровый рост и развитие, надлежащее питание, жилище, развлечения и медицинское обслуживание. [4] В связи с этим уход и охрана должны быть обеспечены не только ребенку, но и его матери в дородовой и послеродовой период. Кроме того, отдельно оговариваются права неполноценных детей — они нуждаются в особом режиме, образовании и заботе. Ребенок должен развиваться в любви и понимании, в окружении родителей и под их ответственностью. Если у ребенка нет семьи, забота о нем возлагается на органы публичной власти. Особо отмечается положение многодетных семей, для них рекомендуется особая государственная поддержка. «Ребенок имеет право на получение образования, которое должно быть бесплатным и обязательным, по крайней мере, на начальных стадиях. Ему должно даваться образование, которое способствовало бы его общему культурному развитию и благодаря которому, он мог бы, на основе равенства возможностей, развить свои способности и личное суждение, а так же сознание моральной и социальной ответственности и стать полноценным членом общества». [5] Декларация так же закладывает известные моральные ценности, которые должны быть положены в основу воспитания детей. Ребенок должен воспитываться в терпимости и взаимопонимании между народами, расами и национальностями. Свою энергию он должен посвящать служению другим людям. Настоящая Декларация провозглашается для обеспечения счастливого детства детям, их прав, свобод и настаивает на том, чтобы каждое лицо, независимо от того мужчина то или женщина, государственная или общественная организация соблюдали права и свободы детей.

В вышеуказанной Декларации прав человека 1948 года и Международных пактах провозглашается принцип равенства детей. В Пакте о гражданских и политических правах устанавливается, что каждый ребенок без всякой дискриминации по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, национального или социального происхождения, имущественного положения или рождения имеет право на такие меры защиты, которые требуются в его положении как малолетнего со стороны семьи, общества и государства (п. 1 ст. 24). [6] Пакт об экономических, социальных и культурных правах запрещает дискриминацию по признаку семейного происхождения или по иному признаку (п. 3 ст. 10). В Декларации говорится о равенстве детей независимо от того, рождены они в браке или вне его: «Все дети, родившиеся в браке или вне брака, должны пользоваться одинаковой социальной защитой» (ст. 25). [7]

В Пакте о гражданских и политических правах предусматривается, что каждый ребенок должен быть заре-

гистрирован немедленно после его рождения и должен иметь имя (п. 2 ст. 24).

Главным документом в системе источников международного права следует считать Конвенцию о правах ребенка 1989 г., подготовка которой продолжалась около 10 лет. Первоначальный проект Конвенции, представленный Польшей, почти весь был сфокусирован на экономических, социальных и культурных правах, которые западные страны не признавали как юридически обязательные. В начале 80-х гг. переговоры по поводу Конвенции стали прогрессировать, так как Конвенцию поддерживали развивающиеся страны, которые увидели в ней полезный инструмент для поддержки своих требований по поводу глобальной экономической и социальной справедливости. В связи с этим США предложили ряд новых статей, которые предоставляли детям гражданские и политические права. С 1981 по 1988 г. Рабочая группа проводила ежегодные собрания перед сессиями Комиссии, обсуждала предложения всех заинтересованных правительств, специализированных учреждений ООН, а также международных неправительственных организаций. Генеральная Ассамблея приняла Конвенцию о правах ребенка. 2 сентября 1990 г. после сдачи на хранение 20 ратификационных грамот Конвенция вступила в силу.

Принятие Конвенции стало значительным событием в области защиты прав детей. В этом документе ребенок впервые рассматривается не только как объект, требующий специальной защиты, но и как субъект права, которому предоставлен весь известный объем прав человека. [8]

Конвенция состоит из 54 статей, охватывает гражданско-политические, социально-экономические и культурные права детей от их рождения и до достижения совершеннолетия (18 лет), если национальным законодательством не предусмотрен более ранний возраст достижения совершеннолетия (ст. 1). С принятием Конвенции был введен ряд новых прав ребенка: на выживание и развитие (ст. 6), на сохранение индивидуальности (ст. 8), право на свободное выражение своих взглядов (ст. 12), на участие в военных действиях (ст. 38), на физическое и психологическое восстановление и социальную интеграцию жертв злоупотребления и эксплуатации (ст. 39). В Конвенции впервые особо оговорена роль средств массовой информации: государства-участники обязуются поощрять средства массовой информации к распространению информации и материалов, полезных для ребенка в социальном и культурном отношении, чтобы ребенок имел доступ к информации из различных национальных и международных источников (ст. 17). В соответствии со статьей 42 государства-участники обязуются «широко информировать о принципах и положениях Конвенции, как взрослых, так и детей». [9]

Конвенция о правах ребенка стала отправной точкой для разработки региональных конвенций о правах ребенка. Так, в рамках Организации африканского единства

в 1990 г. принята Африканская Хартия прав и благополучия детей, Советом Европы разрабатывается Европейская конвенция о правах ребенка. Практикуются также конвенции, регулирующие отдельные права ребенка (например, Конвенция 1993 г. по защите детей и сотрудничеству в отношении международного усыновления).

Вывод: таким образом, обзор международно-правовых актов, содержащих нормы о правах ребенка, его семей-

но-правовом статусе, защите его интересов и гарантиях защиты, свидетельствует о том, что эти акты формировались под воздействием лучших гуманистических идей, что человечество на разных этапах своего развития задумывается о судьбе будущих поколений. Нормы международного права имеют непреходящее значение и оказывают непосредственное воздействие на национальное законодательство о правах ребенка.

Литература:

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.
2. Декларация прав ребенка (Принята 20.11.1959 Резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета, N 67, 05.04.1995.
4. Декларация прав ребенка (провозглашена Резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 г.)
5. Сборник международных договоров. Том 1 (часть первая) Универсальные договоры ООН Нью-Йорк и Женева, 1994 г. — с.47–49
6. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). // Ведомости ВС СССР. 28 апреля 1976 г. N 17. — с.12–16
7. Международный пакт от 16.12.1966 «Об экономических, социальных и культурных правах» // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 12, 1994
8. Права ребенка. Нормативные правовые документы. М. 2008. — с.19
9. Международная защита прав и свобод человека. Сборник документов. — М.: Юридическая литература, 1990. — с.56.

Уголовно-правовая категория «бездействие»: основные теоретические концепции и специфические правовые признаки

Ходжалиев Салех Айсевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Теоретическое осмысление бездействия как внешней формы преступного посягательства началось по факту четкого законодательного оформления данного понятия. «Внешний преступный проступок человека, — писал Н.Д. Сергиевский, — может состоять как в действии, так и в бездействии... при прочих равных условиях, учинение бездействия требует гораздо меньшего напряжения от человека, чем учинение действия, а потому и признается преступным гораздо реже и меньше» [1]. «Объективная сторона действия заключает в себе известное явление во внешнем мире; — рассуждал П.П. Пусторослев, — объективная сторона опущения, наоборот — несовершение, неисполнение, следовательно, отсутствие того явления, которое признается в законе необходимым» [2]. А.Ф. Бернер, также именуя акты бездействия «преступными опущениями», считал, что они «состоят в неис-

полнении предписанного законом и потому, с первого взгляда, не кажутся деяниями; но, на самом деле, они — отрицательные деяния; в них заключается как воля, так и внешнее ее выражение, только и то, и другое в отрицательном смысле» [3].

В современной уголовно-правовой доктрине традиционно принято определять действие и бездействие соответственно как активную и пассивную формы совершения преступления.

К трактовке активного и пассивного поведения в науке уголовного права сложился особый подход. Для признания бездействия преступным необходимо установить не факт пассивного поведения вообще, а факт пассивного отношения к конкретной субъективной обязанности. Как указывает А. — А. Тер-Акопов суть любого преступления сводится к изменению должного поведения, «что отодви-

гает на второй план такие отличительные признаки, как наличие или отсутствие физических процессов передачи движения». Иными словами, «действие» и «бездействие» обособились от значения форм физической активности (пассивности) и приобрели специфическое правовое наполнение» [4].

Однако полностью отказаться от учета физических параметров действия и бездействия не представляется возможным. Так, М. С. Гринберг определяет действие как «акт, опосредующий перенос энергии и перевод предметов, к которым оно прилагается, в новое состояние, а равно их перемещение в пространстве» [5]. Аналогично рассуждает и Г. В. Тимейко, полагая, что действие «всегда выступает как акт механического телодвижения, который ведет к самым различным превращениям одной формы движения в другую и вызывает при этом самые различные изменения во внешнем мире» [6]. Н. И. Коржанский указывает, что отличие преступного бездействия заключается в том, «что субъект не оказал определенного воздействия на материальный объект, хотя на нем и лежала правовая обязанность сделать это» [7].

Однако бездействие как форма преступного посягательства весьма редко соответствует бездействию в смысле физической пассивности. Даже когда бездействие в уголовно-правовом смысле фактически совпадает с его физическим аспектом, говорить об отсутствии его внешнего выражения все-таки нельзя. Как справедливо замечает по этому поводу В. Б. Малинин, «основанием ответственности должно быть исключительно то, что проявляется вовне, в противном случае это просто не поддается восприятию иными лицами» [8].

Оценка внешней стороны бездействия как формы совершения преступного посягательства не может быть сведена только к указанию на воздержание от должного поведения. Как справедливо указывает И. А. Есипова, «бездействие более статично, длительно во времени, оно рассматривается как определенное состояние, позиция лица. Действие же обладает дискретным, прерывистым характером, чередующимися изменениями и характеризуется не как состояние, а как процесс» [9]. А. И. Бойко также отмечает, что «для пассивного поведения неприемлемы инстинктивно обусловленные, импульсивные и автоматизированные поступки» [10].

В науке имеет место и прямое противопоставление действия и бездействия, когда последнее признается своего рода «действием со знаком минус». Вряд ли можно усмотреть противоречия в данном суждении, однако признание универсальности правила определения бездействия только как несостоявшегося действия не представляется возможным, т.к. толкуя бездействие как прямую противоположность действию мы значительно сузим круг деяний, понимаемых в настоящее время в уголовном праве как бездействие.

Уголовно-правовое бездействие многолико по своему проявлению. И только в ряде случаев оно выступает как

прямая противоположность действию, как физическая пассивность в чистом виде.

Одним из оснований разделения действия и бездействия иногда признается различная сущность уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за эти формы деяния. Предполагается, что действие, как правило, регламентируется с помощью норм-запретов, а бездействие — с помощью норм-предписаний (требований). Большинство современных исследователей, хотя и не очень категорично, но отрицают универсальность такого сопоставления. Однако отрицать определенную зависимость между видом уголовно-правовой нормы и регулируемым ею преступным поведением нельзя. Во-первых, она прослеживается в большинстве норм действующего уголовного законодательства. Во-вторых, запретительная норма в любом случае регламентирует активное посягательство, равно как норма требовательная всегда предполагает посягательство пассивного свойства. Так, убийство в любом случае является нарушением уголовно-правового запрета лишать жизни другого человека, и форма преступного поведения не меняет его правовой сущности.

В отношении предписывающих норм дело обстоит несколько проще. В ряде случаев законодатель текстуально подтверждает, что пассивное преступное поведение совершается посредством активных действий (например, в составе уклонения от исполнения обязанностей военной службы). Решающим в данном случае является не нарушение запрета на совершение определенных активных действий (хотя некоторые из них — например, подлог документов, — сами по себе являются незаконными), а невыполнение предписания по исполнению обязанностей военной службы. Исключение составляют, пожалуй, лишь нормы, регламентирующие ответственность за нарушение различного рода правил, где фактически происходит соединение нормы-требования и нормы-предписания, функционирование которых равнозначно и автономно.

Социальный характер уголовно-правовой категории «бездействие» в науке не оспаривается, поскольку оно приобретает характер общественной значимости только в том случае, если берется в совокупности конкретных обстоятельств, вызвавших необходимость действия.

В настоящее время законодательная доктрина основывается на приоритетности формального (нормативного) признака преступления. Что же касается бездействия, то здесь формальность является еще более выраженной. Поэтому неслучайным является решение некоторых исследователей об отнесении бездействия к своеобразному проявлению правового идеализма. Ранее уже указывалось, что бездействие в уголовно-правовом смысле редко бывает тождественным бездействию в смысле физическом. Отмечая это обстоятельство, исследователи приходят к выводу о необходимости признания его нормативной сущности, поскольку «адекватного юридическому бездей-

ствию понятия в психологии нет». Признание бездействия нормативной категорией является неизбежным. Многие вопросы, в том числе и самый «болезненный» вопрос каузальности бездействия, могли при данной диспозиции уже давно получить благополучное разрешение.

Законодательная формулировка понятия преступления объединяет действие и бездействие как две внешние формы воздействия на охраняемые объекты собирательным термином «деяние». Существует мнение, что без термина «деяние» нельзя охарактеризовать преступное поведение, но он должен использоваться при характери-

стике объективной стороны состава преступления, а не самого понятия преступления.

Что касается предложений о замене термина «деяние» на «посягательство», то, по мнению автора, последний действительно позволяет эффективней раскрыть сущностную сторону преступления. «Посягательство» обладает более выраженной смысловой нагрузкой в контексте понятия преступления, в большей степени созвучно признаку общественной опасности. По этой причине, автор работы считает его наиболее приемлемым в характеристике преступления и использует термин «посягательство» в формулировке темы данного исследования.

Литература:

1. Сергиевский, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая. — СПб.: Печатное Дело, 1910. — с. 307.
2. Пусторослей, П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Введение. Источники уголовного права. Преступление. — Юрьев: Тип. К. Маттисена, 1912. — с. 56.
3. Бернер, А. Ф. Учебник уголовного права: Части общая и особенная: с примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. — С. — Пб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. — с. 449.
4. Тер-Акопов, А. А. Бездействие как форма преступного поведения. — М.: Юридическая литература, 1980. — с. 39.
5. Гринберг, М. С. Преступления против общественной безопасности. — Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. — с. 62.
6. Тимейко, Г. В. Общее учение об объективной стороне преступления. — Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1977. — с. 39.
7. Коржанский, Н. И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации): Учебное пособие. — Волгоград: НИиРИО ВСШ МВД СССР, 1976. — с. 25.
8. Малинин, В. Б. Причинная связь в уголовном праве. — С. — Пб.: ЮЦ Пресс, 2000. — с. 169.
9. Есипова, И. Л. Правовое бездействие. — Волгоград: ВА МВД России, 2008. — с. 31.
10. Бойко, А. И. Преступное бездействие. — СПб.: ЮЦ Пресс, 2003. — с. 88.

Особенности формирования признаков общественной опасности и противоправности уголовно-правового бездействия

Ходжалиев Салех Айсевич, старший преподаватель
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Вопросы общественной опасности и противоправности неоднократно и обстоятельно исследовались в науке уголовного права, преимущественно в аспекте их взаимодействия в понятии преступления, первичности и вторичности по отношению друг к другу. Мнение о приоритетности признака общественной опасности либо противоправности постоянно менялось. На необходимость учета общественной опасности как обязательного признака преступления указывали многие русские исследователи (несмотря на формальный подход к понятию преступления в законодательстве той эпохи).

Автор исследования считает, что абсолютизация того или иного признака в ущерб другому не может способ-

ствовать адекватному восприятию сущности преступления. Преимущественной является «смешанная» позиция, она более компромиссна, меньше «будоражит» научную мысль, подвигая ее на поиски все новых аргументов в обоснование значимости того или иного признака (хотя научная дискуссия не есть плохо). Позиция российского и казахстанского законодателя, на наш взгляд, верна. Установлен определенный баланс между этими признаками, хоть и с некоторым предпочтением в пользу противоправности.

Отличительную характеристику общественной опасности бездействия можно встретить в незначительном количестве исследований. Наиболее характерен соли-

дарный подход к анализу общественной опасности действия и бездействия, ориентированный на выделении единых закономерностей формирования этого признака. Иногда в уголовно-правовой науке встречаются мнения о меньшей степени общественной опасности бездействия по сравнению с действием. Однако данное утверждение носит чисто умозрительный характер. Попытки аргументировать его с помощью существующих уголовно-правовых норм, как правило, выглядят неубедительно. Так, анализируя санкции уголовного закона, мы пришли к выводу, что максимальное наказание за преступное бездействие ниже санкция за преступное действие, даже при наличии равных преступных последствий (например, ч. 3 ст. 118 и ч. 1. ст. 124 УК РФ). Однако в указанных преступлениях общественная опасность различна вследствие разной формы вины, а не внешних форм совершения преступления. Полагаем, что утверждение о меньшей степени общественной опасности может быть обоснованно только в отношении бездействия в целом, а не отдельных его видов, да и то только по причине сдержанности законодателя в отношении криминализации бездействия.

Общественная опасность действия и бездействия (в отличие от общественной опасности преступления в целом) могут определяться только внешней стороной преступного поведения, то есть «наличие и степень общественной опасности действия и бездействие не зависят от свойств субъекта, форм вины, мотивов и целей, к осуществлению которых стремился виновный». Наиболее точно отличительные признаки общественной опасности бездействия, по мнению автора, определены в работах Г.В. Тимейко и С.В. Землюкова. Г.В. Тимейко полагает, что общественно опасный характер действию придает «количественное накопление вреда, причиняемому объекту», которое в итоге вызывает «качественные его изменения». Что же касается преступного бездействия, то в данном случае посягательство на объект происходит «в силу непредотвращения общественно опасных последствий и недостижения общественно полезных результатов».

Исследователи часто указывают на факт недооценки общественной опасности бездействия. Одни имеют в виду недооценку общественной опасности бездействия в целом, поскольку оно приводит к разрушению существующих отношений и создает негативные изменения в разрушенной системе. Другие обращают внимание на недостаточный учет общественной опасности отдельных видов бездействия, в частности, бездействия должностных лиц. Третьи полагают, что недооценка общественной опасности бездействия, как следствие, приводит к недостаточности правовых норм по его урегулированию либо к очень редкому применению существующих норм [1]. Автор солидарен с высказанными предположениями. Недооценка общественной опасности бездействия имеет особенно неблагоприятные последствия, если в качестве ее субъекта выступает законодатель. В наибольшей же степени она непозволительна в отношении бездействия лиц, наделенных властными полномочиями.

В науке уголовного права выделяют несколько видов (способов описания) уголовной противоправности: 1) прямая; 2) сметанная (бланкетная); 3) условная. Как уже было указано выше, прямая уголовная противоправность при регламентации ответственности за бездействие имеет место в единичных случаях. Также редко при бездействии имеет место и условная противоправность, когда в ходе описания состава указываются лишь признаки вредных последствий (убийство путем бездействия).

Наиболее характерной для бездействия является так называемая «смешанная» (бланкетная) противоправность. Бланкетные диспозиции и смешанная противоправность более всего расположены для регламентации ответственности за бездействие. Несмотря на то, что действие также может быть регламентировано посредством бланкетной противоправности (например, в случае нарушения различных правил), в контексте бездействия такой вид противоправности является превалирующим. В случае преступного бездействия «необходимо точно устанавливать, каким нормативным актом были предусмотрены действия, которые следовало совершить обвиняемому, т.е. установить противоправность допущенного бездействия.

Данный вид противоправности в контексте бездействия обладает многими преимуществами, поскольку описание всех служебных или общественных функций, невыполнение которых является уголовно наказуемым деянием, практически возможно лишь в уставах, наставлениях, инструкциях, положениях, правилах и иных нормативных актах.

Как правило, исследователи, анализируя признак противоправности бездействия, включают в него, помимо наличия специальной обязанности, еще и наличие реальной возможности действовать соответствующим образом. «Согласно положениям Общей части уголовного права, — пишет М.А. Горбатова, — ответственность за бездействие может наступить только в том случае, если на лице лежала обязанность действовать, он имел реальную возможность совершить определенное действие по предотвращению опасности, но не сделал этого» [2]. Однако речь здесь идет только об общей части науки уголовного права, но не об общей части уголовного закона. Непосредственно в тексте уголовного закона отсутствует указание на необходимость установления возможности бездействующего субъекта действовать надлежащим образом (в отличие от наличия обязанности действовать, вытекающей из конкретных уголовно-правовых норм).

Следует отметить, что все основания привлечения к уголовной ответственности (общие для действия и бездействия — вина, возраст, вменяемость и т.д.) находят свое отражение в нормах уголовного закона. В то же время, дополнительное основание ответственности за бездействие в виде наличия возможности действовать надлежащим образом в уголовном законе не упоминается. Правда, в рамках отдельных составов преступлений имеют место определенные «оговорки», касающиеся воз-

возможности действовать. Так, например, в ст. 124 УК РФ и ст. 118 УК РК говорится об отсутствии «уважительных причин» неоказания медицинской помощи.

Именно такого рода оговорки в тексте уголовного закона вызывают у отдельных исследователей сомнительное толкование общего правила наличия у бездействующего субъекта возможности действовать, позволяют предположить возможность избирательного поведения правоприменителя. Некоторые ученые приходят к выводу, что подобные «извинительные основания возможного освобождения от уголовной ответственности за бездействие» следует вообще исключить из текста уголовного закона.

По мнению автора исследования, подобные рассуждения являются следствием существования реальной диспропорции юридического и фактического основания ответственности за бездействие. В связи с чем, высказывается мысль о необходимости формулирования в уголовном законе специальной нормы, регламентирующей основания ответственности за бездействие. Однако автор не согласен с мнениями, согласно которым формулировка такой специальной нормы исключит необходимость использования в тексте некоторых уголовно-правовых норм дополнительных обстоятельств извинительного свойства. В некоторых исключительных случаях такое усиление из-

винительных обстоятельств бездействия является оправданным.

Теперь, возвращаясь к исследуемому вопросу, предположим, что в уголовном законе будет изъято указание на уважительные причины неоказания помощи, и вопрос ответственности медицинского работника будет решаться путем формального определения возможности оказания помощи. Полагаем, это может привести в конкретных ситуациях к необоснованной репрессивности уголовного закона. Вместе с тем, законодателю следует остерегаться слишком частного использования подобных оговорок извинительного свойства, поскольку в большинстве случаев достаточным является общее правило ответственности за бездействие.

Полагаем, что при описании конкретного вида бездействующего поведения, его признаки должны быть конкретизированы (как минимум, указаны) в уголовном законе, на что справедливо обращают внимание некоторые исследователи. Если трактовка бездействия как возможного способа убийства является устоявшейся в теории и практике, а возможность бездействия в составах нарушения различных правил может быть установлена с учетом бланкетности данных диспозиций, то в отношении, например, состава злоупотребления должностными полномочиями с такой «скрытой» противоправностью согласиться нельзя.

Литература:

1. Янова, Л. С. Социальное бездействие и преодоление его негативных последствий. — Нижний Новгород: Деком, 2007. — с. 104.
2. Горбатова, М. Л. Составы преступлений, ставящих в опасность жизнь и здоровье: понятие, система и уголовно-правовой анализ. — Саратов: Пронто-Самара, 2013. — с. 150.

Взаимодействие категории «уголовно-правовое бездействие» с отдельными институтами и категориями общей части уголовного права

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Бездействие как одна из центральных категорий уголовного права особым образом взаимодействует с другими уголовно-правовыми категориями и институтами. В результате этого взаимодействия моделируются частные случаи функционирования этих категорий и институтов, что отражается в квалификации соответствующих деяний. При исследовании обозначенного направления автор будет оперировать термином «бездействие» не только в его традиционном понимании как формы совершения преступных посягательств, но и во всех других проявлениях (то, что ранее было обозначено как «уголовно-правовая пассивность»). Поскольку в рамках настоящего исследования невозможно произвести подробный

анализ каждого института и категории уголовного права, будут осуществляться своеобразные теоретические извлечения сообразно с поставленными задачами.

Для начала проанализируем особенность проявления бездействия в рамках института соучастия. Здесь следует выделить два аспекта, подлежащие рассмотрению: 1) особенности проявления функциональных ролей соучастников в преступлениях, совершаемых в форме бездействия; 2) возможность исполнения соответствующих функциональных ролей посредством бездействующего поведения.

В отношении первого аспекта особых разногласий в теории уголовного права нет. Согласно устоявшимся

теоретическим и практическим взглядам, исполнителем преступления, совершаемого в форме бездействия, может являться только лицо, обязанное по закону совершить соответствующие действия. Что касается остальных соучастников таких преступлений, то они могут, в отличие от исполнителя, не обладать признаками специального субъекта преступления.

Рассуждая о возможности выражения функциональных ролей соучастников посредством бездействия, необходимо учитывать, что непосредственно сами функциональные роли (независимо от того, действием или бездействием они исполняются) всегда представляют собой активный вклад в совершение совместного преступления. Непосредственное же содержание поведения отдельных соучастников, действительно, может выражаться как в действии, так и в бездействии. Причем, когда речь идет о бездействии исполнителя преступления, то имеется в виду бездействие как форма совершения преступления. Когда же речь идет о пособнике, то здесь имеет место бездействие как поведение. Действительно, в науке уголовного права практически единогласно признается возможность бездействующего поведения при соучастии именно в пособничестве. Тем не менее, иногда имеют место и нетрадиционные подходы, признающие возможность бездействия в рамках других функциональных ролей соучастников [2]. По мнению автора, бездействие как разновидность поведения пособника всегда представляет собой акт попустительства преступлению. Ввиду значительного количества спорных моментов в трактовке и квалификации попустительства преступлению, в том числе и попустительства-соучастия, данный вопрос будет подвергнут отдельному рассмотрению в третьей главе настоящего исследования.

Таким образом, вкратце взаимодействие категории «бездействие» с институтом соучастия можно выразить следующим образом: 1) в составах преступного бездействия требованиям специального субъекта преступления должен отвечать только исполнитель преступления; 2) функциональная роль соучастника, независимо от ее поведенческого наполнения, всегда активна; 3) бездействие как поведение соучастника при выполнении соответствующей функциональной роли может иметь место только в пособничестве и выступает как акт попустительства преступлению.

Специфика уголовно-правового бездействия создает и частные случаи функционирования института стадий совершения умышленного преступления. Вопрос о квалификации покушения посредством бездействия в науке уголовного права решается однозначно. Если преступление совершается в форме бездействия, то и покушение выражается в бездействии. Иными словами, покушение-бездействие возможно только в преступлениях, совершаемых в форме бездействия. Кроме того, как совершенно справедливо отмечают исследователи, покушение в формальных составах преступления вообще отсутствует, поскольку здесь уже первый акт невыполнения требуемых действий образует окончанный состав преступления.

Сложнее решается вопрос о проявлении категории бездействия в контексте приготовления к преступлению. Для удобства рассмотрения данного вопроса необходимо выделить два самостоятельных направления: 1) возможность приготовления к преступлению в форме бездействия; 2) возможность признания бездействия в качестве разновидности приготовительных действий. Заметим, что теоретики далеко не всегда разграничивают эти параметры, обычно рассматривая их в совокупности, что и приводит к появлению методологических ошибок.

Что касается возможности квалификации бездействия в качестве приготовления к преступлению (независимо от его формы), то здесь позиции исследователей существенно разнятся. Одни признают такую возможность и даже предлагают внести специальное указание в законе, другие отрицают. Права в этом отношении К. Т. Тедеева, когда признает возможность приготовления посредством бездействия, хотя и указывает на их сравнительную редкость [2]. В. Д. Иванов в подтверждение такой возможности приводит пример, когда приготовление к хищению может состоять в оставлении незакрытым помещения, в котором хранятся материальные ценности [3]. Теоретические позиции, отрицающие возможность квалификации бездействия в качестве приготовительных действий, напротив, часто выглядят совершенно необоснованно. Так, Т. В. Устинова, полагает, что непосредственно в уголовном законе указывается на невозможность приготовления-бездействия, т.к. законодатель «фиксирует внимание на том обстоятельстве, что данные виды неоконченной преступной деятельности представляют собой волевой акт человеческого поведения» [4]. Во-первых, отрицание волевого аспекта в бездействии выглядит теоретически некорректным. Во-вторых, наличие в указанной статье формулировки «иное умышленное создание условий» не позволяет сделать однозначный вывод об активном характере приготовительных действий. Ошибочность подобных теоретических позиций основана на том, что авторы не разделяют приготовление к преступлению в форме бездействия и собственно приготовление-бездействие.

Подводя итог рассмотрению категории «бездействие» в рамках института стадий совершения преступления, сформулируем следующие выводы: 1) покушение путем бездействия возможно только в преступлениях, совершаемых в форме бездействия; 2) приготовление к преступлению в форме бездействия может быть выражено только посредством активных действий; 3) приготовление посредством бездействия может иметь место только в преступлениях, совершаемых в форме активных действий.

Теперь остановимся на взаимодействии категории «бездействие» с институтом добровольного отказа от совершения преступления. Здесь вновь следует разграничить две ситуации: 1) возможность самого добровольного отказа путем бездействия; 2) особенности добровольного отказа в преступлениях, совершаемых в форме бездействия.

Можно представить ситуацию в упрощенном варианте, предлагаемом отдельными исследователями: если посягательство выполняется в форме активных действий, то добровольный отказ представляет собой воздержание от дальнейшего продолжения посягательства, и, наоборот, в преступном бездействии добровольный отказ должен быть выражен в форме активного поведения. Однако здесь не учитывается весь спектр возможных ситуаций, в частности, зависимость от конструкции состава преступления.

Добровольный отказ в форме бездействия возможен на стадии приготовления в формальных составах действия (например, лицо, подготовив клеветническую статью в газету, отказывается от ее опубликования). Стадия покушения в таких составах практически отсутствует, поэтому и добровольный отказ здесь исключается. Что касается материальных составов действия, то он возможен посредством бездействия и на стадии покушения, но только до момента, когда общественно опасные последствия становятся необратимыми.

Теперь относительно специфики добровольного отказа в составах, совершаемых в форме бездействия. Здесь также следует учитывать особенности конструкции состава. Поскольку покушение при формальном составе бездействия исключается, постольку добровольный отказ в данном случае возможен только на стадии приготовления. Причем, в данном случае лицо должно прекратить свои активные действия, направленные на совершение преступления. Так, лицо, совершающее приготовительные действия с целью дальнейшего уклонения от уплаты алиментов, должно воздержаться от своих действий и выполнить соответствующую обязанность.

В материальных составах бездействия добровольный отказ может быть как на стадии приготовления, когда лицо прекращает соответствующие активные действия, так и на стадии покушения, когда лицо допускает первые акты бездействия, но только до того момента, пока имеется возможность предотвратить общественно опасные последствия.

Литература:

1. Козлов, А. П. Соучастие: уголовно-правовые проблемы. — СПб.: Литера, 2013. — с. 14.
2. Тедеева, К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов. — М.: Сигматика, 2015. — с. 67.
3. Иванов, В. Д. Предупреждение и пресечение преступлений на различных стадиях их проявления. — СПб.: Альфарет, 2015. — с. 99.
4. Устинова, Т. А. Индивидуализация ответственности за неоконченное преступление // Уголовное право. 1947. № 4. — с. 21.

Добровольный отказ в материальном составе бездействия сближается с добровольным отказом в материальном составе действия. И в том, и в другом случае необходимо произвести определенные активные действия для предотвращения общественно опасного последствия. Причем, следует заметить, что в случае бездействия, общественно опасные последствия, как правило, являются более обратимыми, нежели при действии.

Отдельным аспектом рассматриваемого вопроса является добровольный отказ соучастников преступления. Итак, в каком случае добровольный отказ соучастников может быть выражен посредством бездействия? Полагаем, данная ситуация может иметь место только в отношении исполнителя преступления с учетом всех изложенных выше обстоятельств, касающихся единоличного преступления. Что касается других соучастников, то следует учитывать, что их поведение (действие или бездействие) не тождественно значению функциональной роли в совместном преступлении, которая выражается как более или менее активное содействие совершению преступления исполнителем. Поэтому, по общему правилу, об их добровольном отказе можно говорить только при совершении ими активных действий по предотвращению совершения преступления исполнителем. То есть бездействие в данном случае исключается (ч. 4 ст. 31 УК РФ и ч. 3 ст. 36 УК РК).

Резюмируем рассмотрение вопроса о взаимодействии категории «бездействие» и института добровольного отказа от совершения преступления: 1) добровольный отказ посредством бездействия возможен только в активных преступных посягательствах (в формальных составах ограничивается стадией приготовления, а в материальных — допускается и на стадии покушения, но до момента необратимости последствий); 2) добровольный отказ в формальных составах бездействия возможен только на стадии приготовления, а в материальных — также и на стадии покушения, однако только до того, как последствия станут необратимыми; 3) добровольный отказ в форме бездействия возможен только со стороны исполнителя преступления.

Проблемы ответственности за отдельные виды уголовно-правового бездействия и пути совершенствования уголовного законодательства

Яхьяева Мархат Увайсовна, ассистент
Чеченский государственный университет (г. Грозный)

Уклонения от исполнения различного рода юридических обязанностей являются одним из наиболее часто упоминаемых в уголовном законе и встречающихся на практике видов бездействующего поведения. Использование законодателем термина «уклонение» при описании значительного количества составов преступлений дает основание предположить существование некоего сходства между соответствующими деяниями. В современной науке уголовного права можно выделить значительный пласт теоретических исследований, посвященных различным видам уклонений. Причем, если в исследованиях общих вопросов уголовно-правового бездействия, как правило, нет серьезных расхождений в признании уклонения разновидностью бездействия, то в частных исследованиях наблюдается абсолютный разнобой. По этой причине исследование термина «уклонение» и преступлений, обозначаемых этим термином, будет производиться преимущественно на основе частных исследований различных видов уклонений.

Каждый вид уклонения от соответствующих обязанностей, сконструированный в УК РФ и УК РК, представляет собой специфическое деяние со «смешанной» противоправностью и, соответственно, многими проблемными вопросами теории и практики. Область данного исследования ограничивается проблемой употребления самого термина «уклонение», а также уяснением правовой природы уголовно-правовых деяний, которые законодатель определяет посредством данного термина.

Многие исследователи выражают несогласие с употреблением указанного термина в уголовном законе, предлагая его замену отрицательными понятиями, более точно, на их взгляд, отражающими социально-правовую сущность соответствующих деяний (например, не «уклонение от уплаты налогов», а «неуплата налогов»). Данная группа исследователей аргументирует точку зрения, согласно которой термин «уклонение» не обладает достаточной информативностью и не позволяет в необходимой степени точно описать обозначаемые им преступные деяния. Такая точка зрения имела место в советский период развития уголовно-правовой науки и сохранилась до настоящего времени.

Так, автор исследования проблемы уклонения от оказания материальной помощи В. В. Тимошенко предлагает замену термина «уклонение» на «невыполнение обязанностей по содержанию детей» и «невыполнение обязанностей по оказанию материальной помощи родителям». [1]

Данная точка зрения отстаивается и в современных исследованиях. Так, А. М. Вандышева приходит к выводу, что под уклонением надо понимать собственно неуплату

налогов, как результат уклонения, составляющий сущность объективной стороны налогового преступления. В связи с чем, автор поддерживает мнение, что в диспозиции ч. 1 ст. 199 УК РФ понятие «уклонение» следует заменить на «неуплату» [2].

Т. А. Мосиенко, в свою очередь, считает, что «расплывчатое понятие «уклонение от уплаты» целесообразно заменить более жестким «непредставление средств на содержание» [3].

Автор работы склонен не согласиться с мнением указанных авторов, хотя и признает обоснованность их стремления внести ясность в использование термина «уклонение» в уголовном законодательстве. Авторская позиция по данному вопросу будет изложена ниже, после того, как будут проанализированы некоторые существенные обстоятельства, связанные с употреблением данного термина.

Рассматривая данный вопрос в рамках настоящего исследования, автор фактически констатирует свою позицию, согласно которой уклонение является разновидностью уголовно-правового бездействия.

Уклонение, таким образом, является видом преступного поведения, которое может сопровождаться самыми разнообразными способами его проявления в объективной реальности. Отталкиваясь от этого тезиса, обратимся к рассмотренным ранее теоретическим спорам относительно целесообразности употребления термина «уклонение» в тексте уголовного закона. С одной стороны, авторы, предлагающие заменить словосочетания «уклонение от уплаты налогов» на «неуплату налогов», «уклонение от уплаты алиментов» на «неоказание материальной помощи» и т.п. преследуют благую цель конкретизировать законодательные формулировки и в максимальной степени отразить социально-правовую сущность исследуемых деяний. С другой стороны, эти стремления чрезмерно утилитарны, поскольку предлагаемые изменения позволят в большей степени отразить преступный результат, наступивший в результате деяния виновного, нежели форму его поведения. Термин «уклонение», наоборот, в максимальной степени характеризует именно противоправный поведенческий акт, при котором виновное лицо, не желая исполнять ту или иную юридическую обязанность, может вести себя как пассивно, так и активно (даже преимущественно активно). Употребление термина «уклонение» как бы усиливает юридически значимое пассивное отношение к обязанности элементами субъективного характера.

Более того, закономерно предположить, что уклонение от исполнения соответствующей обязанности является сутью любого бездействующего поведения в уголовном праве. Иными словами, любое деяние, которое

в соответствии с конструкцией уголовно-правовой нормы совершается в форме бездействия, представляет собой не что иное, как уклонение от исполнения соответствующей обязанности. Поэтому в какой-то степени права Л. С. Янова, утверждающая в своем философском исследовании, что бездействие в праве — это всегда уклонение.

Итак, термин «уклонение» является достаточно универсальным и в максимальной степени подходящим для описания определенного вида бездействующего поведения в уголовном праве, предполагающим возможность активного поведения субъекта, содержащим в себе, помимо характеристики объективных параметров поведения, существенную субъективную составляющую. Перечень уклонений в действующем уголовном законодательстве России является гибким, поскольку признаки уклонения можно усмотреть и в некоторых других преступлениях, не определенных в настоящее время посредством термина «уклонение». В этом смысле его употребление законодателем является более или менее произвольным.

Проблемы нравственного обоснования и законодательной регламентации ответственности за несообщение о преступлении, заключается в том, что несмотря на общую правовую традицию, в уголовном законодательстве РФ с 1996 года норма о недонесении декриминализована.

Проблема нравственного обоснования ответственности за недонесение волнует умы криминалистов с давних времен. Исследуя проблему, автор пришел к убеждению, что одним из основных факторов, вызывающих негативную реакцию со стороны исследователей, является употребление термина «недонесение». Позволим себе произвести оговорку, что упрек в отсутствии нравственного обоснования направлен исключительно в сторону уголовной ответственности за недонесение о преступлении, а не в отношении фактов сообщения граждан об известных им преступлениях. Практическая значимость и социальная полезность таких сообщений никогда не отрицались (если, конечно, они не гипертрофируются в ложные доносы). Поэтому, следует признать недостаточно точными утверждения отдельных авторов, что «на сегодняшний день аморальным и безнравственным считается сообщение о преступлении».

Однако главная проблема обоснования ответственности за недонесение заключается все-таки не в терминологической составляющей, изменить которую не составит большого труда для законодателя. Гораздо более важным является отношение рядовых граждан и теоретиков права к социально-правовой сущности данного явления. Заметим, что по данным современных исследователей, граждане в основной массе согласны сообщать правоохранительным органам ставшую им известной информацию о преступлении. Соответственно, и правоохранительные органы как наиболее заинтересованная сторона в деле пресечения и своевременного раскрытия

преступлений, высказываются в пользу существования ответственности за несообщение.

Проблема уголовной ответственности за несообщение о преступлении имеет множество спорных моментов, касающихся как основания ответственности за него, так и вопросов квалификации и разграничения со смежными составами преступлений.

В настоящее время отдельного состава попустительства уголовное законодательство РФ не содержит. Однако сам термин «попустительство» нельзя признать анахронизмом, т.к. он продолжает использоваться теоретиками уголовного права, содержится в тексте уголовного закона при описании состава получения взятки и упоминается в других законодательных актах.

Спорным моментом в науке является возможность квалификации попустительства со стороны частных лиц, на которых законом возложена специальная обязанность воспрепятствования преступлению. Практически единственным вариантом такой квалификации являются случаи оставления в опасном состоянии (ст. 125 УК РФ и ст. 119 УК РК), когда виновный не препятствует совершению преступления в отношении беспомощного лица, о котором обязан иметь заботу. Попущенное преступление в данном случае представляет собой не что иное, как особый вид опасности для лица, лишенного возможности принять меры к самосохранению. Между тем, только в единичных исследованиях вопросов оставления в опасном состоянии имеются соответствующие указания.

Полагаем, данную ситуацию следует рассматривать с позиции категорий долженствования и возможности, которые всегда сопутствуют решению вопроса об ответственности за бездействующее поведение. В связи с чем, в контексте анализируемой ситуации должны квалифицироваться только такие случаи попустительства преступным посягательствам на беспомощное лицо, когда перед виновным не стоит необходимость совершать акт необходимой обороны. Но каким образом зафиксировать данное обстоятельство в тексте уголовного закона? Есть два возможных варианта решения данного вопроса. Во-первых, можно произвести «усиление» извинительного аспекта бездействия, которое исключало бы уголовную ответственность обязанного лица при чрезмерном риске, добавив формулировку «без серьезной опасности для самого лица».

Вторым вариантом решения обозначенной проблемы может быть формулирование специального состава попустительства преступлению со стороны обязанных лиц, предусмотренных в ст. 125 УК РФ и ст. 119 УК РК. По мнению автора исследования, второй вариант следует признать более предпочтительным по следующим соображениям. Во-первых, включение вышеуказанного извинительного основания в состав оставления в опасности может привести к его расширительному толкованию на все остальные случаи оставления в опасном состоянии, что нежелательно, т.к. здесь достаточно приме-

нения общих правил ответственности за бездействие. Во-вторых, наличие специального состава позволит более качественно регламентировать случаи попустительства преступлениям в отношении лиц, лишенных возможности принять меры по самосохранению.

В контексте проблемы уголовно-правового попустительства следует рассмотреть также вопрос о «попустительстве-соучастия». Исследуя вопросы ответственности за несообщение о преступлении в предыдущем параграфе, автор обозначил данную проблему в отношении «несооб-

щения — соучастия». Учитывая общие параметры взаимодействия данных уголовно-правовых явлений с институтом соучастия в преступлении, рассмотрим вопросы «попустительства-соучастия» и «несообщения-соучастия» в обобщенном варианте.

Поскольку законодатель идет по пути перечисления всех возможных способов пособничества, считаем необходимым дополнить данный перечень указанием на заранее обещанное попустительство и заранее обещанное несообщение о преступлении.

Литература:

1. Тимошенко, В. В. Уголовная ответственность за неоказание материальной помощи. — Минск: Белиздат, 1982. — с. 19.
2. Вандышева, А. М. Уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды с организаций и проблемы его квалификации. — М.: Логос, 2003. — с. 20.
3. Мосиенко, Т. Л. Злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (уголовный и уголовно-исполнительный аспекты). — Ростов-на-Д: Феникс, 2005. — с. 17.

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 21 (101) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И.Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.
Яхина А. С.
Ячинова С. Н.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игиснинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

http://www.moluch.ru/

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25